

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

ГЛУБИНА

ЛАБИРИНТ ОТРАЖЕНИЙ
ФАЛЬШИВЫЕ ЗЕРКАЛА
ПРОЗРАЧНЫЕ ВИТРАЖИ

Сергей Лукьяненко
Глубина: Лабиринт отражений.
Фальшивые зеркала.
Прозрачные витражи
Серия «Миры Сергея Лукьяненко»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166292

*Глубина: Лабиринт отражений; Фальшивые зеркала; Прозрачные
витражи : [фантастические романы]: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-126974-6*

Аннотация

«Лабиринт отражений». «Фальшивые зеркала». «Прозрачные витражи».

Знаменитый цикл мастера отечественной фантастики Сергея Лукьяненко, получивший культовый статус благодаря динамичному сюжету, уникальной авторской манере повествования и пророческому послы: величайшее чудо, созданное человечеством, может оказаться как даром, так и проклятием, если использовать его бездумно.

Итак, добро пожаловать в виртуальный город Диптаун – столицу киберреальности!..

Содержание

Лабиринт отражений	7
Часть первая	7
00	7
01	8
10	47
11	51
100	71
101	90
110	96
111	105
1000	111
1001	115
1010	121
Часть вторая	130
00	130
01	133
10	140
11	147
100	154
101	157
110	162
111	169
1000	191

1001	198
1010	236
Часть третья	251
00	251
01	258
10	275
11	284
100	292
Конец ознакомительного фрагмента.	303

Сергей Лукьяненко
Глубина: Лабиринт
отражений;
Фальшивые зеркала;
Прозрачные витражи

© С. Лукьяненко, 1997, 1999, 2000

© ООО «Издательство АСТ», 2021

СЕРГЕЙ
ЛУКЬЯНЕНКО
ГЛУБИНА

ЛАБИРИНТ ОТРАЖЕНИЙ
ФАЛЬШИВЫЕ ЗЕРКАЛА
ПРОЗРАЧНЫЕ ВИТРАЖИ

Издательство АСТ
Москва

Лабиринт отражений

*Наша работа во тьме –
Мы делаем, что умеем,
Мы отдаем, что имеем,
Наша работа – во тьме.
Сомнения стали страстью,
А страсть стала судьбой.
Все остальное – искусство
В безумии быть собой.*

Гимн хакеров, русский вариант

Часть первая Дайвер

00

Хочется закрыть глаза. Это нормально. Цветной калейдоскоп, блески, искрящийся звездный вихрь – красиво, но я знаю, что стоит за этой красотой.

Глубина. Ее называют «дип», но мне кажется, что по-русски слово звучит правильнее. Заменяет красивый ярлычок предупреждением. *Глубина!* Здесь водятся акулы и спруты.

Здесь тихо – и давит, давит, давит бесконечное пространство, которого на самом деле нет.

В общем-то она добрая, *глубина*. По-своему, конечно. Она принимает любого. Чтобы нырнуть, нужно не много сил. Чтобы достичь дна и вернуться – куда больше. В первую очередь надо помнить – *глубина* мертва без нас. Надо и верить в нее, и не верить. Иначе настанет день, когда не удастся вынырнуть.

01

Первые движения – самые трудные. Комната небольшая, стол стоит посередине, жгуты проводов от компьютера тянутся к УПС – установке бесперебойного питания, в углу, и дальше – к розетке. Тонкий провод уходит к телефонной линии. У стены, под роскошным ковром, – тахта, у открытой двери на балкон – маленький холодильник. Самое необходимое. Пять минут назад я проверил, что лежит в холодильнике, так что голод в ближайшие сутки мне не грозит.

Я поворачиваю голову налево, направо – на мгновение в глазах темнеет, но это лишь секунда. Ничего. Бывает.

– Все в порядке, Леня?

Динамики отрегулированы на максимум, я морщусь, отвечаю:

– Да. Тише звук.

– Звук – тише, – соглашается «Виндоус-Хоум», – тише,

тише...

– Хватит, Вика, – останавливаю я. Хорошая программа. Послушная, понятливая и доброжелательная.

Не без самомнения, как вся продукция «Майкрософта», но с этим приходится мириться.

– Удачи, – говорит программа. – Когда тебя ждать?

Я смотрю на экран – там, в ореоле оранжевых искр, плывет женское лицо. Молодое, симпатичное, но, в общем, ничего особенного. Устал я от красоты.

– Не знаю.

– Я бы хотела иметь десять минут на самоконтроль.

– Хорошо. Но не более. Через десять минут мне понадобятся все ресурсы.

Лицо на экране морщится – программа вычленяет ключевые слова.

– Только десять минут, – покорно говорит «Виндоус-Хом». – Но я вновь обращаю твое внимание, что уровень поставленных задач не всегда соответствует объему моей оперативной памяти. Желательно расширение до...

– Утихни. – Я встаю. «Утихни» – это безусловный приказ, после него программа спорить не смеет. Шаг влево, шаг вправо... Ха-ха. Нет, это не попытка к бегству, это скорее добровольное заточение. Я дохожу до холодильника, открываю дверцу, достаю банку «спрайта», открываю. Напиток холодит горло. Это почти ритуал – *глубина* всегда сушит слизистую. С банкой в руке я выхожу на балкон, в теплый лет-

ний вечер.

В Диптауне почти всегда вечер. Улицы залиты светом реклам, тихо рокочут несущиеся машины. И идут, идут сплошным потоком люди. Двадцать пять миллионов постоянного населения – самый крупный мегаполис мира. С высоты одиннадцатого этажа лиц не разглядеть. Я допиваю «спрайт», кидаю банку вниз и возвращаюсь в комнату.

– Неэтично... – бормочет компьютер. Не реагируя, я выхожу в прихожую, обуваюсь, открываю дверь. Подъезд пустой и светлый, очень-очень чистый. Пока я вожусь с замком, в полуоткрытую дверь пытается влететь крошечный жучок. Ага. Ламеры развлекаются. Я с иронией наблюдаю за настырным насекомым – из квартиры дует ровный поток воздуха, вынося его обратно. Наконец дверь закрыта, жучок в последнем усилии бьется в нее, короткая вспышка – и насекомое падает на пол.

– Подать жалобу владельцу дома? – спрашивает «Виндоус-Хоум». Теперь голос идет из серебряных заколок на лацканах моей рубашки.

– Подавай, – соглашаюсь я. Все забываю объяснить программе, что владельцем дома являюсь я сам.

Лифт ждет меня на этаже. Обычно я спускаюсь по лестнице... заглядываю по пути в чужие квартиры. Там ведь все равно никто не живет... но сейчас я спешу. Лифт опускается – очень быстро. Выхожу на тротуар, оглядываюсь – может быть, увижу любителя насекомых? Но никого подо-

зрительного нет, все спешат по делам. Жучок явно залетный, серийной работы. Их травят на улицах, бьют в квартирах, но они не переводятся.

Я и сам когда-то развлекался подобной ерундой. Очень-очень редко жучкам удавалось принести интересную информацию.

– Леня, на имя компании «Поляна» поступила жалоба от квартиросъемщика номер один.

– Игнорируй, – бурчу я, наблюдая за идущим по тротуару мужчиной. Да, это нечто! Гибрид Арнольда Шварценеггера в молодые годы и Клинта Иствуда в пожилые. Очень, очень смешно. Мужчина ловит мой насмешливый взгляд и ускоряет шаги.

Я поднимаю руку, и через мгновение у тротуара притормаживает желтый лимузин.

– Леня, твоя жалоба компании «Поляна» проигнорирована!

– Ладно. Ничего.

Это может продолжаться бесконечно долго, а мне сейчас не до игр... Я сажусь в машину, водитель – улыбчивый парень с безупречной прической и в накрахмаленной рубашке, поворачивается ко мне. Предпочитаю таких таксистов, вышколенных и немногословных.

– Компания «Дип-проводник» рада приветствовать вас!

Имени он не называет – программа остановила такси анонимно.

– Как будете оплачивать счет?

– Вот так, – говорю я, доставая из кармана револьвер. Сильно бью парня в висок. Он пытается защититься, но не успевает. Я смотрю на его побледневшее лицо, встряхиваю за шиворот, приказываю:

– Квартал «Аль-Кабар».

– Данного адреса не существует, – говорит водитель. Он «оглушен» и покорен.

– «Аль-Кабар». Восемь-семь-семь-три-восемь. – Простенький код открывает доступ к служебным адресам «Дип-проводника». Я мог бы и не бить водителя, но тогда в файлах компании осталась бы информация о поездке.

– Заказ принят. – Водитель улыбается, он вновь весел и услужлив. Машина трогается. Я смотрю в окно – мелькают жилые кварталы, набитые небоскребами со всякой мелкой шушерой Диптауна, огромные, роскошные офисы компаний. Вон длинные серые корпуса IBM, пышные дворцы «Майкрософта», ажурные башни «Америка Он Лайн», более скромные офисы прочих компьютерных законодателей.

Конечно, полно и офисов фирм по продаже мебели, жратвы, недвижимости, туристических агентств, транспортных компаний, клиник... мало-мальски жизнеспособная компания стремится открыть в Диптауне свое представительство.

«Дип-проводник» процветает именно на этом изобилии. Путешествовать по городу пешком – долгое развлечение. Мы мчимся по автострадам, тормозим на перекрестках, сво-

рачиваем в туннели и пересекаем развязки. Я жду. Можно было бы приказать водителю ехать кратчайшим путем – но тогда он вынужден был бы связаться с диспетчерской. И я оставил бы след...

Город обрывается внезапно – словно стену дворцов и небоскребов отсекают исполинским ножом. Кольцевая дорога, за ней – лес. Густой, дремучий... отделяющий от суеты тех, кто не хочет себя афишировать.

– Притормози, – говорю я, когда мы минуем манговые заросли и проезжаем мимо вполне среднерусской чащобы. – У следующей тропинки.

– До квартала «Аль-Кабар» еще далеко, – говорит водитель.

– Останови.

Машина останавливается. Я открываю дверь, отхожу от лимузина на шаг. Водитель покорно ждет. И я тоже – про света на дороге. Зачем нам свидетели? Вот, наконец-то...

Я целюсь в машину, стреляю. Револьвер бьет негромко, отдача слабая, но машина мгновенно вспыхивает. Водитель сидит, глядя перед собой. Несколько секунд – и у «Дип-проводника» становится одним такси меньше.

Хорошо. Пусть все выглядит как развлечение пьяной шпаны. Я иду в лес.

– Неэтично... – бормочет из булавок «Виндоус-Хоум».

– Ты оптимизировалась?

– Да.

– Все, теперь мне нужна помощь. Ищи тайник, код «Иван».

– Светящееся дерево, – сообщает программа.

Я озираюсь. Ага. Вот он, огромный дуб, мерцающий колдовским синим светом. Мерцающий лишь для меня. Я подхожу к нему, засовываю руку в дупло, вынимаю большой тяжелый сверток. Переодеваюсь в полотняную белую рубаху и штаны, подпоясываюсь узорчатым поясом. Короткий меч в ножнах, несколько вещичек в карманах. Тайник я создал пару дней назад, незаконно использовав один из компьютеров транспортного управления закавказской железной дороги. Там слабые программисты, они долго не заметят этого маленького вторжения.

– Где ручей? – спрашиваю я.

– Справа.

Я склоняюсь над бегущей водой, смотрю в отражение. Несколько раз бью по нему ладонью, потом начинаю водить пальцем, стирая свой облик. Вместо меня из дрожащего зеркала прорисовывается русоволосый статный крепыш. Лицо добродушно и незатейливо до отвращения.

– Спасибо, – говорю я программе, выпрямляюсь. Стою, люблюсь лесом. Черт возьми, как давно я не выбирался из городского смрада...

– Не меня ли ты ждешь, добрый молодец? – спрашивают из-за спины. Оборачиваюсь – из густых кустов выходит огромный, по грудь мне ростом, волк.

– Может, и тебя, – говорю я, любуюсь волком. Черт возьми, великолепен! Он действительно серый, и не просто серый – именно чернистого с проседью волчьего цвета. Кое-где шерсть свалялась, к передней правой лапе пристал репейник.

– А не съесть ли мне тебя, добрый молодец? – спрашивает волк и скалится. Клыки желтые, как зубы курильщика, один обломлен под корень. Матерый, опытный волчище.

– Что ты попусту похваляешься, на богатырский меч нарываешься? – импровизирую я. – Лучше службу сослужи!

Волк улыбается, садится.

– А чем расплатишься, богатырь?

– По три тысячи зеленых, – сообщаю я. Волк удовлетворенно кивает, трет лапой морду. Спрашивает:

– «Аль-Кабар»?

– Угадал.

– Миссия?

– Кража.

– А кто заказчик?

Я пожимаю плечами. Ответ столь же риторический, как и вопрос. Заказчики огласки не любят.

– Попробуем, – решает волк. – Ты готов?

– Вполне.

– Садись.

Я забираюсь на спину волка, и тот неторопливой рысцой бежит по лесу. Я инстинктивно уворачиваюсь от веток, волк

тонко хихикает. Ладно, пусть веселится.

Через пару минут мы выскакиваем из леса. Под ногами – желтый песок. Жарко, очень жарко, порывы ветра заставляют щуриться. Впереди – пропасть метров в сто шириной, за ней – восточный город. Минареты, купола, все в оранжево-желто-зеленых тонах. Довольно красиво. Невдалеке через пропасть переброшен... хм... ну назовем это мостом. Тонкая, как струна, нить. Один ее конец на стене, опоясывающей город, другой держит в руке безобразная каменная статуя метров десяти вышиной. Морда у статуи отвратительная.

– Еще та будет работка, – замечает волк. – Ты не प्रदेशивил, Иван-Царевич?

– А бог его знает... – изучая статую, говорю я. – О мосте меня предупредили...

– Что воровать-то?

– Наливные яблочки...

– А, вот к чему такой маскарад... – Волк снова хихикает. – А что в яблочках?

– Не знаю. – Я спрыгиваю со спины волка, стою, держа руку на шерсти. – Слушай, я на секунду, лимонада попью...

– Валяй, – озираясь, говорит волк.

Я прикрываю глаза.

Глубина-глубина, я не твой... Отпусти меня, глубина...

Я дернулся, встал. Перед глазами – крошечные экранчики, на них – пустыня, пропасть, статуя, город вдали. Очень неплохо нарисовано. У «Аль-Кабара» хорошие дизайнеры.

Виртуальный шлем тяжелый, это самая «навороченная» модель из серийно выпускаемых «Сони». С прекрасными цветными экранами, великолепными динамиками и встроенным микрофоном, с кондиционером, обдувающим лицо воздухом нужной температуры. Сейчас это жар пустыни... Я снял шлем, положил на стол, рядом с клавиатурой компьютера. На мониторе появилось знакомое женское лицо, из динамиков донеслось:

– Леня, ты прерываешь погружение?

– Нет, жди.

В реальном мире моя комнатка такая же, как и в виртуальном пространстве. Только за окном не летний вечер Диптауна – дождливая питерская осень. Моросит мелкий дождик, сигналист вдали машина. Я открыл холодильник, взял банку «спрайта». Попью по-настоящему... Не удержавшись, выглянул с балкона. Пустой банки, которую в виртуальном пространстве я выкинул на улицу, там, конечно же, нет. Что ж, устраним различия.

Волосы были потные, я вытер их валяющейся на стуле рубашкой, сел за компьютер, проверил кабель, идущий от виртуального костюма на дип-плату компьютера. Костюм работал, слегка притормаживая движения, словно я шагал по песку. Левую ногу подволакивало чуть сильнее – опять сбоит программа. Ладно, потом откалибруем.

Надевать шлем – все равно что совать голову в духовку. Вот гаденыши из «Аль-Кабара», окружили себя максималь-

но неприятными условиями...

Я вновь смотрю на виртуальный мир, но пока он условен, как дешевый мультик. Зернистое изображение, красивый, но грубоватый рисунок. Большого компьютер вытянуть не может.

Да и не надо. Что такое *глубина* без человека?

Я моргнул, расслабился, пытаюсь войти в виртуальность самостоятельно. Конечно, ничего не получается. Я не в пустыне, я дома за клавиатурой... Пришлось протянуть руку и набрать команду.

deer

А теперь – «ввод».

Поверх пустыни вспыхивает многоцветье дип-программы. Секунду я еще вижу экранчики, мягкую подкладку шлема, потом сознание начинает плыть. Мозг пытается сопротивляться, но куда там! Дип-программа действует на всех.

Вот только попадаются – с частотой один на триста тысяч – люди, не утрачивающие до конца связи с реальностью. Способные самостоятельно выплывать из *глубины*. Дайверы.

Я, например.

Волк ухмыляется мне.

– Промочил горлышко, богатырь?

– Да.

Оглядываю себя – все ли в порядке? Мое тело в виртуальности – нехитрый рисунок, транслируемый компьютером на ту или иную точку Диптауна и его окрестностей. А вот

меч на поясе и вещички в сумке – не просто рисунок. Это «ярлычки», пусковые фрагменты программ, которые сейчас станут необходимы.

– Действуем так, – решаю я. – Через мост я иду сам. Потом выношу трофеи, и сматываемся.

– Тебе решать, – соглашается волк.

Я иду по песку, горячий ветер не унимается, даже кажется, что песчинки покалывают глаза. Это уже не заслуга шлема. Это мой мозг воспринимает то, что должен был бы воспринимать в настоящей пустыне.

Статуя все ближе и все реальнее. Рогатая голова с оскаленной пастью, бугристые от каменных мускулов лапы. Ифрит, наверное. Слабоват я в арабской мифологии. В левой руке ифрита сжата тонкая нить.

Мост из конского волоса.

Начинаю карабкаться по ноге чудовища. Как нелепо сейчас выглядит мое тело в пустой квартире – подергивающееся, подтягивающееся за воздух... не отвлекаться...

Последний метр – самый трудный. Опираюсь о шипастое каменное колено, пытаюсь уцепиться за ладонь – не получается. Наверняка у законных посетителей «Аль-Кабара» есть какой-то иной путь...

Мне же приходится вначале забираться на гранитный фаллос чудовища. Слышу, как волк хихикает. Блин. Ему смешно...

Наконец я на ладони. Пробую нить ногой она слегка по-

качивается. Как струна. Внизу, далеко-далеко, скалы и голубая змейка реки.

– Смелее, герой! – кричит волк.

Не могут рядовые виртуальщики ходить по этому мосту. Что-то не так...

Ладонь, на которой я стою, вдруг начинает дрожать и медленно сжимается. Мост-нить дрожит, готовый порваться. А надо мной нависает оскаленная морда ожившего монстра.

– Кто ты? – ревет он так, что закладывает уши. По-русски, между прочим!

– Гость! – кричу я, пытаюсь вырвать ноги из хватки гранитных пальцев.

Монстр хохочет:

– Гость не приходит с запретным!

Указательный палец правой руки несется ко мне, словно намереваясь расплющить. Невольно жмурюсь. Но монстр лишь тычет пальцем в меч.

Да, это не простенькая беззащитная программа-водитель «Дип-проводника». Это отличная сторожевая система с псевдоинтеллектом на порядок лучше «Виндоус-Хоум». Как же он определил мой родной язык?

– Гость не приходит незванным!

– Меня позвали!

– Кто?

Придется идти ва-банк...

– Ты не вправе слышать его имя!

– Я вправе делать все, – сообщает монстр.

И пальцы сжимаются.

Теперь должен произойти выход в реальность. Как следствие «смертельного» воздействия. Иначе – мозг может вообразить самый настоящий болевой шок, со всеми последствиями.

Только самоубийца отключит предохранители дип-программы.

Или дайвер.

Мое изуродованное тело валяется на ладони монстра. Череп расплюсчен, один глаз смотрит в пыльное жаркое небо, другой – в каменный ноготь. Ифрит громко, удовлетворенно хохочет, потом кричит:

– Ты, пришедший в облике волка, запомни его судьбу!

Ага, вот как он определил язык... слышал наши разговоры.

Однако ему не хватило «ума» понять, с кем имеет дело...

Монстр снова каменеет. Я выжидаю еще секунду, потом встаю. Тело медленно собирается воедино. Нормальный пользователь дип-технологии сейчас очнулся бы в реальности, перед укоризненно верещащим компьютером.

Учитывает ли сторожевая программа «Аль-Кабара» существование дайверов?

Монстр неподвижен. Я мертв, давно мертв... Осторожно ступаю на волосяной мост...

– Кто ты?

Опять... Видимо, он реагирует именно на касание «моста». Хрен редьки не слаще.

– Тот, кто не в твоей власти, – отвечаю я.

– А в чьей же власти ты?

Что-то новенькое.

– Аллаха, – говорю наугад.

На этот раз монстр прихлопывает меня свободной рукой, так что я частично перетекаю за края ладони. И назидательно произносит:

– Не тебе вспоминать имя Великого, вор.

Волк катается по песку от хохота. Я вижу это тем глазом, что уцелел.

Да, юмор у программы скорее американский, чем арабский. Лежу, размышляя. Встаю снова. Чудовище пока неподвижно.

– Вика, есть обход? – спрашиваю я.

– Это единственный внешний канал, – немедленно сообщает мой компьютер. Голос плывет и теряет интонации... и впрямь надо память докупать... – Все прочие линии «Аль-Кабара» открываются лишь по внутреннему приказу.

– Силовое решение? – Я трогаю рукоять меча. Программа-вирус локального действия крошечная, ее даже не надо перекачивать из дома. Выхватить меч, ударить – и...

– Канал будет разрушен.

Да, конечно. Монстр не зря держит мост в руке. Уничтожь сторожевую программу – волосок над пропастью порвется.

– Зараза.

– Я не поняла.

– Утихни...

Разглядываю монстра. Каменные веки полуприкрыты, из пасти свисает сталактитик слюны. Это лишь видимость, антураж для слабонервных виртуальщиков. Обычная «сторожилка» на входном гейте. Где-то в глубине «волоса» идет канал связи с кварталом «Аль-Кабар». Там несутся сигналы, приказывающие – пропустить или уничтожить незваного гостя...

– Эй, Иван-Царевич, я спешу! – кричит волк.

Да, надо действовать. Пока программа отбрасывала меня автономно, но на следующий раз, вполне возможно, к делу подключатся настоящие программисты «Аль-Кабара». И виртуальщики, и консерваторы.

– Оживляй тень, – приказываю я.

Темный силуэт на ладони начинает шевелиться, обретает объемность, выпрямляется, наливается красками. Я корчу рожу двойнику, тот гримасничает в ответ.

– Веди тень, – приказываю я. – Ищи пароль.

Секундная пауза – машина ворочает диски, подгружая в память «тени» все, что известно об «Аль-Кабаре». Потом двойник шагает на мост. Конечно, это ничего не даст. Кроме времени.

– Кто ты? – ревет монстр, хватая тень. Я едва уворачиваюсь от движущихся пальцев, ползу по крепко сжатому кула-

ку, прыгаю на нить...

– А ты кто? – доносится в спину. И взмах правой руки сшибает меня к ногам монстра. Разбиваюсь вдребезги. Лежу навзничь, разглядывая барахтающегося в ладони статуи двойника.

Да, хорошо поработал... качественно...

– Кто ты? – вопрошает монстр повторно.

– Тот, кто не в твоей власти. – Двойник продолжает отвлекать сторожа.

– А в чьей же власти ты?

– Своей.

Интересно, сколько еще смертей припасено у монстра для воров? Вон какие зубы, рога... хм, ну и фаллос вполне сгодится...

– Зачем же ты пришел сюда?

– Найти власть над собой.

– Пройди же и найди ее.

Рука разжимается, монстр каменеет. Я лежу, глотая воздух. Двойник неподвижно стоит на краю ладони.

– Вика, откуда взяты ответы тени?

– Из открытого файла «Аль-Кабара» «Процедура виртуального прощения о предоставлении работы».

Волк подходит ближе, шепчет:

– Что случилось?

Объясняю.

– Иван-Царевич, а ты, часом, не Иван-дурак? – спраши-

вает волк.

Крыть мне нечем. Конечно, надо было ознакомиться со всеми файлами. Не только с уворованными данными о внутреннем виртуальном пространстве квартала.

– Вика, слияние, – команду ю я.

Меня словно втягивает в «тень». Теперь это тело основное. Уже пропущенное на мост.

Впрочем, победа пиррова. Сторож отрапортовал о том, что посетитель пытается перейти мост. Значит, меня встретят.

А одиночка, пытающийся бороться с толпой, обречен. В любом пространстве, даже в виртуальном.

Ладно, делать нечего. Пора идти... по волосяному мосту.

Честно говоря, процедура практически невозможная. Даже для профессионального канатоходца. Мост – это именно нить над пропастью. Башни «Аль-Кабара» вдали заманчивы и недостижимы.

Глубина-глубина, я не твой...

Я закрыл и открыл глаза. Передо мной картинка – пропасть, нить над ней, здания вдали. Даже смешно... Глядя под ноги, я начал аккуратно переставлять ступни по нити.

Просто картинка. Здесь нет гравитации, а у нарисованного тела не бывает центра тяжести. Лишь наступай на нить, и все будет хорошо... Забавно, оказывается, дно пропасти почти и не прорисовано... значит, горную реку домысливал я сам... кто-нибудь другой увидел бы под собой пики деревьев

или потоки лавы...

Сейчас, когда мое подсознание не участвует в игре, расстояние преодолевается быстро. Полминуты – и я на другом конце моста.

Нить уходит в гребень крепостной стены. Гребень широкий, и на нем уже стоят двое, явно дожидаясь меня. Очень неплохо нарисованы – этакие толстопузые здоровяки с мечами на поясах, один в тюрбане, другой лысый... Ступив на «кирпичики» стены, я прошептал:

– Вика, включай дип...

Огненные искры перед глазами. Да, злоупотребляю я сегодня отключениями-подключениями подсознания. Завтра обеспечена головная боль, сердцебиение, разбитость. Но ничего. Дожить бы до завтра...

А вот и встречающие – уже в нормальном человеческом образе.

– Ты быстро дошел, гость, – говорит лысый. У него добродушная физиономия араба-охранника из детской постановки «Синдбада-морехода». Второй столь же карикатурно арабизирован, но выглядит куда более зловещим, посверкивает глазами и не отпускает рукоять меча. Да, мне только боевого вируса в машину не хватало...

– Другие доходят медленнее? – спрашиваю я.

– Еще никто не преодолел этой мост, – любезно сообщает лысый охранник. – Это не в человеческих силах – сохранять равновесие на конском волосе.

– Тогда рай пустует, – вздыхаю я. Кажется, уже не я веду события, а они меня. Не нравится мне такой поворот.

– Зато в аду места хватит всем.

Хорошее обещание.

– Пошли.

Что ж, будем подчиняться. Будем послушны и вежливы. В чужой монастырь ведь не лезут со своим уставом...

Вниз со стены ведет широкая крутая лестница. Спускаемся. Добродушный охранник впереди, сопящий недоброжелатель сзади. Старательно его игнорирую, смотрю лишь на лысину добродушного. В аккурат на темечке – большая бородавка. Интересно, она и впрямь нарисована, или это иронизирует подсознание? Но выходить из *глубины* ради проверки такой мелочи неразумно.

Квартал «Аль-Кабар» невелик. В виртуальности он занимает не больше квадратного километра. Это, впрочем, ничего не значит. Некоторые фирмы – тот же «Майкрософт», например – предоставляют сотрудникам для работы целые дворцы. Дешево и эффектно. Другие обходятся такими стандартными комнатухами, что диву даешься – зачем тут вообще виртуальность?

«Аль-Кабар» явно относится к их числу. Я заглядываю в одно из окон низкого каменного здания, мимо которого мы проходим.

Оборудование... слишком незнакомое, чтобы можно было его опознать. Несколько человек за столами. У одного в

руках пробирка. Ха, химические опыты в виртуальном пространстве! Что-то новое. Имеет смысл лишь если работа ведется над очень ядовитыми веществами... или с бактериальными средами. Возьмем на заметку.

— Куда вы меня ведете? — интересуюсь у охранника. Лысина не оборачивается, но отвечает:

— К директору корпорации.

Имени он не называет, но и без того сказано многое. «Аль-Кабар» — транснациональная корпорация, специализирующаяся на производстве лекарств, телефонной связи, кажется — еще на добыче нефти... Несмотря на весь арабский антураж, контролируется она из Швейцарии. Директор ее, Фридрих Урман, личность слишком значительная, чтобы беседовать с каждым посетителем.

Теплая готовится встреча.

Мы останавливаемся у маленькой, увитой виноградом деревянной беседки, сзади меня подталкивают, и я вхожу. Охранники остаются за порогом.

Внутри помещение куда больше, чем снаружи. Огромный павильон, в центре — бассейн, где медленно плавают сонные блестящие рыбы. Рядом столик с двумя креслами. Очень много цветов, я даже начинаю чувствовать запахи.

И никого.

Что ж... подождем. Сажусь в кресло.

Легкая мусть перед глазами... чего и следовало ожидать. Сейчас прощупывают мой канал связи. Пытаются опреде-

лить, откуда я пришел, объем информации, которую могу принимать и передавать за секунду, присутствующие при мне программы...

Давайте, работайте. Шесть арендованных «на раз» роу-теров, через которые пробегает сигнал. И все – достаточно стойкие к взлому. А под конец – платный интернетовский гейт в Австрии, через который я и вошел в виртуальность.

Следы останутся, но никуда не приведут.

Можно в любой момент оборвать связь, «вышвырнуть» меня из квартала. Только что им это даст... все вещички-программки, что находятся при мне, немедленно сработают. Мало что останется для изучения. А я им очень интересен, сомнений нет...

– *Отслежен первый роутер*, – сообщает «Виндоус-Хоум».

Быстро. Качаю головой – и в этот момент кресло напротив перестает быть пустым.

Господин Фридрих Урман пренебрегает арабским колоритом. Он в шортах, цветастой рубашке. Пожилой, сухопарый, серьезный.

– Добрый день... дайвер, – произносит он. По-русски. Голос неестественный, пропущенный через программу-переводчик.

Вот и причина столь высокой чести.

– Боюсь, что вы ошибаетесь, господин директор.

– Когда полгода назад мы создали мост, это преследовало лишь одну цель, господин дайвер. Обнаружить вас. Чело-

век, находящийся в виртуальности, не смог бы его преодолеть. – Урман скупно улыбается. – Я первый раз вижу настоящего дайвера.

Один-ноль... не в мою пользу.

– А я первый раз вижу настоящего мультимиллионера. Вот видите, наша встреча уже принесла первые плоды.

«Виндоус-Хоум» шепчет:

– *Отслежен второй роутер.*

Урман хмурится – похоже, и ему что-то сообщают. Потом интересуется.

– Простите, через сколько компьютеров вы прошли на пути сюда?

– К сожалению, я не помню.

Урман пожимает плечами.

– Как я могу вас называть?

– Иван-Царевич.

Секундная пауза – потом улыбка. Ему объяснили.

– О, русский сказочный герой! А вы сами – русский?

– Разве это имеет значение?

– Да, вы совершенно правы... Господин дайвер, как я понимаю, вы проникли в наш квартал незаконно...

– Разве? – поражаюсь я. – Честно говоря, просто искал работу. Прочитал ваше объявление, прошел по мосту... подчинился этим странноватым охранникам.

Один-один.

Фридрих Урман всплескивает руками:

– Да... действительно! Но у нас и нет претензии в ваш адрес, господин дайвер. Разве что странные вещи, которые вы носите с собой...

Медленно, демонстративно вытаскиваю все из карманов. Расческа, носовой платок, маленькое зеркальце.

– Вот. Отдать вам меч?

Урман машет руками:

– Господи, к чему? Мы же не собираемся устраивать потасовок, верно? Давайте поговорим...

– *Отслежен третий роутер.*

– Как жаль, что времени на беседу остается все меньше и меньше, – вздыхаю я.

– Да, но времени всегда не хватает. Итак, господин дайвер, у меня есть основания полагать, что некоторые лица хотели бы получить ряд наших разработок. И даже ухитрились нанять дайвера... чтобы пожать чужие плоды.

– Яблочки, – уточняю я.

– Да, именно. У нас работает хороший русский программист, он сделал красивую форму для хранения информации... – Урман хлопает в ладоши, и рядом с нами воздух начинает мутнеть, сгущаться. Миг – и возникает маленькое деревце, усыпанное плодами. – Полагаю, что наибольший интерес вызывает вон то, маленькое зеленое яблочко на нижней ветке.

Я смотрю на вожденный плод. Он мелкий, незрелый и червивый.

– Как вы думаете, дайвер, сколько могли бы заплатить наши конкуренты за этот файл?

– Тысяч десять, – несколько завышаю цену.

Урман недоуменно смотрит на меня. Уточняет:

– Десять тысяч долларов?

– Да.

– Честно говоря, даже сто тысяч были бы невысокой наградой... Хорошо. Допустим, я предлагаю человеку, пытавшемуся украсть файл, сто пятьдесят тысяч. При условии, что он начнет сотрудничать с нами... за нормальную, хорошую плату.

– Это что, лекарство от рака? – спрашиваю я.

Урман качает головой:

– Нет. Тогда бы оно не имело цены. Это лишь средство от простуды, но очень, очень действенное. Мы готовимся начать его производство, но лишь после того, как будут распроданы запасы менее действенных лекарств. Так что вы скажете о моем предложении?

– Боюсь вас огорчить, – стараясь не думать о предложенной сумме, говорю я. – Но кодекс дайверов прямо запрещает подобные договоренности.

– Хорошо. – Урман встает. – Я ожидал подобного ответа. И ценю вашу позицию.

Он подходит к деревцу, с некоторым усилием срывает яблоко. Губы его при этом шевелятся – он явно произносит пароль.

– Берите.

Яблоко в моих ладонях. Тяжеленное – мегабайта два будет. Пытаться скопировать его бесполезно, надо уносить с собой. Сую яблоко за пазуху – то есть пристегиваю файл к своей виртуальной оболочке. Смотрю на Урмана.

– Я иду ва-банк, – серьезно говорит Урман. – Жертвую очень перспективной разработкой. Можете отдать ее господину Шеллербаху и передать большой привет от меня лично. Прошу лишь одного – после этого прийти к нам и поговорить о постоянном сотрудничестве. Не буду скрывать, именно сейчас нам очень, очень нужны услуги дайвера.

– *Отслежен четвертый роутер... отслежен пятый роутер... тревога! Тревога! Тревога!*

– Хорошо. – Я тоже встаю. Все очень неожиданно... никогда не предполагал за серьезными бизнесменами таких широких жестов. – Я обещаю, что приду. А теперь, простите...

– Нет, господин дайвер, теперь уж простите меня. Вы спокойно покинете нашу территорию, но лишь после того, как будет установлен ваш настоящий адрес. В целях гарантии данного только что обещания.

Решетчатые стены павильона темнеют, словно на них набросили плотную ткань. Делаю шаг – он дается с трудом. Канал связи не обрубают – притормаживают. Урман начинает двигаться рывками, в глазах все плывет, яблочко за пазухой пригибает к полу, голос «Виндоус-Хоум» глохнет и теряет интонации:

– Тревога... тре... во... га...

Вот оно как. Хорошие игроки – мультимиллионеры.

Точнее, их слуги – к числу которых меня собираются приобщить.

– Вика, сбрось детализацию! – шепчу я, продолжая тянуться к столу. Только бы программа поняла, только бы подчинилась без уточнений...

Павильон меняется. Исчезает со стен ажурный узор орнамента, цветы теряют бутоны и часть мелких листиков, грубеет текстура рубашки Урмана.

Зато я дотягиваюсь до своих игрушек на столе и хватаю платок. Полезная вещь, эти предметы личной гигиены.

Взмах платка – медленный, словно под водой, и сверкающая плоскость света прорезает засыпающий мирок павильона. Одни зовут эту программку «прилипала», другие – «дорога». Оба определения верны. Программка ищет чужие каналы связи и начинает использовать в моих целях.

Очень, очень новая, редкая и почти безотказная программа.

Часть стены рушится, открывая выход на улицу. Очевидно, я воспользовался каналом связи самого Фридриха. Хватаю зеркальце и расческу, бегу.

Из стены начинают выдвигаться зазубренные острые копыя. Сторожевая программа «Аль-Кабара». Прыгаю – в отчаянной попытке проскочить между копыями.

Глубина-глубина, я не твой...

Кондиционер шлема обдувает лицо ледяным воздухом. На экранчиках – медленно ползущая полоска – процент перекачанной информации, а под ней хищно сжимающееся отверстие – сужающийся канал связи. Вот как на самом деле выглядит красота самых напряженных виртуальных схваток. Полосочки, буквы, циферки. Схватка программ, модемов, байты информации.

Не хочу. Противно и тоскливо.

– Дип! – скомандовал я.

Голова отзывается болью, но – плевать! Я пролетаю между копьями, падаю на пол. Сверкающая лента змеится по улице, руша все на своем пути. Осыпаются здания, с грохотом разлетается стена. Лента перемахивает овраг. Вперед...

Навстречу выскакивают давешние охранники. Оба с мечами, но и я уже вытащил клинок. Чей вирус окажется ловчее и быстрее?

Мой.

Это подарок Маньяка, моего знакомого спеца по компьютерным вирусам. Подарочек убийственный – воздух под ударом клинка вспыхивает и драконьей отрыжкой ударяет по охранникам. Те сгорают мгновенно. Превращаются в черные обугленные остовы.

Любит Маньяк красивые эффекты. Сейчас компьютеры охранников по горло заняты невероятно важной работой – вычислением числа «пи» с точностью до миллиона знаков после запятой. У них даже не осталось ресурсов, чтобы вы-

вести операторов из виртуальности. Прекрасно, полежат в глубине, а не подсядут к другим машинам...

– Неэтично... – скорбно шепчет «Виндоус-Хоум».

Бегу по ленте. Канал связи прекрасный, через пару секунд я уже над стеной. Лента под ногами пружинит, подпихивает, торопит. Хохочу, но все же оглядываюсь.

Ого!

Что творится в «Аль-Кабаре»? Улицы заполнены народом, по ленте уже бегут другие охранники, а из одного здания выползает что-то огромное, змеистое, неприятное. Нет желания всматриваться.

Быстрее...

Лента перемахивает через монстра и дугой упирается в землю. Охранник снова ожил, подергивается, тянет лапы вверх – так что волосяной мост рвется, – но не достает до меня. А сойти с места он не в состоянии – жестко закреплен на своем канале связи.

На последних метрах лента под ногами вдруг начинает трястись и пытается откинуть меня обратно. Программисты «Аль-Кабара» восстановили контроль.

Но уже поздно, я на земле, и ко мне подбегает серый волк.

– Садись, Иванушка, драпать пора! – вопит он.

Заскакиваю на волка, оглядываюсь в последний раз. С ленты спрыгивают охранники, над пропастью реет крылатая тень.

– Сакс! – шепчу я излюбленное ругательство виртуальщи-

ков. Сакс – это «повисший» компьютер, не захотевшая работать программа, кислое пиво или уехавший из-под носа троллейбус. В данном случае – столь энергичная погоня. У нас нет времени, чтобы спокойно перекачать содержащуюся в «яблочке» информацию и раствориться в воздухе. Надо бежать, надо путать следы.

Впрочем, мой партнер в волчьей шкуре это умеет.

Мы мчимся по пустыне, потом сворачиваем в лес. За нами несутся размазанные тени – охранники жертвуют устрашающим обликом в обмен на скорость.

– Далеко ли погоня, Иван-Царевич? – спрашивает волк.

– Близко! – признаюсь я.

– Ох, Иван, не вынесу я тебя! – ревет волк. Достāju расческу, ломаю в руке и кидаю за спину. Оглушительный треск – зубчики разлетаются, вонзаются в землю и начинают расти, превращаясь в исполинские деревья. Движения охранников между ними становятся вялыми, сонными – пространство перенасыщено внезапно возникшими объектами, и компьютеры врагов вязнут в обилии пустой информации.

К сожалению, фокус этот старый, и методика борьбы с ним прекрасно отработана. Большинство охранников успели сузить поле зрения, или снизить детализацию изображения, и проскочили опасное место. Точнее, это сделали не сами охранники, а их дип-программы. Отсеялись в основном непрофессионалы, бросившиеся в погоню из энтузиазма.

– Ох, Иван, силушки мои на исходе! – вопит волк. Не могу

понять, он и впрямь волнуется или так азартно играет сказочный сюжет?

Настает черед зеркальца. Когда я швыряю его назад, мой сдержанный «Виндоус-Хоум» вопит.

– Неэтично!

Конечно, неэтично. Еще бы. Это уже не мелкая шалость с быстрорастущими баобабам и даже не локальный меч-вирус. Это логическая бомба изрядной мощности.

Там, куда упало зеркальце, возникает и начинает стремительно расширяться пруд. Часть охранников влетает в него и «тонет», исчезает бесследно. Остальные беспомощно останавливаются на берегу.

В этой области виртуальности наглухо заблокированы все линии связи. Через эту зону не пройти по меньшей мере пару часов – потом пруд пересохнет.

– Где вещички брал? – вопрошает волк.

– У Марьи-искусницы, – поколебавшись, отвечаю я. Честно говоря, именно прозвище и подсказало мне сегодняшний маскарад... Волк не выдаст. А ему тоже могут пригодиться подобные программки.

– Учту, – благодарит волк, быстро оглядывается и спрашивает: – Что у тебя на третье, богатырь?

За нами несется дракон – боевая программа-перехватчик высшего разряда. У дракона три головы – очевидно, три человека-оператора и плюс обычный арсенал – когти, зубы и пламя. Сотня разнообразных вирусов и крепкая защита. Над

прудом дракон лишь чуть притормаживает.

– Третье я первым истратил, – признаюсь я.

– А больше взять не мог? В сказочки заигрался, три предмета – и все? – рычит волк. Он не прав, конечно, слишком много боевых вирусов на себе не унесешь. Но у нас обоих сдают нервы.

Волк принимает какое-то решение и резко сворачивает в сторону, еще больше убыстряя бег. Останавливается у широкого мшистого пня так резко, что я лечу наземь. Огляды-вает меня пристальным взглядом и прыгает через пень.

Я предпочитаю пользоваться водой, когда меняю облик. Ручей, река или хотя бы полный ковшик. Но оборотни консервативны.

В воздухе волк переворачивается и превращается в человека. Молодой мужчина в скромном сером костюме и лакированных ботинках. Мой приятель-дайвер, как всегда, элегантен. Едва упав, он поднимается, прыгает вновь и превращается в мою точную копию.

– Вика, ручей! – командуя я, сообразив, что он задумал. Но бывший волк уже хватает меня за плечи и с криком: «Времени нет!» швыряет через пень.

Подвергаться воздействию чужой мимикрирующей программы – не большое удовольствие. Я едва успеваю шепнуть: «Вика, замри!», чтобы заботливый «Виндоус-Хоум» не воспротивился перевоплощению.

В шкуре волка я бывал давным-давно, когда виртуаль-

ность только образовалась и все баловались метаморфозами. К счастью, становиться на четвереньки не приходится – я меняюсь лишь внешне. Отстегиваю меч, подаю его новому Ивану-Царевичу, тот хватает оружие и вскакивает мне на плечи.

– Ну-ка, сыть, травяной мешок! – вопит он, колотя каблуками. Я бросаюсь вперед, и вовремя – над деревьями показывается дракон. Пикирует на нас и выпускает три струи пламени. Аккурат по нашему курсу вспыхивает пожар.

– Давай! – вопит мой партнер и шепотом добавляет: – Вечером, где всегда...

Я резко дергаюсь, сбрасываю его и убегая, осыпаясь проклятиями.

Дракон секунду кружит над нами, потом делает нехитрый выбор и опускается рядом со сказочным героем. Трусливый партнер его не интересуется.

Что и требовалось.

Бегу в сторону, шепчу:

– Вика, перекачивай новые файлы!

За моей спиной кипит бой. Впрочем, недолгий. Оборотень успевает задеть дракона мечом, но против защиты программы-перехватчика вирус бессилён. Вокруг оборотня вскипает белое снежное облако, и он замирает.

Заморозка. Все. Мой друг вышел из игры – он уже дома, стягивает виртуальный шлем. А перед оскаленными мордами дракона стоит его копия, вместе со всеми добытыми про-

граммами... если бы они, конечно, у него были.

Дракон легонько бьет застывшее тело лапой, и оно рассыпается ледяными осколками. Все три головы склоняются к ним... ищут украденное яблоко.

А я бегу.

Яблоко за пазухой становится все легче – информация утекает на мой компьютер. Петляю между деревьями, потом останавливаюсь, чтобы «Виндоус-Хоуму» было легче перекачивать файл.

До меня доносится рев дракона – тот не обнаружил украденного и понял, в чем дело.

Кто быстрее?

Дракон вновь взмывает в небо. Он легко найдет меня – передвижения в виртуальности оставляют следы. Я стою и жду.

– Трансфер файла закончен.

Все. Победа.

– Выход, – командую я.

– Серьезно? – уточняет «Виндоус-Хоум».

– Да.

– Выход из виртуальности, – сообщает компьютер. Перед глазами сверкают разноцветные искры. Мир утрачивает яркость... превращается в блеклую плоскую картинку.

– Ваш выход из виртуального пространства успешно завершен! – радостно говорит «Виндоус-Хоум». Голос из наушников резок и слишком громок. На экранчиках шлема –

густая синь с белой фигуркой парящего, или скорее, падающего человека. Известный всем значок дипа, *глубины*, виртуального мира.

Стянув шлем, я поморгал, глядя на монитор. Там – та же самая картинка.

– Вика, спасибо, – сказал я.

– Никаких проблем, Леня, – ответила «Виндоус-Хоум». Этой мелкой любезности я научил ее с неделю назад. Приятно, когда программа выглядит более человеческой, чем должна быть.

– Терминал.

Синева сменилась панелью терминала. Я вручную подключился к шестому, устоявшему компьютеру-роутеру и снял свой доступ. Потом аннулировал временный адрес в Австрии.

Основные нити оборваны. Ищите меня, ребята «Аль-Кабара». Пересеивайте файлы в поисках «Ивана-Царевича». Дайвер ушел из капкана.

Уже не пользуясь голосовым управлением, я отключил «Виндоус-Хоум», выпал в трехмерную нортоновскую таблицу, вошел на диск «D», где хранилась вся виртуальная добыча и небольшая коллекция вирусов. Вот оно, «яблочко» – полуторамегабайтный файл. С виду – самый обычный документ для текстового редактора «Адвансед-Ворд». Впрочем, к нему пристегнуты еще два маленьких файла... сторожевые программки? Я запустил сканирующую программу, разрабо-

танную именно для таких вот сюрпризов.

Ага. Все верно. Это программы-идентификаторы, которые должны уничтожить файл, если тот окажется на чужом компьютере.

Знаем мы это дело. И давно от него застрахованы – программы-идентификаторы просто не видят моего компьютера. На диске «D» я храню именно такие, опасные вещи.

Внутри самого текстового файла сканер тоже обнаружил сюрприз – маленькую программку, предположительно – включающуюся при попытке прочитать информацию. Ничего иного я и не ожидал. Сделал копию файла на магнитную дискету, потом на лазерную. И принялся потрошить яблочко из алькабарских садов.

Убить сторожевые программы без уничтожения текста оказалось невозможно. Пришлось их просто оглушить, привести в нерабочее состояние. Потом я занялся внутренним сюрпризом. Разрезал файл на два десятка кусочков, вычленил программу-сторож. Она оказалась абсолютно незнакомым полиморфным вирусом, который – а это уже было неприятно! – успел таки зацепиться за мой компьютер. Через два часа непрерывной работы, отвлекшись лишь на то, чтобы выпить таблетку аспирина и сходить в туалет, я убедился, что раскрыть вирус не смогу.

Был уже поздний вечер – время, когда хакеры только приступают к работе. Я упаковал вирус с куском текста и позволил Маньяку.

Пришлось ждать минуты две, пока он снял трубку. Это мне повезло – он вполне мог болтаться по виртуальности, безучастный к звонкам, пожарам, наводнениям и прочим досадным мелочам жизни.

– Да?

– Маньяк, это я.

Голос хакера чуть смягчился.

– Привет, Леня. Что у тебя?

– Новый вирус в твою коллекцию.

– Кидай! – сказал Маньяк и молниеносно кинул трубку.

Я запустил модем и отправил аль-кабарский сюрприз в жадные руки строителя вирусов. Достал из холодильника хлеб, колбасу, пошел на кухню ставить чайник. Наверняка полчаса вирус у Маньяка займет. Минут десять он будет его ломать, а потом минут двадцать любоваться структурой, хототать, отмечая неудачные решения, и хмуриться, находя те ходы, которые ему самому еще в голову не приходили. Со времен Московской Конвенции, которая смирилась с неизбежным и легализовала изготовление нефатальных вирусов, он занимается их изготовлением. Вирусы у него получаются хорошие, способные завесить любую машину и в то же время не уничтожающие на ней информацию.

Но Маньяк позвонил через три минуты.

– Был в гостях у «Аль-Кабара»? – медовым голосом спросил он.

– Да. – Врать не имело смысла. – Ты так быстро справил-

ся?

– Я и не справлялся. Это мой вирус, приятель!

Я не нашел ничего лучшего, чем сказать:

– Извини...

Маньяк, а в миру просто Саша, был очень серьезен:

– Ты что, спер у них программу?

– Не совсем спер. Но в общем – да, это было встроено в файл...

– Ты связывался с кем-либо по модему? После того как получил этот файл?

– Нет.

– Тогда тебе повезло, – сообщил Маньяк. – Понимаешь, это не простой вирус, это – открытка.

Я не понял, и Маньяк пояснил:

– Открытка с обратным адресом. Если вирус обнаруживает, что на компьютере стоит коммуникационное оборудование, он приклеивает к каждому твоему письму еще одно – крошечное, невидимое... открыточку. Без всякого текста, зато с твоим обратным адресом. Письма уходят вместе, а потом, уже с чужого компьютера, открытка отправляется в службу безопасности «Аль-Кабара».

У меня все внутри похолодело.

– Я прибил вирус на машине...

– Ты прибил не сам вирус, а ложные отражения, которые он создал. Специально, для усыпления бдительности. Массовые программы открытку пока не обнаруживают – слиш-

ком редкая штука.

– И что мне делать?

– Пивом меня поить, – усмехнулся Маньяк. – Сейчас при-
мешь от меня письмо, там лекарство. Специальный антиви-
рус. Подсказок в нем нет, просто запускаешь бат-файл, и он
проверяет машину. Учти, будет работать долго, это не ком-
мерческий продукт, а так... личная страховка от собствен-
ного вируса.

– Спасибо.

– Угу. Леня, ты едва не вляпался в крупные неприятности.

– Развелось хакеров, – буркнул я. – Черт, а что ты никогда
мне не рассказывал об этой штуке?

– А откуда я знал, что ты компьютерным взломом зани-
маешься? – резонно возразил Маньяк. – В следующий раз
спроси у меня, если соберешься лезть в крутые места. Лад-
но, включай модем.

Через пару минут я запустил полученный антивирус. Ра-
ботал он и впрямь медленно, каждую минуту оповещая о
том, что обнаружена «открытка». Полиморф расползся по
всему компьютеру.

И впрямь едва не влип.

Поглядывая на экран, я соорудил себе здоровенный бу-
терброд, налил в чашку чая и вышел на балкон. Было уже
темно, накрапывал мелкий дождик. Воздух был сырой и хо-
лодный.

Дайверов губит самоуверенность. Нам не страшны опас-

ности виртуального мира, и это убаюкивает бдительность.

А самое обидное то, что мы вовсе не профессионалы. Из хакеров почему-то не получаются дайверы – они принимают виртуальный мир как реальность.

Зато я, посредственный художник из разорившейся три года назад фирмы компьютерных игр, получивший в качестве выходного пособия старый компьютер и влезший в *глубину*, стал дайвером. Одним из сотни ныне живущих.

Повезло.

Наверное, просто повезло.

10

Еще пять лет назад виртуальный мир был выдумкой фантастов. Уже существовали компьютерные сети, шлемы, виртуальные костюмы, но все это было профанацией. Были созданы сотни игр, где герой мог свободно перемещаться в объемном и красочном киберпространстве, но о виртуальности и речи идти не могло.

Мир, созданный компьютерами, слишком примитивен. Он не идет в сравнение даже с мультяшками, тем более – с кинофильмами. Что уж говорить о реальном мире? Можно было бегать по нарисованным лабиринтам и замкам, сражаться с чудовищами или с приятелями, сидящими за такими же компьютерами. Но даже в горячечном бреде никто не спутал бы иллюзию с реальностью.

Компьютерные сети позволяли общаться людям по всему миру. Но это был просто обмен строчками на экранах... в лучшем случае рядом с нарисованной рожицей собеседника.

Подлинная виртуальность требовала слишком мощных компьютеров, неимоверно качественных линий связи, титанического труда тысяч программистов. Город, подобный Диптауну, строили бы не один десяток лет.

Все изменилось, когда бывший московский хакер, а ныне преуспевающий американский гражданин Дмитрий Дибенко изобрел *глубину*. Маленькую программу, влияющую на подсознание человека. Говорят, он был помешан на Кастанеде, увлекался медитацией, баловался травкой. Верю. Его бывшие друзья признаются, что он был циничным и ленивым, неряхой и посредственным специалистом. Тоже верю.

Но он породил *глубину*. Десятисекундный ролик, прокручивающийся на экране, сам по себе безвреден. Если его показать по телевизору (говорят, в некоторых странах это рисковали делать), то телезритель ничего не почувствует, не станет участником фильма. Сам Дмитрий хотел лишь создать на экране компьютера приятный фон для медитации. Он его создал, пустил гулять по сети и две недели ни о чем не подозревал.

А потом один украинский паренек посмотрел на цветные переливы дип-программы, пожал плечами и начал играть в свою любимую игру – «Doom». Нарисованные коридоры и здания, отвратительные монстры и отважный герой с дробо-

виком в руке. Простая трехмерная игра, с нее начиналась целая эпоха объемных игр.

И он попал в игру.

Пустой (был уже поздний вечер) зал патентного ведомства, где он работал, исчез. Паренек больше не видел компьютера, за которым сидел. Его пальцы жали на клавиши, заставляя нарисованную фигуру двигаться, поворачиваться, стрелять, а он чувствовал, что он сам бежит по коридорам, уворачиваясь от огненных зарядов и оскаленных морд. Он понимал, что это игра, но не знал, почему она стала реальностью и как ее закончить.

Единственное, что он смог придумать, – пройти ее до конца. И он прошел, хотя это оказалось гораздо сложнее, чем раньше.

Легкая рана становилась теперь не просто уменьшившимся процентом жизненных сил на экране, а тем, чем и должна быть рана. Болью, слабостью, страхом. Он обнаружил, что залитый кровью пол становится скользким, что каменная плита, за которой скрывается тайник с патронами, очень тяжелая, что гильзы горячие, а отдача от гранатомета едва не сбивает с ног. Эликсир, восстанавливающий здоровье, имел неприятный горький вкус. Бронежилет оказался сделанным из тонких металлических пластинок и довольно легким на теле – зато слишком просторным и с неудобными завязочками на спине. Часа через три стал заедать спуск дробовика, его приходилось давить медленно и плавно, покачивая паль-

цем в разные стороны.

В пять утра он прошел игру до конца. Чудовища были повержены. На каменной стене перед ним проступило игровое меню, и он с воплем ткнул стволом дробовика в слово «выход».

Иллюзия рассеялась. Он сидел перед мирно гудящим компьютером, глаза слезились, клавиатура под заостренными пальцами была разбита вдребезг. Западала кнопка, которую он в игре принимал за спусковой крючок.

Паренек отключил компьютер и уснул прямо на стуле. Пришедшие на работу сотрудники увидели, что все тело у него покрыто синяками.

Он рассказал о случившемся, и, разумеется, ему никто не поверил. Только к вечеру, осознавая случившееся, он вспомнил о медитационной программе Дибенко и заподозрил неладное.

Через неделю лихорадило весь мир. Корпорации, за исключением продающих компьютеры и программы, несли миллиардные убытки – всем, от программистов до секретарш и наборщиц, хотелось воочию побывать в киберпространстве.

С легкой руки Дибенко программа получила название «дип» и начала шествовать по миру. Впереди еще были исследования, доказавшие, что около семи процентов людей неподвластны *глубине*, а пребывание в виртуальности более десяти часов в день может привести к нервным расстрой-

ствам и псевдошизофреническому синдрому. Месяц оставался до первой смерти в виртуальности, когда пожилой мужчина, чей истребитель сожгли в космической схватке над планетой разумных фиолетовых рептилий, умер от инфаркта прямо за клавиатурой компьютера.

Это уже не могло никого остановить или напугать.

Мир погрузился в *глубину*.

«Майкрософт», IBM и компьютерная сеть «Интернет» создали Диптаун.

Главным преимуществом дип-виртуальности была простота. Не надо детально прорисовывать здания и дворцы, лица людей и детали машин. Лишь общие очертания и мелкие, узнаваемые детали. Коричневая стена, поделенная на прямоугольники, кирпичная кладка. Голубизна сверху – небо. Штаны синего цвета – джинсы.

Мир нырнул. И возвращаться на поверхность не собирался. В *глубине* было куда интереснее. Пусть она оставалась доступной не всем, но интеллектуальная элита присягнула на верность новой империи.

Глубине...

11

Когда я очистил компьютер от вируса-открытки и упаковал добытый файл – теперь он будет выглядеть в виртуальности как обычная дискета, – наступила полночь. Голова боль-

ше не болела, спать не хотелось совершенно. Кто же из обитателей Диптауна спит ночью?

– Вика, перезагрузка, – скомандовал я.

Задумчивое женское лицо на экране нахмурилось.

– Правда?

– Конечно.

Экран слегка померк, изображение размазалось. Потом компьютер замигал индикатором жесткого диска, перезагружаясь. Машина у меня несерьезная, «пентиум», но менять ее на более совершенную руки не поднимаются. Старый конь борозды не испортит.

– Добрый вечер, Леня, – сказала Вика. – Я готова к работе.

– Спасибо. Подключайся к Диптауну... через обычный канал.

Защелкал модем, набирая номер. Я натянул шлем, сел.

– Соединение на двадцать восемь восемьсот, канал стабильный, – сказала Вика.

– Включай дип.

– Выполнено.

Голубизна, белая вспышка в центре экрана, потом – разноцветье.

Как ты смог создать дип-программу, Дима? Со своей расшатанной психикой, дилетантскими познаниями в психологии, самыми элементарными знаниями в области нейрофизиологии? Что тебе помогло?

Сейчас, когда ты богат и знаменит, что ты пытаешься сде-

лать? Понять собственное озарение или придумать что-нибудь еще более удивительное? Или просто распутничаешь и куришь травку в свое удовольствие? Или бродишь дни и ночи напролет по улочкам Диптауна, любуясь на дело рук своих?

Я хотел бы знать. Но – не оказаться на твоём месте. Ибо ты просто рядовой житель виртуальности, со всеми своими миллионами и прототипом «восьмерки» в качестве домашнего компьютера. *Глубина* держит тебя так же цепко, как провинциального программиста из российской глубинки, месяцами копящего деньги на визит в Диптаун.

Ты не дайвер, Дима. И потому я счастливее тебя.

...Комната та же, но за окном всполохи рекламы и легкий шум машин.

– Все в порядке, Леня?

Оглядываюсь.

– Да. Я пойду, погуляю, Вика.

Беру со стола дискету с добытым файлом, прячу в карман. На полке, среди десятка книг и стопки сидишников, лежит плеер. Засовываю в него диск «ЭЛО», надеваю наушники, включаю. «Roll Over Beethoven». Чего и хотелось. Под бодрую музыку выхожу из квартиры, запираю дверь.

На этот раз жучков нет. На тротуаре я поднимаю руку, торможу такси. Водитель на этот раз – пожилой, грузный, очень интеллигентный мужчина.

– Компания «Дип-проводник» рада приветствовать вас,

Леня!

Киваю, сажусь:

– К ресторану «Три поросенка».

Водитель кивает, этот адрес ему известен. Едем быстро, пара поворотов – и перед нами странное здание: частично каменное, частично деревянное, частично из соломенных циновок. Захожу в давно знакомый ресторанчик, осматриваюсь.

Помещение поделено на три части – блюда восточной кухни подают в той, что выстроена из циновок, европейскую можно отведать в каменной, русскую, естественно, – в деревянной.

Есть мне не хочется. Виртуальная еда субъективно насыщает, и когда у меня полный финансовый напряг, я начинаю питаться в «Трех поросятах». Но сейчас надо просто дождаться подельщика.

Иду прямо к стойке бара, за которой стоит плотный молодой мужчина.

– Здравствуй, Андрей.

Иногда хозяин ресторана сам обслуживает виртуальных клиентов. Однако сегодня явно не тот случай. Глаза бармена оживляются, но это чисто механическая любезность:

– Здравствуй! Что будешь пить?

– Джин-тоник, со льдом, обычный.

Смотрю, как бармен смешивает напиток. Тоник – настоящий «Швепс», джин – приличный «Бифитер». Компании,

производящие спиртное, позволяют использовать в виртуальности образы их продукции за самую символическую плату. Реклама...

«Пепси-кола» вообще бесплатна – это был их рекламный ход. Зато «кока-кола» стоит ровно столько же, как и в реальности.

И ее покупают.

Беру стакан, присаживаюсь за свободный столик. Наблюдаю за посетителями. Это всегда интересно.

Мужчин и женщин приблизительно поровну. Женщины, все как на подбор, красавицы. Самые разные, от блондинок скандинавского типа и до негритянок с антрацитово́й кожей. Мужики в основном уроды. Нет, на самом деле это не так. Просто мое подсознание подмечает все глупости в виртуальных личинах мужчин – и диспропорцию излишне мускулистых фигур, и слишком узнаваемые физиономии киноактеров, наклепанные на тела культуристов.

Для женщин милостиво делается исключение. Они все прекрасны.

Делаю глоток джина, расслабленно опираюсь на стойку. Хорошо.

Ни один настоящий бар или ресторан не сравнится с виртуальным. Здесь всегда вкусно готовят. Здесь не приходится ожидать официантов. Лошадиная доза спиртного не вызовет похмелья.

А вот опьянеть можно вполне. Как-никак опыт в этом деле

есть... и подсознание радостно ныряет в алкогольный дурман. Может быть, в это время организм начинает вырабатывать естественные наркотики – эндорфины, не знаю. Во всяком случае, после выхода из *глубины* опьянение проходит не сразу.

– Можно? – Ко мне подсаживается девушка. Светлые волосы, чистая, чуть бледная, матовая кожа, простой белый костюм. На груди медальончик на золотой цепочке – наверняка какая-то программка. Симпатичная и, слава Богу, неузнаваемая. Или сама конструировала лицо, или опиралась на редкую картину, или нашла в каком-то фильме симпатичную, но не примелькавшуюся мордашку.

– Конечно, – разворачиваюсь к ней. Бармен уже подает девушке бокал белого вина. Чилийское, «Император». У девочки хороший вкус.

– Я часто вас здесь вижу, – сообщает девушка.

Дзинь-дзинь! – тревожный звоночек в мозгу.

– Удивительно, – замечаю я. – Не так уж часто я тут появляюсь.

– Зато я – постоянно, – говорит девушка.

Ложь.

Я могу выйти из виртуальности и проверить те два десятка контрольных фотографий, что хранятся на компьютере. Посетители бара за последние два месяца, всегда полезно запомнить новые лица.

Но зачем, я и так помню, что никогда не встречал этого

лица...

– Я носила другие лица. – Девушка словно угадывает мои мысли. – А вы всегда ходите в одном.

– Это дорогое удовольствие – менять образ, – начинаю самоуничижаться. – Лепить себя из Шварценеггера и Сталлоне – глупо. А нанимать специалиста мне не по карману.

– *Глубина* сама по себе – дорогая штука.

Девушка называет виртуальность *глубиной*, и мне это нравится.

В отличие от ее остального поведения.

Пожимаю плечами. Станный разговор.

– Простите, вы ведь – русский? – спрашивает девушка.

Киваю. В виртуальности очень много русских – нигде в мире контроль за машинным временем не поставлен так плохо, как у нас.

– Простите... – Девушка покусывает губки, она явно волнуется. – Я, наверное, крайне бестактна, но... как вас зовут?

Я понимаю.

– *Не* Дмитрий Дибенко. Вас ведь именно это интересует?

Девушка испытующе смотрит мне в лицо, потом кивает.

Залпом допивает вино.

– Я не лгу, – мягко говорю я. – Честное слово.

– Верю. – Девушка кивает бармену, потом протягивает мне руку: – Надя.

Пожимаю ладонь, представляюсь:

– Леонид.

Вот и познакомились, теперь можно на «ты». *Глубина* демократична. Излишне вежливый тон здесь – оскорбление.

Девушка откидывает волосы назад, жест естественный и красивый. Протягивает бармену бокал, тот шустро наполняет его вновь. Окидывает взглядом зал.

– Как ты думаешь, а он действительно посещает виртуальность?

– Не знаю. Наверное. Ты журналист, Надя?

– Да. – Она секунду колеблется, потом достает из сумочки визитку, протягивает мне: – Вот...

Визитка полная – не только интернетовский адрес, но и голосовой телефон, имя и фамилия. Надежда Мещерская. Журнал «Деньги». Репортер.

«Виндоус-Хоум» молчит – значит визитка чистая, это и впрямь только адрес, без всяких сюрпризов. Прячу визитку в карман, киваю:

– Спасибо.

Ответной любезности, увы, не будет. Но Надя на нее и не рассчитывает.

– Странная вещь эта *глубина*, – бросает она, отпивая вино. – Вот я сейчас в Москве, ты – где-нибудь в Самаре, тот мальчик – в Пензе...

«Мальчик», похожий на смазливового мексиканца из телесериала, замечает ее взгляд и гордо выпячивает подбородок. Да, в наблюдательности Наде не откажешь, он и впрямь русский...

– Вон толпа америкосов, – без малейшей почтительности продолжает Надя, – вон тот чудик – явный японец... видите, какие глаза себе нарисовал? У каждой нации свои комплексы... И вот мы валяем дурака в несуществующем ресторане, за бокалом воображаемого спиртного, сотни компьютеров жгут энергию, процессоры греются от натуги, телефонные линии перегоняют мегабайты бессмысленной информации...

– Информация не бывает бессмысленной.

– Да, пожалуй. – Надя бросает на меня быстрый взгляд. – Скажем так: неактуальной информации. И все это – новая эра мировой технологии?

– А чего ты ожидала? Обмена файлами и разговоров о частоте процессоров? Мы ведь люди.

Надя морщится:

– Мы люди новой эпохи. Виртуальность может изменить мир, а мы предпочитаем гримировать ее под старые догмы.

Нанотехнология, используемая для имитации выпивки, – это хуже, чем микроскоп для забивания гвоздей...

– Ты – «тюринка», – догадываюсь я.

– Да! – с легким вызовом отвечает Надя.

Тюринцы – последователи одного писателя-фантаста из Питера. Они не то выступают за сращивание человека с компьютером, не то ожидают от виртуальности каких-то немислимых благ.

– Так что же ты делаешь в этом бессмысленном заведе-

нии? – спрашиваю я.

– Ищу Дибенко. Мне очень хочется спросить его... так ли он все представлял? Правильно ли происходящее, с его точки зрения?

– Понятно. Но неужели тебе не нравится это место?

Надя пожимает плечами.

Я протягиваю руку, касаюсь ее лица.

– Тепло руки, терпкость вина, прохлада вечернего бриза и аромат цветов, плеск теплых волн, луна в небе и колкий песок под ногами, – неужели тебе не нравится все это?

– Для этого существует реальность. – Она смотрит мне в глаза.

– А часто ли все это совпадает в реальности? Здесь достаточно открыть дверь, – я киваю на неприметную дверку в «японской» части ресторана, – и все окажется на месте. А тебе никогда не хотелось холодным осенним утром стоять на опушке леса над обрывистым берегом реки, пить горячий глинтвейн из пузатого бокала... и вокруг никого...

– Хозяин этого ресторана – романтик, – говорит Надя.

– Конечно.

– Леонид, все, что ты назвал, – правильно. Но этим удовольствиям – место в реальности.

– Реальность не столь доступна.

– Как и *глубина*, Ленья. Я не знаю, откуда ты берешь деньги для постоянных визитов сюда, да и не мое это дело. Но миллиарды людей никогда не были в *глубине*.

– Миллионы людей никогда не видели телевизора.

– Виртуальность не должна быть эрзацем реальности, – убежденно говорит Надя.

– Да, конечно. Превратим нищих и убогих в накопители информации, станем импульсами в электронной сети...

– Леонид, ты знаком с учением тюринцев лишь понаслышке, – убежденно говорит Надя. – Посети как-нибудь нашу церковь.

Пожимаю плечами. Может быть, и побываю. Но в *глубине* много интересных мест. На все не хватит жизни.

– Я пойду. – Надя встает. Бросает на стойку бара монетку. – У меня еще полчаса сегодня... надо посетить пару мест.

– В поисках Дибенко? – киваю я. – А может быть – теплый песок, гавайский пляж и красное чилийское?

Надя улыбается:

– Леня, это уже не будет работой. Вечерний пляж и вино... захочется продолжения. А виртуальный секс забавен, но только если ты дома, в запертой комнате. Я вошла с работы. Шесть компьютеров в комнате, все заняты. Представляешь, какое зрелище я буду представлять для коллег?

Она предельно откровенна и умна. Хорошая девочка. Дай бог, чтобы и в реальности Надя была такой же смышленной и открытой.

– Тогда – удачи, – киваю я.

– Спасибо, таинственный незнакомец. – Надя наклоняется и чмокает меня в щеку.

– *Леня, маркер!* – шепчут булавки на моих плечах.

Достаю платок-вирусософаг и стираю помаду со щеки. Грожу Наде пальцем:

– Я предпочитаю оставаться таинственным, девочка.

Кажется, она растерялась. Однако ей хватило выдержки, чтобы развести руками и неторопливо удалиться.

Блин. Испортила песню, дура!

Так хорошо поговорили...

Залпом осушаю бокал и щелкаю пальцами, подзывая бармена.

– Джин-тоник, один к одному!

Бармен морщится, но смешивает требуемое. Блин. Заказать, что ли, текилы с томатным соком – какую рожу он скорчит?

– Леня?

Оглядываюсь.

Мой друг-оборотень стоит рядом. Белый костюм, лакированные туфли, чуть старомодный галстук. Лицо чуть напряженное.

– Привет, Ромка. Садись.

– Что за девица?

– Ничего интересного.

Мы, дайверы, всегда немножко параноики. Что поделать. Слишком много желающих узнать наши реальные имена. Оборотень шумно втягивает воздух, хмурится:

– Она пыталась тебя пометить!

– Я знаю. Не беспокойся, это просто журналистка.

Ромка садится, кивает бармену. Тот корчит жуткую рожу – но подает ему граненый стакан, наполненный «Абсолютом-пеппер». Мне даже смотреть тяжело, как Роман пьет. А он, слегка морщась, вытирает рот и возвращает стакан.

Может быть, он в реальности – алкоголик?

Не знаю.

Мы таимся друг от друга точно так же, как от врагов. Мы слишком ценный товар. Глубоководные рыбы, мерцающие колдовским светом уроды, которых мечтает попробовать каждая акула.

– Ты донес яблочко? – спрашивает Роман.

– Все в порядке, – откидываю полу пиджака, хлопаю по карману рубашки, где лежит дискета. – Товар на месте.

Оборотень чуть расслабляется.

– А покупатель?

Смотрю на часы.

– Через десять минут. Рядышком, у реки.

– Пошли? – Роман берет стакан.

Я подхватываю свой, и мы выходим в ту дверь ресторана, что в каменной стене. В маленьком тамбуре я тихо говорю:

– Индивидуальное пространство для нас обоих. Допуск для человека, назвавшего код «серый-серый-черный».

– Принято, – слышится из потолка. Теперь, сколько бы посетителей ни захотело погулять в виртуальном пространстве «Трех поросят», их мы не увидим. Только покупателя,

которому я загодя сообщил код.

За второй дверью – лес. Дремучий, первобытный, северный. Холодный ветер пронизывает до костей, я ежусь. Мой спутник к холоду совершенно равнодушен. Может быть, у него более простой шлем – без кондиционера?

Бог знает...

Зарабатывает он не меньше моего, но, может быть, у него огромная семья. Или Роман и впрямь алкоголик, проматывающий сотни зеленых за считанные дни?

За нашей спиной – маленький каменный домик, так выглядят «Три поросенка» с этой стороны. Идем по тропинке, помаленьку отхлебывая из бокалов.

– Тебе нравится перцовка? – мимоходом спрашиваю у оборотня.

– Да.

Сухо и без малейших комментариев. Хотел бы я знать, Роман, кто ты на самом деле.

Но это невозможно. Виртуальность жестока к неосторожным.

Выходим к реке. Крутой обрыв, схваченный цепким покровом низкого кустарника. Очень сильный ветер, я щурюсь. Небо затянуто тучами. Река не то чтобы горная, но порожистая и быстрая. Вдали вьется стая каких-то крупных птиц – не знаю, каких именно, они никогда не подлетают близко. Над обрывом – столик, на нем стоят бутылки джина, тоника и «Абсолют-пеппера». Еще никелированный термос, в нем,

я знаю, глинтвейн. Вкусный, с корицей, ванилью, мускатным орехом, перцем, кориандром. Три плетеных стула. Садимся рядом, смотрим на реку.

Красиво.

Белая пена на камнях, холодный ветер, полный бокал в руке, сизые тучи, клубящиеся над головой. Завтра наверняка пойдет снег. Но в виртуальности не бывает «завтра».

– Хотел бы я знать, – делаю глоток, – откуда взята эта река.

– Места красивее не видал я в своей жизни... – странным тоном произносит оборотень.

Вот так всегда. У каждого свои ассоциации и аналогии. Для Романа явно этот пейзаж что-то означает. Для меня – просто красивое место.

– Ты здесь бывал?

– В какой-то мере.

Интересно.

– Что это за птицы, Роман?

– Гарпии, – не глядя отвечает он. Хлоп – и его стакан пуст.

Но он все равно не пьянеет.

Как я ненавижу тайну, которая окружает нас. Мы боимся друг друга. Мы боимся всего.

– А погода приятная, – бросаю наугад.

– Снежное нынче лето... – говорит оборотень. И смотрит на меня с иронией. Он узнает эту местность. Она отзывается чем-то в его душе.

Мне не дано узнать, чем именно.

Наливаю себе глинтвейна в тяжелую керамическую чашу. Вдыхаю аромат. Снежное лето? Пускай. Нет ничего лучше плохой погоды.

– Леня, ты куришь травку? – Роман протягивает мне портсигар.

– Нет.

Наверное, он и впрямь алкоголик и наркоман...

– Говорят, куда безвреднее алкоголя и табака.

– Говорят, что в Москве кур доят.

Роман колеблется, но закуривает.

Блин. Надины доводы начинают казаться мне не такими уж безумными.

Я пью глинтвейн, Роман курит анашу. Минуты через две щелчком отправляет недокуренную сигарету вниз и говорит:

– Детская забава. Плесни мне вина.

– Это глинтвейн.

– Какая, на фиг, разница...

Теперь мы оба потягиваем горячее вино с пряностями. Роман кивает:

– Рулез!

Я согласно киваю. «Рулез» – это что-то хорошее. Холодное пиво, компьютер седьмого поколения, юная красавица, удачно обезвреженный вирус... глинтвейн.

Сидим над обрывом, и нам хорошо.

– Что было в том яблочке?

– Новое лекарство от простуды. Очень эффективное.

Роман хмурится:

– Это стоит шесть тысяч?

– Это стоит сто.

– А... – Роман меняется в лице.

– Давайждемся покупателя.

Оборотень кивает:

– Твоя операция, тебе решать.

Покупатель появляется минут через десять, когда я уже начинаю беспокоиться. Я знал его лишь под кличкой Тертый, а он меня под прозвищем Стрелок. Покупатель опрятен и неприметен, простой костюм, незапоминающееся лицо. Молодой парень с дипломатом в руке.

– Добрый вечер, Стрелок! – говорит он мне. Голос излишне ровен – Тертый общается через программу-переводчик.

– Доброе утро, – поглядывая на часы, отвечаю я. Это взаимная игра. Выяснить индивидуальное время дайвера, определить, в каком часовом поясе тот проживает, – уже немало.

– Как я ценю ваш юмор... – Тертый садится на третий стул, вопросительно смотрит на меня: – Урожай созрел?

– Тяжелые вышли яблочки. – Я достаю дискету, кладу на стол. – Честно говоря, я ожидал большей благодарности за подобный труд...

– Мы ведь условились? Шесть тысяч долларов.

Развожу руками.

– По вашим словам, большего оно и не стоило.

– Вы считаете иначе?

– Понимаете, господин Шеллербах...

Тертый вздрагивает.

– Вы ошиблись как минимум на порядок. Простуда – это мелочь, конечно... но кому нравится валяться в постели с температурой и сопливым носом?

– Мне – не нравится. – Шеллербах-Тертый меняется в лице. Теперь это пожилой мужчина с волевой, но нервной физиономией. – Однако я полагал, что слово дайвера – свято.

– Не отрицаю. Я отдаю вам файл, – щелчком отправляю дискету через стол. – Но в следующий раз ни один дайвер не пошевелит ради вас пальцем. Вы нарушаете *нашу* этику, господин Шеллербах. Труд оплачивается в меру его сложности.

Шеллербах берет дискету и замирает. Я пью глинтвейн, наблюдая за ним. Оборотень молчит. Это моя операция.

Наконец Шеллербах скачал файл, и взгляд его приобретает осмысленность.

– Итак? – спрашиваю я.

– Пятьдесят, – говорит Тертый.

– Каждому?

Он молчит – очень, очень долго. Это деньги. Живые, полнокровные, не облагаемые налогами, пришедшие ниоткуда и ушедшие никуда.

– Ваш счет.

Я протягиваю ему бумажку, на ней – номер счета в Швейцарии.

– Отрицательные проценты... вы очень осторожны, гос-

подин дайвер...

– Иного выхода нет, Петер...

Он сдастся. Я знаю его настоящее имя, он мое – нет. Банк не выдаст меня *никогда*. Даже если международный трибунал заявит, что я людоед и виновен в геноциде.

За это и платятся *отрицательные проценты* со счета.

За полную безопасность.

– Пятьдесят каждому. Я делаю жест доброй воли, господин дайвер!

– Прекрасно.

Несколько секунд и на мой счет перетекают сто тысяч долларов. Это много. Это очень много.

Годы спокойной жизни в виртуальности.

– Вы согласитесь на дальнейшее сотрудничество?

Достаю свою чековую книжку, с удовольствием разглядываю цифру. Потом выписываю чек на пятьдесят тысяч и отдаю оборотню.

– Вполне возможно.

– А на постоянный контракт?

– Нет.

– Чего вы так боитесь, дайвер? – Во взгляде Шеллербаха любопытство.

Чего я боюсь?

– Имени, Питер. Настоящая свобода – это всегда тайна.

– Я понимаю, – соглашается Шеллербах. Косится на Романа: – Вы тоже дайвер? Или просто ходячий набор вирусов?

– Дайвер, – говорит Роман.

– Что ж... удачи вам, господа... – Шеллербах отходит на шаг. Останавливается: – Скажите... как это – быть дайвером?

– Очень просто, – отвечает Роман. – Надо знать, что все вокруг – игра. Фантазия.

Шеллербах кивает, разводит руками:

– Не получается, увы...

Он уходит по тропинке, мы смотрим ему вслед. Потом я наполняю наши бокалы.

– За удачу!

Роман явно еще не оценил масштабов случившегося. Молчит, крутит в руках бокал.

– Леня, скажи, ты счастлив?

– Конечно.

– Большие деньги... – Он разглядывает чек, потом решительно поднимает бокал: – За удачу!

– За нее, – соглашаюсь я.

– Ты не исчезнешь из *глубины*?

– Нет.

Роман кивает, с явным облегчением. Отпивает вина, говорит:

– Знаешь, с тобой интересно работать. Ты... необычный.

На миг мне кажется, что мы подходим к той небывалой грани, когда дайверы открываются друг другу.

– Аналогично, Рома.

Оборотень встает. Резко, порывисто.

– Мне пора... ко мне пришли...

Он растворяется в воздухе, бокал падает на пол, катится, звеня и подпрыгивая.

– Удачи тебе, Роман, – говорю я в пустоту.

Одиночество – изнанка свободы.

У меня не может быть друга.

– Счет! – зло говорю я в пустоту. – Счет, живо!

100

Самое обидное, что мне не хочется спать. Слишком удачный день, наверное.

Возвращаюсь в ресторан. Часть народа сменилась, компания американцев по-прежнему хохочет над своими шутками.

Надо прогуляться.

Выбираюсь из «Трех поросят», секунду колеблюсь – не поймать ли такси? – потом иду пешком. Потихоньку сворачиваю с центральных улиц, подхожу к русским конференц-кварталам.

Это одно из самых интересных мест в виртуальности, на мой взгляд. Место, где можно просто поговорить.

О чем угодно.

Длинные ряды зданий, каждое в своем стиле, между ними – скверики и площади, заполненные народом или пу-

стые. Разглядываю затейливые таблички. Часть понятна сразу, некоторые нарочито туманны.

«Анекдоты».

«Разговоры ни о чем».

«Сексуальные приключения».

«Странное место».

«Овес растет!»

«Книги».

«Боевые искусства».

Сюда приходят пообщаться на конкретные темы. Это – отголоски довиртуальной эпохи. Дальше пойдут более солидные клубы, где можно получить консультацию по техническим вопросам, поспорить о программном обеспечении или даже купить по дешевке ворованные программы. Но мне это малоинтересно.

Сворачиваю в скверик, над воротами которого табличка «Анекдоты». Здесь всегда многолюдно, шумно и бестолково. Скверик похож на парк культуры шестидесятых годов. В уголке тихо играет маленький оркестрик – явно ненастоящий, на скамеечках сидят, пьют пиво, болтают между собой люди. Присаживаюсь в сторонке.

На маленькую деревянную эстраду поднимается парень в джинсах и белоснежной рубашке. Парень совершенно безликий. На него лениво поглядывают.

– Штирлиц вышел из дома... – начинает парень.

Девчонка рядом со мной свистит и запускает в парня пив-

ной бутылкой. Я ее вполне понимаю. Девяносто процентов анекдотов, которые здесь рассказывают, – старье. Это клуб, который обожают новички в виртуальности... не понимающие еще, что ничто не ново под луной. Стоит побыть здесь полчаса, чтобы поверить: Каин убил Авеля именно за то, что тот любил рассказывать бородастые анекдоты.

Паренек под свист и выкрики все-таки рассказывает анекдот и, затравленно озираясь, сбегает с трибуны. Кто-то ему одиноко аплодирует. Надо же...

Оглядываюсь в поисках бара. Он далеко, на другом конце сквера. Девчонка молча протягивает мне бутылку пива.

– Спасибо... – делаю глоток. Холодный «Хайникен» сразу улучшает настроение.

На трибуну поднимается еще один парень. Гораздо более индивидуальный, почему-то напоминающий прибалтийца. У него плутоватое выражение, и я настораживаюсь. Парень косится на маленькую будочку в углу сцены.

– Господа! – выкрикивает он. Действительно прибалт, если это не мое подсознание домysлило акцент. – Фирма «Лито-комп» имеет честь предложить по самым низким ценам...

Ага. Все понятно.

Я тоже смотрю на будочку – укрытие *модератора*. В каждом клубе есть человек, наблюдающий за порядком и за соответствием разговоров разрешенной теме. Вопрос лишь в том, на месте модератор илиотреагирует позднее...

На месте.

Дверца будочки открывается, и оттуда лениво выходит кряжистый мужик с огромным, жутковато выглядящим устройством в руках. Прибалт замечает его и начинает тараторить:

– ...Винчестеры «Квантум лайтинг», «Вестерн дигитал»...

– Офтопик! – лениво, но с глухой злобой говорит модератор и вскидывает оружие. Присутствующие затихают, наслаждаясь зрелищем.

Ствол дергается, и в сторону торговца со свистом летит алый светящийся крестообразный предмет. Прибалт пытается пригнуться, но это бесполезно. Модераторы не промахиваются. На рубашке торговца расплывается огненный крест, или, как принято говорить, «плюс». Три таких плюса – и вход в клуб «Анекдоты» будет для него закрыт навсегда.

Толпа одобрительно хохочет.

– А может, это анекдот так начинался? – выкрикивает кто-то с места. Модератор грозит ему пальцем, потом повторно наводит ствол на прибалта. Тот бросает тщетную попытку отскрести сияющий плюс с рубашки, спрыгивает с эстрады и улепетывает прочь.

– Мочи его! – подзуживают модератора, но тот сегодня добродушен. Закидывает плюсомет за спину и уходит в свою будочку, похожую на дачный сортир.

– «Литокомп»... – задумчиво говорит моя соседка. – Надо будет узнать цену, мне пора винт менять...

Что ж, хоть чего-то торговец добился. На сцену выходит еще один жаждущий юмора.

– Однажды Винни-Пух и Пятачок...

Мне становится нестерпимо скучно.

Почему в виртуальной реальности так популярны анекдоты про Штирлица и Винни-Пуха? Какая-то психологическая абберация...

– Спасибо за пиво, – говорю я девушке, встаю и выбираюсь из сквера.

Настроение не то чтобы плохое, но странное. Я бреду вдоль клубов. Сквозь зарешеченные стекла «Боевых искусств» виден хрупкий парень азиатской внешности, демонстрирующий какие-то сложные движения. В летнем кинотеатре «Фильмы» импозантный мужчина оживленно жестикулирует, стоя у экрана. Заглядываю, до меня доносится: «Дешевка! Этот фильм отвратительная дешевка!»

Скучно, господа...

Может быть, тюринцы и правы. Мы превратили виртуальный мир в пародию на реальную жизнь.

А пародии не бывают лучше оригинала. У них иная задача – высмеять, показать нелепость и несуразность первоисточника.

Но мы не можем изменить мир. И эта пародия лишена смысла. Она – не рывок вперед, а лишь шаг в сторону.

– Вика...

– Я слушаю, Леня.

– Вызови мне такси...

– Хорошо.

Может быть, стоит поездить по городу. В конце концов, пойти в центр развлечений.

Машина «Дип-проводника» притормаживает рядом, я открываю дверь, сажусь. Водитель – какого-то нового, ранее не встречавшегося типа. Бородач в рваной майке и с татуировками на плечах. Под панка косит, что ли?

– Машина сейчас прибудет, – сообщает «Виндоус-Хоум».

И до меня доходит, что шофер даже не произнес традиционного приветствия. Что мы уже едем – хотя я не называл адреса.

– Отсюда только одна дорога, – говорит водитель и с ухмылкой поворачивается. У него шрам на щеке и гнилые зубы. Это не программа, конечно, это *живой* человек.

– Остановите.

– Не положено, – водитель скалится, небрежно руля.

Вот это номер.

– Вика, выход из виртуальности! – команду я.

Ответа нет.

– Твоя программка тебя не слышит, – сообщает водитель. – Сиди тихо, лады? Так лучше будет.

Про похищения в виртуальности я еще не слышал.

– Кто вы?

Бородач только улыбается.

Конечно, у меня есть выход. Недоступный простому жи-

телю Диптауна.

Выйти из *глубины* самостоятельно и вручную оборвать связь.

Вот только – не этого ли от меня и добиваются? Расписки в том, что я дайвер. И обрыва связи, когда я нахожусь в «машине» – транспортной программе, вполне возможно, способной отслеживать телефонную линию?

И зачем я сегодня зашел с основного адреса, установить по которому мою личность – задачка для дилетанта?

– Чего вы хотите?

Водитель меня игнорирует. Но и взгляда не отводит, изучая с любопытством охотника, подстрелившего жар-птицу.

– Сам напросился, – говорю я, стараясь не паниковать. И вынимаю револьвер.

Шесть пуль – шесть разных вирусов. Это слабое оружие, но я надеюсь на разнообразие зарядов. Возможно, защита похитителя не выдержит.

Три пули проходят сквозь него, не найдя цели. Хороший антивирус, не дал увидеть свой компьютер. Одна плющится и падает на пол – вирус убит. Еще два патрона даже не выстреливают – они обезврежены прямо в барабане.

Вот так.

Без особой надежды быю водителя рукоятью – это тоже слабый вирус, неплохо оглушающий простенькие программы вроде «Дип-проводника». Но эффекта, конечно, нет.

– Не трепыхайся, – советует водитель, наблюдая, как я

дергаю ручки двери. Все закрыто наглухо, и я смиряюсь.

В конце концов – информация не бывает лишней.

Мы едем дальше. Я еще раз пытаюсь связаться с Викой – никакого эффекта. Блокирован голосовой канал связи.

Глубина-глубина, я не твой...

На экранах шлема – внутренности машины. Ух ты, как здорово сделано. Это вполне узнаваемая спортивная «Лян-чо».

Я положил пальцы на клавиатуру, набрал несколько команд, нажал ввод.

Сработало.

deer

Ввод.

Я опять в машине. Водитель озабоченно оглядывается на меня. Я задумчиво кручу в руке револьвер – он снова заряжен. А карман оттягивает граната.

– Получили посылочку? – спрашивает водитель.

Теперь моя очередь играть в молчанку.

– Интересно, каким образом?

– Друг мой, если у меня кончаются патроны – это однозначный приказ пополнить запасы.

В моем тоне – самодовольство мелкого хакера. Версия правдоподобная, и то, что компьютер закачал в револьвер порцию новых вирусов, вовсе не обличает во мне дайвера.

Водитель размышляет:

– Давай повременим со стрельбой?

Неопределенно пожимаю плечами. Бородач успокаивающе говорит:

– Мы приехали.

Машина и впрямь уже стоит возле незнакомого здания. Серый куб без окон, единственная дверь, очень широкая, как в гараже, и утрированно-бронированная, словно предупреждение: войти без спроса будет трудно. В таких зданиях скрываются либо банальные склады ширпотреба, либо роскошные апартаменты.

– Идем? – предлагает водитель.

Я молчу.

Бородач молча газует, и машина прыгает прямо к двери. За секунду до столкновения та распахивается, пропуская нас внутрь.

Это и впрямь склад.

Стеллажи вдоль стен, коробки с яркими наклейками известных фирм. Очень много хорошего товара. Либо здесь отделение крупного дилера, либо, что куда более вероятно, воровская хаза.

Двери уже разблокированы. Теперь функцию машины выполняют стены этого помещения. Связи с Викой по-прежнему нет.

– Итак? – выбираясь из «Лянчо», спрашиваю я. – Что надо?

Водитель смотрит мимо меня. Это глупо, но я обращаюсь.

В углу склада стоит Человек Без Лица.

Черный плащ до пола, серебряная заколка в виде розы на груди, выющиеся волосы – какие-то пепельные, но вполне естественно выглядящие. А вместо лица – серая муть, словно сконденсированный туман. Подобные фокусы запрещены на улицах города, но у себя дома их творить можно. Вот только зачем? Хочешь быть неузнаваемым – возьми типовое лицо из комплекта «Виндоус-Хоума» или иной операционной системы. Их там до чертиков.

А отсутствие лица вкупе с такой необычной одеждой – просто глупо.

Хоть и эффектно.

– Оставь нас, Семен, – говорит Человек Без Лица.

Водитель кивает, разворачивается и уходит куда-то в лабиринт стеллажей. Его шаги постепенно затихают, и я отмечаю, что тут прекрасное эхо.

Возможно, чтобы нельзя было передвигаться незаметно.

– Ты – дайвер, – говорит человек без лица.

Ну конечно. Традиция этого дня – меня вновь пытаются отловить. Третий раз.

Бог троицу любит...

– Возможно. А вы, вероятно, Билл Гейтс, – отвечаю я.

Если он и улыбается, то этого не понять.

– Возможно.

Да уж. Станет хозяин «Майкрософта» отлавливать дайверов по сети. Во-первых, деньги он делает более традици-

онными способами, во-вторых – по-русски сам не говорит. Хотя... кто знает, насколько совершенными могут быть программы-переводчики? Деревянные интонации – это издержки массовых и дешевых программ.

– Давайте не будем валять дурака, – говорю я. – Вы решили, что я дайвер? И притащили к себе для допроса. Боюсь, вы будете разочарованы.

– Сегодня утром два хакера, один из них – несомненный дайвер, похитили в квартале «Аль-Кабар» файл с технологией производства нового лекарства. – Человек Без Лица терпелив и педантичен. – Не знаю, сколько им было обещано за работу, но, к счастью, господин Фридрих Урман сообщил дайверу, что правильной ценой была бы сотня тысяч. Далее идут психологические допущения. Например, что дайвер избавится от горячей информации немедленно. Например, что он потребует с покупателя именно сто тысяч. Например, что он перечислит деньги на очень надежный счет.

Нет, этого не может быть... В банках работают профессионалы. Меня не могли проследить.

– Допустим также, что оба хакера делят полученную сумму пополам. И вот это уже становится интересным, друг мой. Трансфер денег из одного банка в другой – событие в Диптауне ежесекундное. Но вот трансфер именно пятидесяти тысяч... от частного лица частному лицу... Номера счетов остаются загадкой, но вот место, где произошел дележ, – более узнаваемо. Вы следите за моей мыслью?

Вот так. Все очень просто.

Меня пасли от «Трех поросят». Роман ушел мгновенно, а вот я решил прогуляться.

На свою дурную голову.

И какого черта я поделился с ним поровну?

– Очень интересная история. Вот только при чем тут я?

Хоть у собеседника и нет лица, но я знаю, что он улыбается.

– Проигрывать надо достойно, господин дайвер.

Я еще не проиграл, но он этого не знает...

– Конечно, дайвер на то и дайвер, что его невозможно поймать в виртуальности, – говорит Человек Без Лица. – Что для вас программные барьеры? Сосредоточиваетесь – и шмыг домой... отключаться вручную.

Ага. Спасибо за совет. Тут-то меня и проследят, в момент обрыва связи...

– Через сутки, когда на моем компьютере сработает таймер безопасности, – кричу я, – ваша блестящая идея рассыплется в прах и вы пожалеете о своей глупости! Я честный человек, я плачу налоги! Я поставлю на ноги всю полицию Диптауна!

– Возможно, хоть и очень маловероятно, говорит Человек Без Лица. – Что ж, если мы убедимся, что вы честный хакер, – в последних словах изрядная доля сарказма, – то никаких претензий к вам не возникнет.

– Вас поймают! – угрожаю я. – И навечно экскоммуници-

ругают!

Экскоммуникация – самая страшная угроза для любого жителя Диптауна. Трудно жить без виртуальности, если хоть раз в ней побывал.

– Думаю, этого не случится.

Человек Без Лица распахивает плащ жестом опытного эксгибициониста. На изнанке плаща – круглый радужный диск. Вьющаяся, мерцающая спираль в обрамлении синевы.

Вот те раз. Он сам из полиции. Как минимум – комиссар, раз имеет радужный жетон.

– Давайте, давайте... – говорю я упавшим голосом. – Знал я, что легавые – скоты, но что настолько...

– Выслушайте меня для начала.

– А что мне остается? – кричу я. – Что?

Выхватываю револьвер и сажу в дверь все шесть пуль. Шесть рикошетов. На стеллажах начинают взрываться и гореть коробки с софтом. Под потолком с шипением оживают форсунки противопожарной системы, и через секунду вирусы обезврежены.

– Кончайте истерику, – говорит Человек Без Лица. Кажется, с легким сомнением в голосе.

Запускаю в него револьвером, тот проходит насквозь, падает у стены.

– Вас успокоить?

Голос ледяной и ничего хорошего не предвещающий.

Сажусь на пол, хватаюсь за голову, шепчу:

– Гады... гады... козлы позорные...

– Нам плевать на твои забавы в *глубине*, дайвер. Воровство – это плохо, но Урману давно пора получить свой щелчок по носу.

Тихо ною, раскачиваясь из стороны в сторону.

Человек Без Лица игнорирует мой спектакль.

– Преступления были, есть и будут. Я не Христос и на абсолютную праведность сам не претендую. У меня иные задачи.

– А у меня маленький и законный бизнес! Чего вы хотите?

– Уже лучше. Господин дайвер, вы слышали о Заблудившемся Пойнте? Или о Боссе-Невидимке?

Вот чего не ожидал – так это древних баек. Поднимаю голову.

– Пойнт – это старое название низового пользователя компьютерной сети?

– Да. Сети «Фидонет»... была такая.

– Кажется, слышал. Это про паренька, которого убило током в момент пребывания в виртуальности? И его сознание каким-то образом осталось жить в сети?

– Да. Юноша с бледным лицом и в обгоревшей одежде, который просит встречных передать на тринадцатый московский узел, что пойнт шестьсот шестьдесят шесть заблудился... А про Босса-Невидимку?

– Дайте стул, – поднимаюсь с холодного бетонного пола.

– Идемте.

Мы проходим вправо, за стеллажи с коробками программного обеспечения для «Макинтошей». Неликвид, мало кто сейчас пользуется этими компьютерами. Были люди и неандертальцы, а потом были IBM и «Эппл». Тупиковые ветви нежизнеспособны.

За стеллажами обнаруживается маленький стол с разбросанными на нем бумагами, два стула. Садимся.

– Босс-Невидимка – это сказка тех же времен, – говорит Человек Без Лица. – Босс – более старшая ступень в иерархии сети «Фидонет». Именно к нему обращались желающие стать пойнтом, приобщиться к виртуальности... Впрочем, тогда виртуальности еще не было... Легенда гласила, что порой «чайники» находили себе очень хорошего босса... который предоставлял им наилучшие условия – доступ в сеть в любое время, высокую скорость передачи данных, подключение к любому клубу... тогда они назывались эхоконференциями.

Я машинально киваю.

– И все было хорошо, – кажется, Человек Без Лица не заметил моей оплошности, – пока кто-нибудь из пойнтов не узнавал, что телефонного номера, по которому он связывается с боссом, не существует, а его самого никто и никогда не видел. После этого Босс-Невидимка посылал всем своим пойнтам письмо: «Зачем вы преследуете меня?» – и исчезал.

– Богатый был фольклор, – соглашаюсь я. – Помню еще про безумного модератора и про эхоконференцию «Тут

умри!».

– Я тоже начинал с сети «Фидонет», – говорит Человек Без Лица.

Молчу.

– Господин дайвер, в отличие от Урмана, я не стремлюсь выяснить вашу личность. Но... знаете, что самое забавное? И ему, и мне вы нужны для одной и той же цели.

– Отловить Заблудившегося Пойнта?

Человек Без Лица тихо смеется.

– Это байка... родившаяся на стыке времен, когда «Интернет», «Фидонет» и прочие превращались в единую виртуальность. Сейчас ее уже мало кто помнит. Всего пять лет прошло – а сколько забыто?

– Ничего не забыто. Погребено под более свежей информацией, но по-прежнему живо.

– Одно и то же, дайвер, суть не меняется.

– Зато сегодня родилась новая легенда.

– Какая же?

– О Человеке Без Лица.

Мой собеседник качает головой:

– Вряд ли она столь интригующая, как бледный юноша в дымящихся одеждах...

Мы оба тихо смеемся.

– Итак, господин дайвер... Вам приходилось играть в «Лабиринт Смерти»?

– Возможно.

– Вы знаете, что с ними сотрудничают два дайвера?

– Допускаю...

Даже два? Я был уверен, что «Лабиринт» обходится услугами одного спасателя...

– Я могу дать вам их адреса... сетевые или реальные.

Ничего себе!

– Один из них украинец, другой – канадец. Первый проживает...

– Не надо, – с некоторым усилием отвечаю я.

– Как интересно! Я думал, что узнать личность дайвера – общая мечта! Не исключая самих дайверов!

– Это мечта из разряда самых гнусных преступлений... по нашему кодексу.

Я первый раз признаю, что являюсь дайвером. Но вряд ли мой собеседник в этом сомневался.

– В «Лабиринте» возникла проблема... и эти двое с ней не справляются... – Человек Без Лица перегибается через стол, берет бумажку, ручку, пишет короткий адрес. Правильно делает, что не пытается дать визитку – я не взял бы файл из его рук. – Вот мои координаты. Когда вы посетите «Лабиринт», предложите администрации свои услуги и попытаетесь решить проблему – свяжитесь со мной. Позовете... Человека Без Лица. Он не настроен ничего более уточнять. И кажется, несколько не сомневается, что я кинусь в «Лабиринт».

– Зачем мне это?

Человек Без Лица вынимает из кармана плаща маленький

значок. Он чем-то похож на его полицейский жетон, только фон значка белый, а в центре не спираль, а радужный, сотканный из тончайших нитей, вращающийся шарик.

– Затем.

Значок ложится на стол между нами. Я смотрю на него, но не решаюсь дотронуться.

Вдруг исчезнет?

Когда леди Винтер получила от кардинала Ришелье указ «Все, что сделано этим человеком, сделано во благо Франции», это было несколько менее круто.

Передо мной легендарная Медаль Вседозволенности. Право делать все, что только можно делать в *глубине*.

Фридрих Урман открыл бы дверь и лично проводил меня до моста, увидев этот значок.

Возможно, потом он нанял бы киллеров, чтобы рассчитаться со мной. Но в *глубине* был бы предельно вежлив.

Мне еще не доводилось видеть Медаль Вседозволенности воочию. Я знаю, что в свое время такую же получил Дмитрий Дибенко – за создание самой *глубины*.

Надо совершить что-то жизненно важное для всего виртуального пространства, чтобы отныне любые твои действия считались благом.

– Она будет вас ждать на этом столе, – говорит Человек Без Лица. – Вы получите ее... если справитесь.

Молча киваю.

– Учтите, будут и другие претенденты, – сообщает Чело-

век Без Лица. – Мы ищем дайверов по всей *глубине*. И многих найдем. И сообщим то же самое, что и вам.

– Что там, в «Лабиринте»? – спрашиваю я, отводя взгляд от медали.

– Не знаю. Это меня и тревожит.

Позволяю себе ухмыльнуться – так уж и не знает...

– До сих пор все происходящее в виртуальности имело аналоги в реальном мире. Развлечения, бизнес, наука, связь.

Интересно, что на первое место он поставил «развлечения».

– Теперь кое-что изменилось... Удачи вам, дайвер. Вы можете идти.

Человек Без Лица кивает в сторону двери.

– Я уйду своим путем.

– Решили открыться?

– Нет, конечно.

Смотрю на прощание в мутный туман его лица.

Глубина-глубина, я не твой...

Я снял шлем и неуверенно потянулся к модему. Выдернул телефонный провод из гнезда.

– Обрыв связи! – сообщает Вика.

– Знаю, девочка.

Вот так, таинственный незнакомец. Все очень просто. Не стандартный выход, который можно проследить, а мгновенно обрезанная нить.

Варварство, конечно. Зато никакого обмена информации.

ей между моим адресом и тем компьютером, в котором смоделирован склад.

– Нет тонового сигнала в линии, – говорит Вика. – Проверьте провод.

– Выключайся.

– Серьезно?

– Да.

Экран заливает голубой фон с белой падающей фигуркой.

– Теперь ты можешь выключить компьютер... – сонно шепчет Вика.

Спокойной ночи тебе, самая верная из моих подруг. Я щелкнул выключателем питания, и тихий гул машины смолк. Потом выключил модем. Мне нужна спокойная ночь, пусть вся почта подождет до утра. Впрочем, уже полчетвертого... небо светлеет.

И очень хочется спать. Голова гудит от обилия информации.

Я стянул виртуальный комбинезон... черт, как воняет потом, давно пора почистить. Плюхнулся на тахту. Хорошо, что не стал вчера заправлять. Какой же я стал... предусмотрительный.

Уже года три, пожалуй...

Когда я проснулся, было без четверти час. Тихо бормотал

включившийся в десять телевизор. Обесточенный компьютер укоризненно молчал на столе.

– Хорошо... – прошептал я в потолок.

Квартиру стоит сменить. Купить нормальную двухкомнатную в центре, в хорошем кирпичном доме, с видом на Неву. Не в этом, гнилом и продуваемом насквозь пролетарском районе.

И Вику тоже переселим в новые апартаменты. Куплю новенькую «семерку», бранднейм, с лицензионным софтом, сотней-другой мегабайт оперативной памяти, или попросту – «мозгов». Голографический винчестер на тысячу терабайт, радиомодем, сверхчувствительный микрофон от «Сименса»... цветной принтер, не знаю зачем, но пусть будет, нормальный сканер вместо ручной лабуды, выделенную телефонную линию от новой АТС... черт, и пятидесяти штук маловато!

Впрочем, зачем мне две комнаты? У меня и так кухня пустая, холодильник и микроволновку я давно перетащил в комнату, а воду ближе в ванной набирать.

Решено, справлю Вике новоселье. Не стыдно будет друзей позвать.

Я встал, добрел до холодильника, вынул банку пива. До двенадцати я не пью, но ведь сейчас уже почти час. Как удачно проснулся!

Легонький «Schultheiss» с утра казался почти крепким. Все, прощайте, «Амстердам-Навигатор» и «Бавария-86»,

верные друзья бедных хакеров. Только «Гиннесс», «Хайникен», «Килкенни»... И вместо бельгийской вареной колбасы – нормальный московский сервелат и буженина. А еще... ну, например, кофеварку купить. Хватит с меня растворимого!

Когда я стал бриться – впервые за два дня – и ощутимо порезался, фантазия нувориша подсказала мне еще «Шик-протектор». Больше ничего в голову не шло, только мелькали какие-то сумбурные идеи о второй телефонной линии и втором модеме – чтобы, пока я блуждал в *глубине*, Вика могла перекачивать почту и выполнять всякие несложные поручения.

Впрочем, это все-таки излишество. Маньяк, и тот второй линии не имеет.

Кстати, ему я должен пиво. Очень похоже, что вчера он спас меня от смерти.

И с пивом лучше не тянуть. У меня появилось подозрение, что через неделю я смогу угостить его лишь «Навигатором»... в общем-то тоже пиво, крепкое, со своеобразным вкусом...

Я включил компьютер, подключился к «Интернету» и минут через десять, без всякой виртуальности, перевел пять тысяч долларов на свой питерский счет. Порылся в шифоньере, выбрал рубашку посвежее и старые, но чистые джинсы, сунул в карман паспорт и «Визу». Что еще? Ах да, пиво...

На балконе грустила ободранная пятилитровая канистра.

Открутив пробку, я принялась. Пахло прокисшим «Жигулевским». Канистру пришлось споласкивать в холодной, потом горячей, потом снова холодной воде. Засунув ее в авоську, болтавшуюся на гвоздике в прихожей еще от предыдущих владельцев квартиры – никак руки не доходят выкинуть всякий хлам, – я выскочил из дома.

Насколько чище и аккуратнее мой подъезд в виртуальном пространстве! И нет этого вечного запаха затопленного подвала и бездомных кошек!

Выбравшись из переулков, я встал на обочине и поднял руку. Голосовать пришлось долго. Наконец потрепанный «жигуленок» снизошел до того, чтобы остановиться.

– К «Кредо-банку», – бросил я.

Как ни странно, водитель знал маршрут.

Минут через двадцать, выложив остатки наличности, я, под остекленевшим взглядом охраны, входил в чертоги тайных и явных капиталов. Еще через двадцать, заполненных всеми возможными проверками, прозвонами в головное отделение банка и просьбами уточнить номер счета, подобрешшие работники банка выдали мне тысячу долларов. В рублевом эквиваленте, конечно.

А еще через четверть часа я вошел в ирландский пивной бар «Молли», что на улице Рубинштейна, тридцать шесть. Днем тут не оченьлюдно, и это меня спасло. Мордовороты у входа были расслаблены и при виде канистры в авоське впали в ступор. Я торжественно прошел мимо окошка гардероб-

ной в уютный сумрак полуподвала, прошествовал к длинной стойке и улыбнулся бармену.

Бармен в «Молли», к счастью, англичанин. Что ни говори, а в чем-то они нас здорово превосходят. Он улыбнулся и вопросительно уставился на меня.

– Добрый день, Кристиан, – сказал я. – Можно пять литров пива?

Отпускать пиво литрами он явно не привык. Но ему понадобилось лишь секунд пять, чтобы улыбнуться повторно.

– Какого пива?

– «Жигулевского».

Охранники за спиной – они почему-то решили заглянуть вслед за мной в зал – шумно задышали.

– Шучу, – объяснил я. – «Гиннесса», конечно.

И протянул Кристиану канистру.

Самообладание – это, наверное, одно из обязательных качеств лучших барменов Европы. А Кристиан в их число входит. Он небрежно взял канистру, подкинул в руке, словно прикидывая объем, и стал, наполнять из сверкающего крана.

Мордовороты за спиной тихо сходили с ума. Меня это безмерно веселило.

– Ждите отстоя пены, – с сильным акцентом сказал Кристиан, ставя канистру на стойку. Ух ты, какой молодец! Я в «Молли» бываю редко, такого знания предмета за ним не замечал.

– Тогда еще кружечку здесь, – сказал я и оглянулся.

Мордovorоты сделали вид, что изучают батареи бутылок за спиной Кристиана. Так. Пока они не убедятся в моей кредитоспособности, пива спокойно не выпьешь.

Я медленно выгреб из правого кармана джинсов охапку бумажной мелочи. Стал разглядывать. Дыхание охранников снова участилось.

Блин, ну неужели я так погано выгляжу?

Из левого кармана появилась на свет толстая пачка сто- тысячных. Я положил три бумажки на стойку, взял кружку и повернулся.

Кажется, здесь кто-то стоял? Нет, наверное, показалось...

Сев за ближайший столик, я потихоньку, с чувством, наслаждался лучшим пивом из придуманных в этом грешном мире. Потом забрал у веселящегося (Европа! Их так просто не проймешь!) бармена канистру и, поколебавшись, забрал сдачу. Ничего. Пиво и так недешевое.

А ведь в *глубине* – что «Бавария» в банках, что «Гиннесс» из бочки – почти нет разницы в цене...

Теперь машину удалось поймать быстрее или просто время ускорило свой бег? Я нырнул в дребезжащую «волгу» и радостно выпалил:

– Гони к Маньяку!

На меня уставились два очень больших и круглых глаза.

– Вылазь, – так же кратко предложил водитель.

Останавливая следующего желающего подзаработать, я мысленно напоминал себе, что нахожусь не в виртуальности,

где терпеливая Вика превратит несложную команду в понятный адрес, а в реальном мире.

110

Маньяк живет на Васильевском. Я с пыхтением забрался на пятый этаж – в ту пору, когда строили этот дом, лифт еще был новинкой – и позвонил. Раз, другой, третий... пауза. Раздва. Даже если Маньяк в *глубине*, подключенный ко всем квартирным проводам компьютер подчинится кодовому звонку в дверь и выведет его из виртуальности.

В глубине квартиры слышались шаги. Я быстро закрыл глазок пальцем.

– Кто? – мрачно спросил Маньяк.

– Рэкет заказывали?

Пауза. Маньяк явно только что из *глубины* и к юмору малорасположен.

– Кто?

– Блин, я это! – Я убрал палец.

Маньяк загромыхал замками, открывая. Я вошел. Маньяк оказался в виртуальном костюме на голое тело и с помповым ружьем в руке. Ружье было здоровенное, рядом с ним худощавый и узкоплечий хакер казался ребенком, играющим в войну.

– Ого, – только и сказал я.

– Да... шарился тут у одного типа на компе... еле ноги

унес. – Маньяк был немногословен. Запер дверь, покосился на канистру, сочувственно спросил: – Что, на мели?

– Да нет, не совсем.

– У меня есть пара бутылок «Балтики»...

– Тут «Гиннесс», – гордо заявил я. Маньяк задумчиво посмотрел на канистру. Бросил:

– Извращенец...

Я прошел за ним на аккуратную кухоньку, опасливо спросил:

– А где... твоя?

– У своих.

– Поссорились, что ли?

– Почему поссорились? – возмутился Маньяк. – Жены дома нет – сразу поссорились? Так, матушку решила проведать... ну повздорили малость.

– И чего так?

– Да... на красный свет пошел...

Я кивнул. Трудное это дело – жить в *глубине* и быть женатым человеком.

Ну какая, к черту, измена – заглянуть в виртуальный публичный дом? Там же все – ненастоящее!

Мы сели за стол, Маньяк, порывшись в холодильнике, достал пачку сосисок, кусок сыра, потом притащил из своей комнаты два огромных глиняных бокала. Я торжественно налил пиво.

– И впрямь «Гиннесс»... – признал Маньяк, рисуя паль-

цем на густой пене букву «М». – Это ж надо...

– За любовь, Шурка!

– Угу, – мрачно сказал Маньяк. Осушил бокал, крикнул: – Да. Любовь. Блин, бес попутал! Надо было от хвоста избавиться... парочка ламеров увязалась... Решил заглянуть в «Земляничную поляну».

– На фига?

– А ты что, не в курсе, какие системы безопасности в виртуальных борделях? – поразился Маньяк. – Там же постоянно сенаторы, думцы, бизнесмены... всяческие денежные мешки. Отсекает от преследователей начисто!

Я покачал головой. Не знал. Стыдно признаться, но в эти заведения я вообще не заглядывал...

– Ну решил полчасика переждать, – продолжал рассказывать Маньяк. – Не будешь же *там* торчать как дурак, в одиночку! Позвал одну девчонку... сидели, пиво пили... «Гин-несс»! – в припадке откровенности признался он. – Ну и... как-то само собой... а в самый интересный момент – бац! Плюха по морде! Девчонка меня целует, а мне больно! Потом внепрограммный выход из *глубины*... Галка шлем из порта выдрала.

Он налил себе еще пива. Я сочувственно кивнул. Внепрограммный выход – это неприятно.

Для не-дайвера.

– Перемелется, – сказал я. – В первый раз, что ли?

– Она сказала – в последний, – мрачно сообщил Маньяк. –

Я год в эти бордели не заглядывал! У меня даже комбинезон – без секс-стимулятора!

– А у меня с ним, – сказал я. – Только я в бордели не заглядываю.

– Ну и зря. Гуляй, пока молодой...

На самом деле Маньяк моложе меня на два года. Но он крутой хакер, а я простой «чайник». И еще он женат, причем во второй раз.

– Ладно, расслабься. Завтра помиритесь.

– Помирился, – согласился Маньяк. – Надо будет хоть сегодня оттянуться...

Мы обменялись понимающими улыбками и отхлебнули пива.

– Купи Гальке женский комбинезон, – предложил я. – За-тащи в *глубину...* и *ноу проблем!*

– Еще чего, – буркнул Маньяк с явной опаской. – Ты видел баб, которые виртуального секса попробовали? У них же психика... другая. Их потом ни один нормальный мужик не удовлетворяет!

Я кивнул, хоть и не представлял толком женщин, помещенных на виртуальном сексе. Мужчин – представлял. На этом многие рехнулись, потому я и не спешил. Одно дело – эксперименты с жаждущими приключений девчонками, другое – профессионалки из виртуальных публичных домов.

– За здоровье, – предложил я.

Мы выпили и наполнили бокалы по третьему разу. Кани-

стра ополовинилась, на душе похорошело.

– За узел пять-ноль-тридцать, двести семь... – сказал Маньяк. – За старое «Фидо»...

Мы выпили молча и не чокаясь. Как за покойника.

– Все ведь меняется, Шурка, – тихо сказал я. – Была «сеть друзей», болтовня обо всем на свете, зависть к «Интернету», ругань в адрес «Майкрософта». А теперь нет ни «Интернета», ни «Фидонета». Только виртуальность. А для нее «форточки» – самая удобная программа.

– Халтурщики они, – упрямо заявил Маньяк. – Ты что, по-прежнему «Виндоус-Хоум» юзаешь?

– Да.

– Может, ты и прав, – тоскливо сказал Маньяк. – Приятный голосок, советы по поводу количества мозгов и качества железа... тьфу! Думать не надо, води стрелочкой по экрану да на картинки гляди!

– А ты все полуосью балуешься?

– Почему «балуясь»? – возмутился Маньяк. Лучшая операционная система, если не считать «юникса»! Позавчера новую версию поставил, блеск, а не программа!

– Каждый раз, как к тебе захожу, это слышу, сказал я. «Поставил... новую версию... три дня с ней трахался...» А у меня два года «Виндоус-Хоум».

– Каждому свое, – признал Маньяк. И неожиданно спросил: – Слушай, Леня, а как ты со своих «форточек» влез в «Аль-Кабар»?

Я отвел глаза.

– По сети слух прошел, два дайвера нагрели «Аль-Кабар», – вкрадчиво сказал Маньяк.

Я сделал последнюю попытку уйти в сторону:

– Почему двое? Один дайвер... и один помощник.

Маньяк тихо засмеялся:

– Ты меня за ламера не держи, Леня. А то такой приветик по почте получишь, весь *софт* заново ставить придется... Дайверы простой народ в подручные не берут.

Я молчал, глядя на Маньяка.

– Ясно, – сказал он. – Что ж, за удачу. За богатых дураков и умных хакеров.

Мы чокнулись.

– Что там было, Ленька?

– Лекарство от насморка.

– Серьезно? Круто...

Мы сжевали по паре сосисок, а я тоскливо подумал, что моя анонимность дала все-таки брешь. Вчера меня пытались поймать трижды.

Сегодня просто-напросто вычислили.

– Леня, я не знаю ни одного дайвера, – сказал Маньяк. – И не собираюсь их ловить. У меня комплексов нет... особенно к друзьям.

– Спасибо, – сказал я.

– Знаешь... только один вопрос.

Вот всегда у хакеров находится *один* вопрос. Они думают,

что можно спросить что-то такое, после чего все тайны дайверов станут понятны.

– Ну?

– Когда дайвер решает выйти из виртуальности – что он делает? Просто думает: хочу, мол, оказаться в реальном мире? Или как?

– Я слышал, что один дайвер... – я отвел глаза, – при этом бормочет глупую фразу.

– Какую?

– *«Глубина-глубина, я не твой».*

– И все?

– Иногда он еще добавляет: *«Отпусти меня, глубина».*

– И все? – уныло спросил Маньяк.

– Да.

– Просто-то как...

Маньяк порылся в карманах, достал пачку «Лаки Страйк», закурил. С легкой обидой сказал:

– Раньше было просто. Есть хакеры, есть честные «чайники», есть ламеры. Первые – умеют все. Вторые – учатся. Третьи – дураки, над ними и поиздеваться не грех. Вот ты... как был «чайником», так им и остался!

– Да, – согласился я.

– Но вот появилась *глубина*... казалось – все наши мечты сбываются. – Маньяк горько засмеялся. – А на деле – фиг! Я, крутой хакер, – с вызовом заявил он, – в виртуальности один из миллионов! Ну, посмышленнее, наверное. Опыт есть

какой-никакой! А все равно... порой такое бывает...

Он замолчал, вертя в руках сосиску. Потом сообщил:

– Я на днях мышь съел.

– Что?!

– Мышь. Компьютерную. Ну, не саму мышь, она твердая... провод перекусил.

– Зачем? – тупо спросил я.

– Случайно. Был в *глубине*. Сидели с ребятами в «Радуге», пиво пили с копченой рыбкой... Ну, у меня рыбка кончилась, взял с тарелки у Макса...

– Макс ведь пива не пьет!

– А он «Фиесту» пил.

– С копченой рыбой?!

– Чтобы не выделяться... – Маньяк вздохнул. – Ну, видно, тянуться далеко было... вот и дернулся в реальности. Когда вышел – смотрю, у мышки провод перекушен! И вроде немножко его не хватает...

– Живот не болит?

– Нет, пока ничего...

Мы наполнили бокалы.

– Или вот, – продолжил Маньяк. – «Лабиринт Смерти» знаешь?

– Да. – Я мигом протрезвел.

– Недавно решил развеяться, заглянул сразу на семнадцатый уровень. Там сейчас такого понаделали! Кошмар, а не игрушка... в общем, я завяз.

– То есть?

– Не смог пройти на следующий уровень. А без этого меню выход не появляется.

– И что?

– Сидел тридцать шесть часов, – зло сказал Маньяк. – Нас там целая компания собралась... идиотов. Раз по десять нас пристрелили, потом мы просто забаррикадировались, сидели в одном подвальчике, песни пели, от монстров отстреливались... пока у нас таймеры не сработали.

– У тебя непрерывное пребывание в *глубине* – тридцать шесть часов?

– Теперь – двадцать четыре.

– А что же Галька?

– Да... она у тещи была... Ленька, а у тебя какое ограничение по времени?

– Я снял запрет, – признался я.

– Понятно... дайвер... – Шурка принужденно засмеялся. – Черт! Никогда не верил в вас до конца, хоть и подозревал!

– Меня, что ли?

– Конечно. На фиг «чайнику» боевые вирусы и противоядия?

Мне стало немножко грустно. Что-то изменилось в наших отношениях. И слишком резко. Может быть, со временем это пройдет...

– Шурка, я все равно ни черта не умею – кроме как вы-

ходить из виртуальности. Для меня любая программа – это куча бессмысленных символов и пусковой файллик.

Маньяк кивнул:

– Понимаю. Но скажи – ты бы поменялся со мной местами? Что интереснее – творить *глубину* или повелевать ею?

Я молчу.

– Наливай... – со вздохом сказал Маньяк.

111

У Маньяка я просидел до позднего вечера. «Гиннесс» сменился «Балтикой» номер шесть, а на десерт Шурка откопал банку рождественского «Кроненбурга». Ни ирландское, ни питерское, ни французское пиво не подкачали.

В глубине души я был рад, что хоть кому-то открылся. Мои друзья-хакеры делятся на две группы – одна хранит тайны до первой бутылки пива, вторая, после этой самой бутылки, ее как бы забывает. Шурка – из второй.

По крайней мере теперь он будет знать, для чего мне весь разнообразный вирусный софт, который я правдами и неправдами выманиваю у него.

Насколько проще было бы, не затягивай *глубина* так сильно, думал я в такси по дороге к дому. Насколько правильнее и легче.

Не было бы деления на счастливых и неудачников, которое ничем не сломать. Не было бы этого безумия – вели-

колепных программистов, не способных перейти грань между иллюзией и явью, и неумех вроде меня, не замечающих этого барьера.

Не было бы зависти друг к другу – и вечной охоты.

Но разве я виноват? Я и сам не знаю, почему так происходит, какая ошибка сознания, а ведь это именно ошибка – мы в меньшинстве – делает из человека дайвера. Не пользоваться своей способностью глупо. Предлагать ее для всеобщего изучения – страшно.

Так уж получилось. Кто-то прыгает на восемь метров в длину, кто-то пишет стихи, кто-то неподвластен виртуальности. Но почему нас так мало? Настолько, что считать приходится не в процентах, а поголовно...

– Здесь? – спросил водитель.

– Да, спасибо.

Я расплатился, выбрался из машины, пошел к подъезду, чувствуя себя раздутым, как воздушный шарик. Сейчас надо либо завалиться спать, смирившись с утренней разбитостью, или нырять в *глубину*. Она хорошо снимает похмелье.

На втором этаже подъезда, там у нас почему-то всегда горит лампочка, сидело человек пять подростков. Перекидывались картишками прямо на полу, о чем-то вполголоса разговаривали... нет, скорее не разговаривали – перерывались. Двоих я знал, трое казались незнакомыми. Маленькая стая мелких хищников. Такая с удовольствием загрызет одиночку в темной подворотне. Но здесь я в безопасности. Воз-

ле норы хищники не охотятся.

– Здравствуйте, – буркнул парнишка, который живет надо мной. В точно такой же однокомнатной, с родителями и старшей сестрой, частенько приходящей только под утро. Слышимость у нас прекрасная, я в курсе всех их проблем и скандалов.

– Привет, – сказал я.

– Леня, у вас сигарет не будет?

Я старше его лет на пятнадцать, но подростки держат меня почти за сверстника. Возможно, потому, что я не женат, а в моем мусоре преобладают пустые пивные банки.

– Сейчас.

Сам я не курю, но дома всегда валяется пачка-другая сигарет для заходящих хакеров. У них курение – профессиональная черта.

Паренек терпеливо переминался за дверью, пока я поставил канистру, включил свет и порылся в шкафу.

– Держи.

Он благодарно кивнул, открывая пачку, я махнул рукой – забирай всю – и запер дверь. Хищников надо прикармливать. Чуть-чуть. Чтобы не обнаглели и даже в затуманенных выпивкой мозгах мелькала мысль, что я «нормальный мужик».

Я быстро разделся, покидал одежду на кровать, пошел в ванную. Постоял немного под холодным душем.

Нет, никакого сна. *Глубина* ждет.

Весь день я старался не думать о Человеке Без Лица и о Медали Вседозволенности, лежащей на складе. Но теперь, в темноте, когда виртуальность приближалась все ближе, они не выходили из головы.

Человек и Медаль.

Кнут и пряник.

Что такого могло случиться в «Лабиринте», с чем не справились два дайвера? Профессионалы, работающие хоть и анонимно, но по постоянному контракту? Знающие «Лабиринт». До последнего закоулка...

Что-то, не имеющее аналогов?

Очень странно.

Я вытерся, бросил полотенце в таз с грязным бельем, вернулся в комнату, щелкнул тумблером питания компьютера и стал натягивать комбинезон.

– Добрый вечер, Леня, – сказала Вика.

– Привет, старуха.

Женское лицо на экране улыбается. Нет, наверное, я не прав. Надо поставить другую реакцию на слово «старуха» – легкая обида, надутые губки, чуть отведенный взгляд.

– Почта есть?

– Семь писем.

– Читай.

Ничего интересного в почте не было. Приглашения посетить два вновь открывшихся клуба, прайс-листы какой-то маленькой торговой фирмы, письмо от Маньяка, отправлен-

ное им еще утром...

– Все стереть, – сказал я, усаживаясь за компьютер. Воткнул штекер комбинезона, надел шлем. – Вика, подключайся к Диптауну... через резервный канал. Личность номер семь.

Этим входом я не пользовался уже месяца три. Так же как «личностью» – стального цвета костюм, черная рубашка, шейный платок, высокие кожаные ботинки, гибкое худощавое тело, смуглое узкое лицо, волосы до плеч, низкий и сильный голос.

– Резервный канал, седьмая личность, – подтвердила Вика.

Радуга перед глазами, фейерверк, жадное полыхание огненной волны. *Глубина.*

Я сижу в крошечной комнатке. Кровать, стол с компьютером – не моим, а каким-то совершенно абстрактным, дверь.

Гостиница «Начало пути». Здесь по дешевке арендуют номера те жители Диптауна, которые бывают в *глубине* нечасто.

– Все в порядке, Леня?

– Да.

Открываю дверь, выхожу. Длинный коридор, усеянный дверями. У одной двери стоит Сильвестр Сталлоне и с восхищением разглядывает свои руки.

– Привет, Слай, – бросаю я, проходя мимо. Почти наверняка парень русский, и уж совершенно точно – новичок.

– Похож? – с надеждой спрашивает парень.

– Да... – Я останавливаюсь. Пиво настраивает меня на благожелательный лад. – Первый раз в *глубине*?

– Где?.. Да, первый.

– Надевать внешность известных людей – это дурной тон. И признак новичка. Постарайся сконструировать свою собственную личность... возьми, например, «Биоконструктор» и повозись немного.

– «Биоконструктор»? – смущенно спрашивает парень.

– Да. Простая программа, с русским интерфейсом. Валяется на всех серверах в разделе для новичков.

– Спасибо... – «Сталлоне» бредет следом. Я замечаю, что он начал сутулиться, словно стесняясь своей внешности. Хороший признак.

Мы вместе входим в лифт, спускаемся на первый этаж. Холл довольно просторный, в нем дежурят четверо портье и двое охранников.

– Подойди к кому-нибудь, – советую я, – и попроси проконсультировать. – Куда пойти для начала, как себя вести...

– Неудобно...

– Неудобно быть дураком. Эти ребята здесь для того и сидят. На улицах спрашивай совета у людей с нашивкой на рукаве в виде раскрытой ладони, это помощники-добровольцы. Или у полиции. Ты поставил таймер?

– Да, конечно! На два часа!

– Ну и прекрасно. Потрать четверть часа на беседу с портье. Сэкономил куда больше. Счастливого плавания.

– Счастливого плавания! – восхищенно говорит мне вслед новичок. Приятно быть старожилом.

Подмигнув портье и кивнув на «Сталлоне» – а то еще постесняется сам подойти, я выхожу из гостиницы. Поднимаю руку, мгновенно останавливается такси. Это не реальность...

– Компания «Дип-проводник» рада приветствовать вас, Стрелок! – говорит водитель.

– В «Лабиринт Смерти», – говорю я. – К административному корпусу.

1000

Есть игры. И есть Игры.

Разница в долголетию.

Компьютерная индустрия выпускает до тысячи игр ежегодно. Как рассчитанных на *глубину*, так и простых, для обычных пользователей.

Обычно игра активно живет с полгода. Расходится законными и незаконными каналами, обсуждается. В ней вылавливаются все заложенные создателями и случайные хитрости. Потом она умирает... сохраняясь у сотни-другой фанатов.

Бывают исключения – и тогда игра живет годами. Появляются новые, куда более совершенные и красивые игры, но и старая сохраняет толпы приверженцев.

И есть три исключения, не умирающие еще с довиртуаль-

ной эры. «Doom», «C&C» и «Mortal Combat». Конечно, они менялись – десятки раз. Но это была скорее косметика, чем кардинальные перемены.

«C&C» – это стратегическая игра. Ее виртуальное пространство представляет собой всю планету. На этом безропотном полигоне несостоявшиеся Наполеоны и Жуковы ведут бесконечные войны за мировое господство, управляя в несуществующих штабах выдуманными армиями. Там гремят танковые гусеницы и взмывают в небо ракеты. Разрабатываются новые, чудовищные вооружения, атомными взрывами выжигаются дотла мировые столицы. В этой игре не надо быть ловким или метким, здесь важно стратегическое мышление. Говорят, что за ней очень внимательно приглядывают военные... и порой удачливые игроки получают предложения поступить на действительную военную службу. Кого-то это отпугивает, но многих, наоборот, привлекает. Я немного играл в этих «солдатики для взрослых». Игра, на мой взгляд, безобидная и спокойная. Расхаживаешь с чашкой кофе, в красивом мундире по штабу, заполненному вышколенными адъютантами, и говоришь. «А не сбросить ли нам термоядерную бомбу на Лос-Анджелес?»

В последний год игра чуть изменилась, теперь ее надо начинать лейтенантом, командуя маленьким взводом в тактических схватках, подчиняясь чужим приказам, и постепенно подниматься до главнокомандующего своей страны. Появились возможности военных переворотов, предательства,

партизанской войны «против всех»... Не знаю, наверное, игра стала интереснее. Но я любил прежние правила.

«Mortal Combat» – еще проще и незатейливее. Это мордобой в виртуальном пространстве. Можно надеть одну из сотен готовых личин или придумать свою – и принять участие в многодневном турнире за право сразиться с главным злодеем, мечтающим поработить всю Землю. Вот эта игра полезна до чрезвычайности. Нигде так не выпустишь лишний пар и нездоровые эмоции, как на мрачных аренах «Mortal Combat», колотя противника пяткой по лбу или обрушивая на него магические заклинания. Хорошая игра. Я туда захожу раз-другой в месяц, но некоторые не вылезают из поединков. Говорят, что если особенно не злоупотреблять магией – которая, увы, в реальности недоступна, – то можно неплохо научиться драться. Но я в этом сомневаюсь. Все-таки одно дело «удар», который ты почувствовал при помощи виртуального костюма, и совсем другое – подлинная арматура, которой тебя огреют на улице.

И, конечно, есть еще «Doom». Та самая игра, с попадания в которую началась виртуальная эра.

Ее основное поле называется незатейливо – «Лабиринт Смерти». Это действительно лабиринт – пятьдесят уровней, часть из них расположена в зданиях и подземельях, часть – на улицах Сумеречного Города – такого условного мегаполиса, который был захвачен инопланетной цивилизацией. *Глубина в глубине, пространство в пространстве.* Со своими

законами и правилами.

Игра начинается с первого уровня – полуразрушенного вокзала, куда игрок прибывает на дрезине, с одним-единственным пистолетом в качестве оружия. Вокзал заполнен монстрами – бывшими жителями Сумеречного Города и другими игроками. Кто из них опаснее, сказать трудно – монстры лучше вооружены, игроки, разумеется, умнее, чем машины. На вокзале можно найти оружие, защитное снаряжение, аптечки, пищу. Выбравшись с вокзала, попадаешь на второй уровень – автостраду, где полно брошенных машин... ну и, разумеется, монстров, и игроков. Для победы надо дойти до пятидесятого уровня – древнего собора в центре города – и уничтожить предводителя пришельцев. Это сложно. Я когда-то доходил. Но с тех пор «Лабиринт» менялся раз десять – появлялись новые здания, вооружения, монстры. И конечно, новые игроки, игровые наркоманы, уже не мыслящие жизни без перестрелок на улицах Сумеречного Города.

Это интересная игра. Прежде всего потому, что требует постоянного общения с другими людьми. Не «боя насмерть», как в «Mortal Combat», не обмена дипломатическими посланиями и угрозами, как в «С&С», а именно общения. Заключение союзов, уговоров, каких-то мелких житейских хитростей...

Вот только что необычного могло случиться в пространстве «Лабиринта»?

Административный корпус «Лабиринта Смерти» – двухэтажное здание на окраине Диптауна, облицованное розовым ракушечником. У него мирный и уютный вид, это скорее жилой дом, чем контора. В таких коттеджах, наверное, живут американские семьи среднего достатка. Вход в «Лабиринт» поодаль, и уж он выглядит куда эффектнее. Я стою в саду, разглядываю охранника перед дверью. Тот в маскировочном комбинезоне, стандартном обмундировании игроков, и со штуцером в руках. Морда – непроницаемая, стоит – не шелохнется. Человек или нет? Интересоваться глупо, тем более что хорошо сделанную программу отличишь от человека не сразу. Прохожу мимо охранника, оказываюсь в небольшом зале. Сквозь окна бьет яркий солнечный свет. Вдоль стен – журнальные столики, мягкие кресла. Посередине зала – стол посolidнее, за ним сидит улыбающаяся девушка. Секретарша, и похоже, живая.

– Здравствуйте, – говорю я.

Лицо секретарши чуть меняется.

– Добрый день, – говорит она. Голос мягкий, приятный. Похоже, меня переключили на русскую сотрудницу фирмы.

– Мне нужно встретиться с руководством, – начинаю без церемоний.

– Конкретнее, если можно.

Девушка – сама любезность. Но пробиться сквозь этот за-
слон не проще, чем через монстра у моста в «Аль-Кабар».

– У меня конфиденциальная информация для руковод-
ства «Лабиринта».

– И все же я прошу вас кратко изложить цель визита.

Что ж...

– Я хотел бы сообщить господину Гильермо Агирре, что
осведомлен о маленькой проблеме, возникшей на днях, и о
том, что сотрудничающие с вами дайверы не смогли ее ре-
шить. Я намерен предложить свои услуги в разрешении воз-
никшей проблемы.

Секретарша кивает:

– Минуточку.

Она неторопливо встает и выходит в одну из внутренних
дверей. Я терпеливо жду. Все очень мило и патриархально.
Никаких компьютеров, никаких монстров. Не офис самого
мрачного и дорогостоящего аттракциона в истории челове-
чества, а мелкая контора по торговле туалетной бумагой...

Девушка отсутствует долго. Мне надоедает стоять, я при-
саживаюсь в одно из кресел, листаю разбросанные на жур-
нальном столике газеты. Тихо и мирно. Кроме меня – ни-
каких посетителей, хотя на самом деле они наверняка есть.
Просто мы не видим друг друга, а общаются они с другими
сотрудницами фирмы.

– Господин...

– Стрелок, – говорю я, вставая. – Зовите меня Стрелок.

Девушка кивает:

– Господин Гильермо Агирре примет вас.

В ее голосе легкое любопытство. Похоже, она не подозревала о том, что в «Лабиринте» существуют какие-то проблемы.

Вхожу в указанную дверь и замираю.

Это красиво.

Помещение неправильной треугольной формы, одна стена полностью прозрачная, из нее виден с большой высоты залитый красным закатным светом город. Не Диптаун... скорее – Сумеречный Город. Стол начальника службы безопасности «Лабиринта», господина Гильермо, подковообразный. На нем три компьютерных монитора, клавиатура и больше ничего. Сам господин Гильермо уже поднимается навстречу. Пожилой, сухощавый, очень загорелый, в шортах и футболке.

– Здравствуйте. – Он первый протягивает руку. – Значит, вы – Стрелок, да? Зовите меня просто Вилли.

Вилли так Вилли.

Жму руку.

– Вы сказали такие интересные вещи... да? Про проблемы, дайверов, помощь... – Вилли смеется и машет руками. – Бах! Бах! Такая помощь?

Интересная программа-переводчик. Сильный акцент, слова-паразиты, словно Гильермо говорит по-русски самостоятельно. Сразу какое-то иное отношение к человеку...

– Давайте будем откровенными? – предлагаю я. Вилли-Гильермо морщит лоб и кивает. – Я – дайвер.

– Да? – вежливо интересуется Вилли. – А что это такое?

Улыбаюсь в ответ. Говорю:

– Наверное, ваши украинский и канадский сотрудники могут более быстро это объяснить. Я имею в виду дайверов, работающих с вами на постоянном контракте.

Вилли смотрит на меня и молчит. Долго. Потом кивает.

– Я полагал, что Анатолий – русский. Он украинец?

Да. Человек Без Лица осведомлен лучше, чем начальник службы безопасности «Лабиринта».

– Это уже детали, – говорю я.

– Садитесь, Стрелок... – Вилли придвигает мне кресло, сам отходит к окну. Смотрит на залитый кровавым заревом город. – Значит, вы дайвер?

Киваю.

– Это крайне интересно. Это необычно! – Вилли поднимает указательный палец. – Все ищут дайверов, у всех есть просьбы, бизнес, вопросы... вы пришли к нам сами.

Молчу.

Вилли оборачивается.

– У вас красивый костюм, Стрелок, – говорит он. – К нему хорошо... кепи! Такое маленькое серое кепи!

Понятно. Незатейливый тест.

– Вика...

Вилли улыбается. Понятно. Тот же фокус, что и приме-

ненный человеком без лица. Я отрезан от своей операционной системы. Давно следовало ожидать подобных игрушек.

Глубина, глубина, я не твой...

Оказалось, что у меня болит голова. Пиво, однако...

Я снял шлем, потянулся к мышке. Запустил «Биоконструктор», торопливо выбрал из меню окошечко «Одежда», потом «Головные уборы», отыскал что-то среднее между беретом и кепи. Залил серо-стальным цветом. И нацепил на свою фигуру – личность номер семь, Стрелок...

deer

Ввод.

Берет на моей голове. Не знаю, о таком ли говорил господин Агирре. Но вроде бы он удовлетворен.

– Мы ценим работу дайверов, – произносит Вилли. – Но наши постоянные сотрудники справляются с ней. Надо время, небольшое. Мы предложим вам интересное дело. Да?

Качаю головой, берет съезжает набок.

– Господин Гильермо, – почтительно, но твердо отвечаю я. – Речь идет об одном конкретном вопросе, в котором я хочу помочь «Лабиринту».

Удивленно приподнятые брови.

– На днях в «Лабиринте» случилось странное происшествие... – Умолкаю, жду реакции. Вилли явно задумывается.

– Происшествие? – Кивок в сторону окна. – Тут каждый день тысячи происшествий. Война! Выстрелы! Веселье!

Неужели Человек Без Лица ошибся? Я начинаю чувство-

вать себя идиотом.

– Ваши дайверы... начинаю я. – Вчера, например, они справились со своей работой?

Это единственное, что я знаю. Дайверы «Лабиринта» не оправдали надежд...

– А! – Вилли кивает. – А! *Неудачник!*

На всякий случай киваю.

– Это проблема? – Агирре становится серьезным.

– Насколько я знаю – да.

Пауза. Гильермо взвешивает что-то в мозгу.

– Господин Стрелок, что вам известно?

Врать бессмысленно. Передо мной не тот человек, с которым стоит блефовать.

– Очень немного. Мне сообщили, что в «Лабиринте» проблема. Что ваши дайверы не могут ее решить. Меня попросили оказать вам помощь.

Опять пауза. Я анонимен, и посвящать меня в неприятные стороны жизни компании рискованно. Но у Гильермо явно нюх на неприятности и на то, как их преодолевать.

– Вы подпишете разовый контракт? – Тон его становится быстрым и деловым.

– Да.

– Полное неразглашение ситуации, – добавляет он. – Со всеми возможными штрафными санкциями.

– Да...

– Прошу вас, Стрелок. – Он указывает на свой стол. Я

подхожу, полагая, что сейчас и состоится подписание документов о сотрудничестве. Но Вилли указывает на средний монитор: – Это тридцать третий уровень «Лабиринта», господин Стрелок. «Диснейленд».

Смотрю на экран, и уровень мне очень не нравится. Хотя бы потому, что во времена, когда я там был, он выглядел совсем по-другому.

– Очень, очень плохой уровень, – говорит Вилли. Уточняет: – Тяжелый. Это – начало. «Русские горки». Это, – он кладет пальцы на клавиатуру, и изображение смещается, – демон-хвататель. Плохой!

Как будто в воображении создателей «Лабиринта» рождались хорошие демоны...

– Это он... – Еще одно касание клавиш: – Неудачник.

Гильермо молчит, но не ради театральной паузы – ничего необычного на экране нет. Просто раздумывает.

– Значит, это и есть проблема, Стрелок? Да?

1010

Ни один нормальный обитатель Диптауна не может выйти из *глубины* самостоятельно. Он просто не увидит свой компьютер, не сумеет ввести команду на выход или связаться с операционной системой голосом. Только в виртуальных домах, где стоят нарисованные аналоги настоящих компьютеров, подсознание милостиво делает поблажку. Из *глубины*

выходят там, где вошли. В своем придуманном доме, который может быть дворцом или хижинкой, но с «настоящим» компьютером.

Поэтому и существуют таймеры. Они встроены во все программы – от майкрософтовского «Виндоус-Хоума» до российских «Вирт-Навигатора» и «Дип-командора». Предельное время нахождения в *глубине* – сорок восемь часов. Срок, за который человек не умрет от голода и обезвоживания. Здравомыслящие пользователи, правда, всегда устанавливают время поменьше. Пару часов, сутки... Маньяк, ставивший таймер на тридцать шесть часов, – уже исключение. Пробуждение человека, прогулявшего в *глубине* пару суток зрелище... дурнопахнущее.

Конечно, таймер можно взломать и отключить. Или взломать и добавить пару нулей к сорока восьми часам. Но подобные камикадзе находятся редко, а конец их будет плачевен.

Например таков, как у Неудачника.

«Лабиринт Смерти» невозможно пройти за один раз. Просто не хватит сил. В виртуальности сон отступает, но все равно есть границы выносливости. Поэтому в конце каждого уровня игроки получают доступ к игровому меню, где есть возможность записать свои координаты и выйти в обычную *глубину*. Выйти, чтобы когда-нибудь вернуться.

Но иногда находятся оптимисты, решающие пройти «Лабиринт» за один раз. Повторить первое, легендарное погру-

жение в виртуальность. Они взламывают защитный таймер, порой сами, порой пользуясь какой-либо хакерской программой. Отрезают себе гарантированную дорогу назад. И ныряют к самому дну.

Обратно их вытаскивают дайверы. Все крупные игровые центры имеют связь с кем-нибудь из нас. А те, что покрупнее, даже держат анонимных сотрудников на постоянном контракте. Дешевле платить нам, чем родственникам погибшего от истощения игрока.

Я смотрел на Неудачника. Тот был одет в обычный камуфляж-комбинезон, шлем-маску, из оружия у него был только пистолет. То ли так и вышел на тридцать третий уровень, то ли его уже убивали. После гибели в «Лабиринте» игрок автоматически восстанавливается в начале уровня с минимумом снаряжения.

– Чушь... – сказал я.

– Что? – заинтересовался Гильермо.

– Давно он там?

– Тридцать девять часов. Мы отслеживаем игроков с момента входа в систему.

Так. Значит, Человек Без Лица заинтересовался Неудачником почти сразу после того, как тот оказался в «Лабиринте»? Бдительно следил – и немедленно начал сбор дайверов.

– Его таймер мог быть поставлен на двое суток.

– Да. Ах, как неаппетитно! – Гильермо вздыхает. – Писать, какать в комбинезон... фу!

Почему Человек Без Лица забил тревогу?

Ведь ничего страшного пока не произошло. Просто еще один самоуверенный любитель игр.

— Он давно так сидит?

— Около суток. — Гильермо кивнул. — Да, странно. Он пробовал пройти уровень пять раз... потом смирился. Сел у входа.

— И что вы сделали?

— Послали Анатоля. — Гильермо разводит руками. — Он умеет это делать... выводить к концу уровня...

— И что же?

Информацию приходится тянуть клещами. Не потому, что Гильермо что-то от меня утаивает. Он просто не понимает, что именно меня интересует, привык общаться с подготовленными, понимающими с полуслова дайверами.

— Объясните все по порядку, Вилли.

Гильермо кивает.

— Игрок вошел на уровень двадцать девять часов назад. Пять раз пытался пройти, его убивали. Быстро.

— Демон?

— Нет, демона он... пах-пах! Другие игроки. Потом он уселся и стал сидеть. Мы послали Анатоля, тот повел Неудачника. Их убили. Анатолий пошел второй раз, но им опять не повезло. Клиента убили, Анатолий очень сердился. Всех пострелял, кто там был... Гильермо снисходительно смеется. — Сегодня дайверы должны были пробовать вместе.

Я запрошу отчет, да?

– Да, – говорю я, не отрывая взгляд от экрана. Молодой парень в комбинезоне и с пистолетом. Что испугало Человека Без Лица? Почему он считает, что происходящее не имеет аналогов? Почему предлагает за несложное задание Медаль Вседозволенности в награду? – Вилли, а еще что-нибудь странное происходило?

У меня появляется робкая надежда, что речь шла совсем о другом задании.

– Нет.

– Ничего?

– Ничего-ничего! – Гильермо разводит руками. – Мы беспокоимся о своих клиентах. В «Лабиринте» все под контролем.

Я смотрю на экран и жду.

– Так... – говорит Агирре с любопытством. – Так-так... Утром его пробовали вывести еще два раза. И днем... три раза. Не получилось.

– А вы об этом не знали? – не удерживаюсь от язвительности.

– Мы не сковываем инициативу служащих, с достоинством отвечает Гильермо. – Ситуация пока не критическая.

Он прав, конечно. Но у меня возникает легкая невнятная тревога. Кто он, влипший в неприятности игрок? Президент США, Папа Римский, Дмитрий Дибенко?

– Кто он? – спрашиваю я вслух. Гильермо пожимает пле-

чами.

– Это неизвестно...

– Вы не контролируете пользователей?

– Мы – центр развлечений, а не КГБ, – со вкусом отвечает он. – Информация может быть похищена. Как вы думаете, обрадуется солидного директора корпорации или арабского шейха статья в газете про его похождения в нарисованном мире?

– Ну и что...

– Для вас – ничего. Простой человек будет смеяться. А солидные люди очень-очень не любят, когда над ними смеются!

– Вы можете отключить его вручную?

– Как?

Действительно, как? Даже если отследить линию, по которой игрок вошел в «Лабиринт», и оборвать связь – ничего не изменится. Человек повиснет в пустоте или мир вокруг него замрет, как фотография, это уж как его подсознание решит. Все равно что накрыть утопающего непрозрачным колпаком – чтобы не тревожил остальных купающихся.

– И все-таки отследите его канал... – говорю я.

– Это очень сложно. – Гильермо картинно указывает на город за окном. – Там – две тысячи тридцать шесть... простите, уже две тысячи тридцать пять, игроков. Это – две тысячи тридцать пять... нет, теперь семь!.. телефонных линий. Все это поступает на двадцать восемь основных серверов,

потом делится на уровни, обрабатывается нашими и арендованными машинами на всех континентах. Мы используем четыре спутника для синхронизации обмена данными. Войти в «Лабиринт» может как абонент «Интернета», так и неорганизованный пользователь, позвонивший на один из семисот телефонных номеров компании...

– Понятно, – говорю я. Нет, конечно, отследить Неудачника все равно можно. Но стоять это развлечение будет так дорого, что уговаривать Гильермо бесполезно. – Вы можете вызвать ваших дайверов?

– Они сейчас не в сети.

Тоже понятно. Если они и впрямь пытались вытащить Неудачника целые сутки, то сейчас просто дрыхнут. Один на Украине, другой в Канаде. Может быть, ругаются сквозь сон.

– Хорошо, – решаю я. – Возможно зайти сразу на тридцать третий уровень?

Гильермо отводит глаза:

– Вы давно играли? У вас сохранились записи?

– Нет...

– Тогда вам придется идти с самого начала.

Вот такого я не ожидал:

– Что за ерунда? Все игры имеют служебные каналы для перемещения между этапами! Вы что – исключение?

– Да.

– Но почему?

– «Лабиринт» имеет крупный призовой фонд за установ-

ление нового рекорда уровня или скоростное прохождение всей игры.

– Я помню, ну и что... большой фонд?

– Главный приз – полмиллиона долларов. Эти деньги получит тот, кто сумеет пройти все уровни и уничтожить Принца Пришельцев за сорок семь часов пятьдесят девять минут. – В голосе Гильермо начинает звучать рекламная торжественность.

Ой-ей-ей...

Почему я не игрок?

– Это крупная сумма, – зачем-то заметил Гильермо, – да? Любые коды, дающие игроку неуязвимость или полный арсенал и снаряжение, будут вскрыты, когда речь идет о полумиллионе. Любые служебные каналы найдены и использованы. Нам пришлось бы выплачивать призовые суммы часто... точнее – не выплачивать никогда.

– А как же работают ваши дайверы?

– Они предварительно прошли «Лабиринт». У них имеются записи на всех уровнях, во всех опасных местах. Пара минут – и они там, где надо.

Хорошее начало.

– Сколько времени уходит на прохождение к тридцать третьему уровню?

– От двадцати пяти часов – и до бесконечности.

На что, собственно говоря, рассчитывал Человек Без Лица? Если за сутки дайверы «Лабиринта» не сумеют вытащить

Неудачника, то его вообще невозможно спасти...

Гильермо молчит, наблюдая за мной.

– По крайней мере я могу получить карты уровней? – спрашиваю я. – Полные карты?

– Нет. Полных карт не существует. «Лабиринт» меняется постоянно и самостоятельно. Ведь это не фильм, не книга, Стрелок. Это целый мир, мир чудес! А чудо не может быть неизменным.

Часть вторая

Лабиринт

00

Портал, через который «Лабиринт» сообщается с остальной *глубиной*, красив. Это исполинская, уходящая в небо арка из черного мрамора. По ней скользят сиреневые искры, а от камня идет неприятный низкий гул, перемежающийся тяжелыми, нечеловеческими вздохами. Проем арки заполнен клубящимся алым туманом.

И в этот туман медленно, как загипнотизированные, идут люди. Нескончаемый поток. Может быть, и не все из них – настоящие, часть просто создана *сисонами* «Лабиринта» для большей торжественности. Но все равно – эффектно.

Вливаюсь в общий поток.

– Эй...

Идущий рядом паренек трогает меня за плечо:

– Как тебя звать?

– Стрелок.

– Я – Алекс.

– Очень приятно... – отворачиваюсь. Но паренек не отстает.

– Ты на первый уровень?

– Да.

– Пошли вместе? Гораздо проще, честное слово!

Оглядываю его. Внешность явно штучной работы, манеры нагловатые, но уверенные.

– Первые пять-шесть этапов пройдем в паре, – продолжает парень. – Они простые, но легче будет втянуться. А дальше, если хочешь, разбежимся. Ну?

– Ладно.

Хлопаем по рукам, идем рядом. Кровавый туман обволакивает, уже ничего не видно. С неба доносится голос:

– Режим?

– Парный вход! – говорит Алекс. – Алекс и Стрелок!

– Парный вход, – повторяю я. – Стрелок и Алекс!

Туман слегка рассеивается. Мы стоим у дрезины, водруженной на ржавые рельсы. На дрезине валяются два комбинезона, шлем-маски, два пистолета. Все наши попутчики куда-то исчезли. Проверяем обоймы, переодеваемся.

– У вокзала будет засада, это непременно, – бормочет Алекс. – Расслабляться нельзя... Ты откуда, Стрелок?

– От мамы с папой.

Больше вопросов не возникает. Встаем на дрезину, начинаем качать рычаг. Старая колымага быстро разгоняется, едем сквозь рассеивающийся туман.

– Стрелок, ты что, Кинга любишь?

– С чего это?

– Ну прозвище... или просто стреляешь хорошо?

– Увидишь.

Мы выезжаем из тумана. Дорога идет по осыпающейся насыпи, впереди – обгоревшее, как рейхстаг после штурма, здание вокзала. Похожесть усиливает развевающийся на куполе красный флаг. То ли деталь антуража – многие западники до сих пор сводят счеты с коммунизмом, то ли, наоборот, кто-то из большевиков решил отметить годовщину революции. Скорее последнее, через три дня – седьмое ноября.

– Сейчас смотри внимательно, готовься, – говорит Алекс из-за спины. – Засада непременно будет. Понимаешь, лишняя обойма всем нужна...

– Понимаю, – говорю я, поворачиваясь. Стреляю два раза, и наведенный уже пистолет падает из руки моего недолгого союзника. Наклоняюсь к нему. Алекс глотает ртом воздух, бессмысленно глядя на меня. Программа дает ему еще секунд пять, чтобы осознать свое поражение.

– Кинга, впрочем, я тоже люблю, – сообщаю я, поднимая его пистолет.

Вот и все. Был у меня пистолет и восемь патронов, стало два пистолета и четырнадцать патронов.

Перекидываю тело через бортик дрезины, под насыпь, на груды таких же тел. Это я там должен был оказаться, по плану Алекса.

– Я в «Дизматч» играл, когда ты еще до клавиатуры не дотягивался, – беззлобно говорю я вслед. Тело истлеет быстро, часов за шесть. Так уж устроено. Иначе все пространство

«Лабиринта» было бы завалено костями.

Вокзал приближается. Смотрю на него, пытаюсь понять, какие изменения произошли с прошлого раза. Кажется, не было вон той башенки в правом крыле.

Дрезина проезжает мимо застывшего поезда, новенького и чистого, с сидящими у окошек людьми. Тела людей покрыты сероватым налетом. Это поезд беженцев, который пришельцы сожгли при попытке покинуть Сумеречный Город. Смотрю на чинно рассевшихся вдоль окошек беженцев. Да. Ламеры вы, дорогие создатели «Лабиринта». Не знаете, что такое настоящая эвакуация и настоящие беженцы.

Перепрыгиваю через бортик, скатываюсь под насыпь. До вокзала пусть доезжают самоуверенные новички. Я лучше ножками... потихоньку.

Так оно надежнее будет.

01

Первый этап простой по определению. Он должен быть таким, чтобы новички втянулись в игру, поверили в свои силы... чтобы пришли еще и еще раз. Я подхожу к вокзалу со стороны левого крыла, быстро проверяю ряд памятных тайников – в канализационном люке, в трансформаторной будке и в кабине перевернутого, валяющегося поперек путей локомотива. В канализации – пусто, в трансформаторной будке нахожу две обоймы, в локомотиве – завернутый в прозрач-

ную пленку сандвич. Ни людей, ни монстров пока нет, и это настораживает.

Приближаюсь к одному из боковых входов в здание. Секунду стою перед выбитой дверью, потом резко бросаюсь в нее.

Ага.

На меня кидаются два мутанта – мелких человекообразных демона. Они обросли какой-то зеленой мшистой гадостью, в узловатых гипертрофированных лапах – винтовки. На лице одного сохранились строгие, «профессорские» очки.

Расстреливаю мутантов в упор, они даже не успевают открыть огонь. Меняю обоймы, подхожу к телам. Их винтовки разбиты пулями. Жаль. С пистолетом далеко не уйдешь.

Иду по вокзалу. Вереница пустых, загаженных залов, лужи крови, стены, исписанные какими-то отчаянными призывами и проклятиями... Брестская крепость, а не вокзал. По легенде игры, здесь была последняя схватка полиции города и захватчиков-пришельцев. Я знаю, что где-то в подвалах можно найти умирающего сержанта, который поведает жуткие истории нашествия и подарит перед смертью свою винтовку. Но искать эту душещипательную, вечно умирающую программу лень. Я последовательно проверяю еще ряд тайников, нахожу кастет, который немедленно надеваю на левую руку, пару ручных гранат и, наконец-то, двуствольный штуцер.

Пару раз вижу вдалеке человеческие фигуры, но они охоты не начинают, и я тоже оставляю их в покое. Мало времени. Иду к выходу на привокзальную площадь. Там, на столике, за которым лежит окровавленный женский труп... всегда он здесь лежит... тихо работает компьютер. На экране – меню игры. Записываюсь, на предложение выйти из игры отвечаю отказом. Дальше. На второй этап.

С винтовкой в руках выбегаю с вокзала, крадусь к дороге, пригибаясь и прячась за деревьями. И не зря. В меня стреляют откуда-то с верхних этажей. Промахиваются.

Наверное, человек. Монстры тупые, зато меткие.

Привокзальная площадь полна слегка пыльными, но исправными автомобилями. Их хозяева сели в тот самый поезд... Прячусь за громоздким помятым «фордом», жду.

Я всегда здесь жду...

Минут через пять из вокзала выскакивает человек. Быстрыми перебежками приближается к машинам.

Встаю, навожу на него винтовку. Человек замирает. Он был не готов к этой засаде, уже на самом конце этапа...

– Садись! – киваю стволом на «форд». Игрок, похоже, меня не понимает. Лица из-под маски не видно, да и не скажет ничего о национальности игрока нарисованное лицо. Но похоже, он не русский.

– Садись в машину и веди!

Понял. Подключилась программа-переводчик. Медленно приближается, открывает дверь, садится за руль.

– Эй! – Голос едва слышен. Оборачиваюсь, не выпуская пленника из виду. В пробоине купола стоит немного знакомая фигура. Алекс. Ишь ты, догнал. Вошел повторно и догнал. Видимо, он и палил в спину... – Я тебя сделаю! Слышишь? Не будет тебе покоя! Сделаю!

Недвусмысленный жест вынуждает его открыть беглый огонь. Но патронов у него мало, а расстояние велико. Отбросив винтовку, он пытается прицелиться в меня из пистолета, и тут за его спиной возникает багровая тень. Надо же, огненные душителы уже на первом уровне попадают. Светящиеся лапы хватают Алекса за горло, и тот падает на колени, трепыхается, палит себе через плечо. Дождаться конца схватки лениво.

Сажусь в машину. Мой пленник, послушно дождавшийся конца разговора, трогает. Он ведет машину медленно, оглядываясь, явно ожидая выстрела в затылок.

Трасса оживленная. Два раза нас пытаются догнать и таранить огромные трейлеры. Опускаю стекло и расстреливаю их из винтовки, целясь в шины и лобовое стекло. Это пока мелочи, монстры, порождения «Лабиринта». Не их надо бояться.

Мужчина вначале вздрагивает при выстрелах, потом привыкает.

На авторазвязке нас ждут настоящие враги. Три машины перегораживают дорогу, за ними прячутся вооруженные люди. Один стоит открыто, в небрежной, уверенной позе. В ру-

ках у него гранатомет.

Блин. Слышал я, что где-то на вокзале есть тяжелое вооружение, да так и не удосужился проверить...

– Что делать? – спрашивает мой пленник.

Надо быть идиотом, чтобы попытаться справиться с такой бандой. Проще сдаться и пожертвовать частью снаряжений, в надежде, что потом тебя отпустят.

– Медленно снижай скорость. После третьего моего выстрела – останавливайся.

Он молча кивает.

Бандит с гранатометом насмешливо смотрит на нас. Ожидает.

Глубина-глубина, я не твой... отпусти меня, глубина...

Я посмотрел на изображение, привыкая к картинке. Бандит... машины... затылок моего шофера. Крестик прицела посередине экрана.

Нечестный я человек.

Я протянул руку, коснулся мышки, провел ею по коврику. Крестик заскользил по экрану.

Поехали.

Я открыл огонь, стреляя левой клавишей мышки, а правой перезаряжая винтовку. Бандит с гранатометом так ничего и не понял. Яркие желтые гильзы мелькали через весь экран, наушники грохотали. Уложив тех троих, что высунулись, я перенес огонь на машины. В виртуальности попасть в бензобак не легче, чем в реальной жизни. А вот когда рас-

стреливаешь нарисованные силуэты – это занятие для ребенка.

deep

Ввод.

Дьявол, ведь предупреждал же – остановиться!

– Тормози! – кричу водителю.

Тот останавливается перед полыхающими машинами. Поворачивается. В глазах, даже сквозь темные стекла маски, ужас и восхищение.

– Как вы смогли?

– Выходи.

Он явно ожидает еще одного выстрела, но я недвусмысленно показываю ему на тела – застреленных мной и убитых при взрыве машин. Собирай оружие... Стрелять в меня он теперь не решится. Та скорость, и меткость стрельбы, которую я продемонстрировал, практически недостижима для простого игрока. Только для дайвера... и старого думера, привыкшего пользоваться мышкой.

Думеры всегда делились на клавишников и мышатников. Вечный спор, кто из них круче, так и не был решен – пришла виртуальность.

Теперь я ставлю точку над «i».

Один из бандитов еще жив. Он матерится – так красочно и затейливо, что его национальная принадлежность сомнений не вызывает. Лицо игрока залито кровью, одна рука полуоторвана, другой он безуспешно тянется к аптечке. У игрока

осталось процентов пять жизни, но аптечка бы его спасла...

Подхожу. Он замечает меня, дергается, и кричит:

– Кто? Кто ты, сволочь?

И еще одна многоэтажная фраза.

– Стрелок, – отвечаю я, приставляя дуло винтовки ко лбу матерщинника. Не люблю, когда так ругаются. В конце концов, в моем теле могла быть и девушка или ребенок.

Трофеи приходится собирать минут пять. Теперь обмундирован по высшему разряду. Пистолеты, винтовка с оптическим прицелом, штуцер, гранатомет, аптечки, гранаты, бронежилет. Мой пленник тоже неплохо экипировался – вот только гранатомета для него не нашлось.

В реальности такую грудку железа не утащить. Но здесь все мы немножко Рэмбо.

– Поехали, – бросаю я пленнику, садясь в машину. Он понимает без перевода. Мы едем по трассе, я не удерживаюсь и расстреливаю еще один трейлер из гранатомета. Разумеется, выйдя вначале из машины... У создателей «Лабиринта» было хорошее чувство юмора, и наблюдать собственные кишки на потолке автомобиля у меня желания нет.

Второй уровень кончается на окраине Сумеречного Города. Мы вместе выходим из машины и записываем пройденный результат на компьютер, прилежно работающий на развалинах маленького коттеджа. Лишь после этого мой попутчик успокаивается. Я машу ему рукой и направляюсь к канализационному люку. Самый верный путь через третий этап

пролегает среди нечистот. Мало кто им пользуется – слишком уж отвратительная дорога, несмотря на душевую в конце уровня. Но мне плевать. Я пройду через канализацию, глядя на экран и шевеля мышкой.

– Эй! – кричит вслед попутчик. – Зачем я был тебе нужен? Ты самый крутой из всех, кого я видел!

Наверное, он ожидает слов «вдвоем легче», а то и предложения пойти дальше вместе. Но мне не понравилось, что он едва не врезался в горящие машины. И я говорю правду: – Я не умею водить. А пешком идти долго.

Он так и остается стоять у компьютера, обалдевший и переполненный впечатлениями. И очень неплохо снаряженный для конца второго этапа, между прочим...

10

Я прохожу четырнадцать этапов. За семь часов.

Сегодня рождалась легенда.

За моей спиной оставались трупы и развалины. Я немного задерживаюсь на шестом этапе – он совсем-совсем новый и непривычный. Потом застреваю на двенадцатом, похожие я встречал, но арена – это всегда арена, и перебить сотню с гаком монстров – не три кнопки надавить.

К счастью, другие игроки уже практически не вмешиваются. Слухи ползут по «Лабиринту», пересекая уровни с легкостью, недоступной даже дайверам. Слухам не страшна *глу-*

бина, их никогда и ничто не могло задержать.

Слухи – враг дайвера. Но сейчас они несут страх, и это работает на меня.

В конце четырнадцатого этапа я понимаю, что больше не выдержу. Выныриваю на мгновение из *глубины*, и убеждаюсь, что скоро семь утра.

Это компьютерам вредно отключаться. С людьми все наоборот.

Четырнадцатый этап – городской спортивный центр. Компьютер с игровым меню стоял на судейском столике возле огромного бассейна, где в чистой воде лениво колыхались трупы похожих на крокодилов монстров-амфибий. Их довольно трудно убить, и мне пришлось воспользоваться плазмоганом, чтобы вскипятить в бассейне воду. Когда она остывает, я ныряю в вонючий бульон и минут десять дожидаясь погони – двух истеричных игроков, парня и девушки, которые гонятся за мной уже три уровня. Они поторопились, уверенные, что я немедленно покину спортивный центр, и ворвались в зал неосторожно, хоть и красиво. Парень – с плазмоганом у пояса, девушка со штуцером наперевес. Я пускаю в них ракету, прямо из-под воды, и оба исчезают в огненном вихре.

Я выбираюсь из бассейна, опершись на скользкое тело вареного монстра, и заглядываю в воронку. Там ничего не осталось, у парня сдетонировали энергоячейки плазмогана.

– Я – Стрелок, – все же говорю я. Это уже стало ритуалом,

а мне нравятся хорошие традиции.

Записываюсь – «Стрелок, 14» и щелкаю по клавише выхода. Сделаем все честно и правильно. Отдохнуть... и вернуться.

Обязательно вернуться.

В полу рядом с судейским столиком открывается люк – выход из игры. Прыгаю туда и оказываюсь в раздевалке.

Выход из «Лабиринта» такой же торжественный и пышный, как и вход. Но это другая торжественность, праздничная, веселая. Комната со стенами из розового мрамора, яркий солнечный свет в потолочном окне, мягкий диван, столик с фруктами и едой, огромный резной шкаф красного дерева. Я снимаю бронежилет, шлем, маскировочный комбинезон, запихиваю вместе с горой оружия в свой «индивидуальный шкафчик». Только я смогу воспользоваться нажитым добром, вновь входя в «Лабиринт». Принимаю душ, переодеваюсь. Все, надо уходить. Прерывать программу не хочется, хватит с меня головных болей; в конце концов, добраться до гостиницы и выйти нормальным путем – дело пяти минут.

Раздевалки выходят в просторный колонный зал, откуда уже видны улицы Диптауна. Это граница Сумеречного Города и обычной виртуальности, зыбкая, как звуковой барьер в океане.

Обычно колонный зал безлюден. Неторопливо выходят из своих раздевалок игроки, поодиночке и группами, от-

правляются в ближайший ресторанчик «BFG-9000» или бар «Kakodemon» sprыснуть победу или поражение...

Сегодня тут собрались человек сто. И это моя заслуга. Здесь, похоже, все, кто погиб от моей руки. Каждого выходящего из раздевалки придирчиво осматривают, словно могли запомнить мое лицо под шлем-маской. На меня тоже смотрят, но, видимо, я не подхожу под запомнившийся им в последние мгновения игры образ беспощадного Стрелка.

Подхожу к ближайшей группе, разговор там затихает, мускулистый мужчина с квадратным подбородком резко спрашивает:

– Стрелок?

К счастью, я догадываюсь, что он имел в виду, и киваю...

– Да... – На моем лице обида и злость. – Из гранатомета... сволочь! И говорит: «Я – Стрелок!»

Что-то я перебарщиваю... После попадания из гранатомета услышать что-нибудь затруднительно. Но фигура Стрелка уже окружена мистическим ореолом, и мои слова о гранатомете списывают на обычные оправдания неудачника.

– Сотым будешь, – говорит квадратно-подбородковый. – Я – Толик.

– Я – Леня.

– Сто человек уложил, зараза! – с восхищением и ненавистью сообщает Толик. – Откуда он взялся... Знакомься – Жан, Дамир, Катька... Он нас всех на девятом уровне сделал.

Не помню, честно говоря. Там шумно было... предпослед-

няя попытка игроков организоваться и толпой уложить наглого Стрелка.

– А меня на пятнадцатом! – говорю я. – Я так шел, а он...

– Слышали? – кричит Толик. – Стрелок на пятнадцатый пошел!

Толпа отвечает возбужденным гулом.

Я безнадежно машу рукой и направляюсь к выходу.

– Эй! – кричит Толик. – А дожидаться его не будешь?

– У меня карман не резиновый! – отвечаю я. – Сами морду ему намылите...

– Это да, – кивает Толик. – Если сможем узнать.

Он все-таки подозревает меня, но подтвердить подозрения не в силах. Я киваю, делаю еще шаг. И вижу Алекса.

Моя первая жертва стоит чуть в стороне, молча, с интересом вслушиваясь в диалог.

И вмешиваться, похоже, не собирается. Вендетта. Один на один.

Меня это устраивает. Иду мимо... еще пара секунд, и я выйду из зала на улицу Диптауна.

– Стрелок! – окликают меня сзади, и сотня человек выдыхает разом.

Оборачиваюсь. Голос был слишком настойчив, валять дурака дальше бесполезно.

Это не Алекс. Это Гильермо.

– Стрелок! – Он подходит ближе. – Извините, что задерживаю... Вы установили восемь рекордов уровней, да?

Наверное. Смотрю не на Гильермо – на сотню своих недавних жертв. Их взгляды не сулят ничего хорошего.

– Руководство решило сообщить вам, что вы не вправе претендовать на объявленные призы... да? Поскольку работаете по контракту с нами.

Слава богу, он хоть теперь говорит тихо, и нас не слышат.

– И не собирался, – пьянея от злости, сообщаю я.

Гильермо, похоже, понимает, что вступил в беседу не вовремя. Но ему приказали.

– Однако мы хотим выплатить вам небольшую премию... двести долларов... в благодарность за интенсивную работу. Вы сделали очень хорошую рекламу «Лабиринту»... мы едва справляемся с потоком новых игроков.

Он делает паузу, оглядывает зал и говорит извиняющимся тоном:

– Вы можете зайти за деньгами сейчас, вместе со мной. В нашем офисе много выходов.

Спасибо. Вот чего не люблю, это когда меня толкают в болото, а потом сердечно протягивают руку помощи.

– Я зайду при случае.

Гильермо вздыхает, разводит руками – мол, я человек подневольный, велели передать... Уходит в глубину зала, к каким-то служебным коридорам.

На меня смотрят девяносто девять пар глаз.

– Я – Стрелок, – говорю я.

Девяносто девять пар ног отрываются от пола. Нет, девя-

носто восемь.

Алекс стоит на месте, лишь выхватывает из-за пазухи сверкающий длинный пистолет и кричит:

– Беги, козел!

Имя мне не нравится, но совет дельный. Каждый из обиженных, кроме разве что Алекса, втайне понимает, что его убили абсолютно честно. Но вслух говорится совсем иное. И потому все готовы мстить за невинно пострадавших товарищей, забыв, что еще недавно они были соперниками.

Бегу.

За спиной несколько раз щелкают выстрелы – Алекс отчаянно пытается задержать преследователей, потом кричит вслед:

– Я тебя сам сле...

Крик обрывается. Не только у него есть вирусное оружие, пригодное для улиц Диптауна. А может быть, вмешалась служба безопасности «Лабиринта».

Бегу.

Чего мне не хватало, так это растворяться в воздухе. Если обиженные игроки поймут, что я еще и дайвер – охота перерастет в травлю.

А спать так хочется...

Переулок, другой, третий. Снижаю детализацию, чтобы ускорить бег. И едва не проскакиваю мимо здания с надписью «Всякие забавы» на четырех основных языках Диптауна.

К счастью, надписи очень крупные, и я вовремя понимаю

их смысл. Равно как вспоминаю рассказ Маньяка о системах безопасности виртуальных борделей.

Выбор несложен, и ярываюсь в вертящиеся стеклянные двери.

11

Здесь в моде стиль «ретро». Массивная мягкая мебель, широкие столы с пузатыми графинами, блюда с фруктами. Бородатый молчаливый мужчина в углу смотрится деталью мебелировки. Бог его знает, может, и впрямь сторожевая программа...

А по деревянной лестнице со второго этажа спускается темноволосая женщина в длинном платье. Ей за тридцать, и лицо настолько детализировано, что я едва удерживаюсь от искуса вынырнуть из *глубины* и посмотреть на нее нормальным образом. Чтобы понять, как удалось добиться такого неординарного человеческого облика.

Женщина подходит ближе. И я наконец понимаю смысл выражения «зрелая красота».

Действительно, очень зрелая. Ничего в ней нет от той молодости, что царит на улицах Диптауна. И уж тем более мысли не возникает о невинности или чистоте. И слава богу, что не возникает. Ей это не нужно.

Женщина молчит, улыбаясь. Я чувствую, что пауза затягивается, и бормочу:

– Здравствуйте...

Она кивает:

– Добрый вечер.

– Мне кажется, что уже ночь, – говорю я.

– У нас всегда вечер.

Что ж, будем знать.

– Зовите меня Мадам, – продолжает женщина.

– Я...

– Не надо имени. Это вовсе не обязательно.

– Я – Стрелок.

Она кивает.

– Хорошо. Вы зашли к нам по делу... – Улыбка. – Или просто скрываетесь от надоедливых друзей?

Непроизвольно гляжу на стеклянную дверь. За ней – тишина и пустота.

– Не беспокойтесь. Входящие к нам не видят друг друга. Никогда.

– Во втором случае, очевидно, мне придется уйти? – интересуюсь я.

– Нет. Мы всегда рады гостям. Вы можете просто посидеть, выпить кофе или вина.

– Кофе, – решаю я.

Молчаливый охранник ныряет в дверь. Я прохожу к диванчикам, сажусь. Мадам с улыбкой устраивается напротив.

– Неужели вас не разоряют такие вот случайные гости? – спрашиваю я.

– Нет ничего полезнее случайностей. К тому же у нас есть правило – гость должен хотя бы пролистать альбомы.

Недоуменно смотрю на нее.

– Фотографии девочек.

– Ах да, фотографии... – До меня доходит. – Конечно. С удовольствием.

Охранник приносит кофе в маленькой турке, Мадам аккуратно разливает его по чашечкам.

Кладу чуть-чуть сахара, делаю глоток. Кофе крепкий и ароматный, обжигаяще горячий. Даже сон проходит, словно и впрямь кофеину принял.

– Вам показать все альбомы? – спрашивает Мадам.

Кажется, что в слово *все* она вкладывает двойной смысл.

Но голова еще соображает плохо, и я киваю. Мадам плавно пересекает зал, достает из шкафа несколько толстых альбомов в обтянутых разноцветным бархатом переплетах, опускает на стол передо мной.

– Я вернусь к себе, если вы не против, Стрелок. Если вдруг... – улыбка, – вас что-то заинтересует – позовите меня.

– Хорошо, – соглашаюсь я.

Уже с лестницы Мадам, словно спохватывается, и добавляет:

– Да... если вам понравится фотография и захочется разглядеть ее детальнее – потрите изображение пальцем.

Киваю. Пью кофе, поглядывая на альбомы.

Интересно, есть ли здесь резервные выходы? Наверняка.

Впрочем, можно еще сделать вид, что у меня сработал таймер, и раствориться в воздухе.

В любом случае я спасся. Утер нос сотне разъяренных думеров, завоевал сомнительную славу и на четырнадцать этапов приблизился к Неудачнику. Быть может, его все равно вытащат раньше, но я старался как мог.

Кофе допит. Заглядываю в джезву... гляди-ка, опять полна! Волшебный кувшинчик из «Тысячи и одной ночи». Наливаю вторую чашку, придвигаю к себе альбом в черном бархате. Тут, видимо, негритянки?

Оказывается, что нет.

На первой странице – фотография женщины, прикованной к стулу. За ее спиной глухая кирпичная стена, голова запрокинута и лица не видно, но полуобнаженное тело обещает многое. Цепи блестящие, с нарочито крупными звеньями. Под ногами женщины, на полу, лежит кожаная плетка.

Так.

Закрываю альбом, отодвигаю к углу стола. Пусть дожидается садистов-мазохистов.

И впрямь «Всякие забавы».

Смотрю на радугу переплетов. Попробуем угадать. Например, голубая обложка.

Гляди-ка, угадал! С первой фотографии жизнерадостно улыбается голливудский киноактер, уже третий год слывающий секс-символом. Одет он в кожаную куртку, сапоги и кружевное белье. Э, дружок, повезло же тебе.

Разумеется, подписи под фотографией нет. Даже если несчастный красавчик, никогда не страдавший гомосексуальностью, предъявит борделю иск, доказать что-либо будет сложно. Фотография на самом деле слегка искажена, и никто не сочтет ее уликой. Кроме тех, конечно, кто бывал в *глубине* и знает, как домысливает образы взбудораженный дип-программой мозг. Но те, кто знает виртуальность не понаслышке, знает и ее закон. Самый главный.

Свобода.

Во всем и для всех.

Может быть, это и правильно...

Укладываю актера поверх дамы в цепях. Пусть развлекаются, страдалыцы.

Розовый альбом... неужели лесбиянки? Странно...

А, просто парочки. Две девицы с вызывающими взглядами, одна стоит на коленях, вторая опирается ей на плечи, цепко смотря на меня. Нет-нет-нет. Не сегодня. Не после четырнадцати уровней «Лабиринта». Полежите-ка в сторонке, вам и вдвоем скучно не будет, печенкой чувствую.

Коричневый альбом. Фантазия пасует, приходится открывать...

Старуха в обвисшем платье.

Боже ты мой, и впрямь – на все вкусы! Подстрекаемый любопытством, тру фотографию пальцем. Старуха на фотографии оживает. Кокетливо улыбается, начинает пританцовывать, мелко семеня ногами, и расстегивать свой балахон.

Бабка, да ты с ума съехала...

Укладываю коричневый альбом поверх розового и начинаю хохотать. Охранник в углу косится на меня, но молчит. Я не выдерживаю и спрашиваю:

– Бывают... клиенты?

Тыкаю пальцем в коричневый бархат. Охранник сдержанно кивает.

Фиолетовый. Кручу его в руках, тщетно пытаюсь хоть что-то придумать. Опасливо заглядываю на первую страницу... вдруг – деды?

Козочка.

Я имею в виду – коза. Молодая. Беленькая, с короткими острыми рожками.

Уже не смеюсь, сил нет. А козу ведь в виртуальность не погрузишь. Значит, либо человек-оператор, либо программа... имитирующая сексуальные стереотипы молодой развращенной козы.

Бабка, подои козу.

Остаются три альбома – белый, зеленый, желтый. Открываю белый, почему-то терзаемый мыслями об эльфах, ангелах и прочих эфирных созданиях. Не угадал. Просто женщины. Как и положено, на первой странице знаменитая топ-модель в вечернем платье от Кардена.

Ладно, платье мы еще рассмотрим. Взвешиваю на руке зеленый альбом. Что еще осталось из подвластного могучим эротическим фантазиям? Дети, конечно. Открываю альбом.

Ага. Малолетний миллионер, киноактер и любимец стареющих домохозяек. Помоги бабке козу держать, мальчик...

Желтый альбом. Тоже угадал. Лицо девочки смутно знакомо, кажется тоже актриса. Антураж поражает – уходящий до горизонта пляж под лучами восходящего солнца. Чем загорать, детка, отнесла бы ведро свежего козьего молока в избу.

Расправившись с самыми «всякими» из предлагаемых забав, наливаю себе бокал вина. Киваю на стопку альбомов с нетрадиционными партнерами, охранник молча берет их и уносит.

Надо было тот, с животными, получше разглядеть. Интересно, есть ли там молодые крокодилы и зрелые, как Мадам, лебедушки? Впрочем, если и нет, то организуют по просьбе клиента. Хоть зеленого осьминога, хоть суку питбуля.

Начинаю проглядывать белую книгу, временами заставляя девиц совершить стриптиз. Выбор потрясающий. Кинозвезды и манекенщицы кончаются довольно быстро, дальше идут незнакомые лица. Незнакомые, но симпатичные. Не удерживаюсь, заглядываю в самый конец альбома.

Белый лист и надпись: «Нарисуй свое счастье».

Да, отсюда никто не уйдет обиженным.

Пролистываю альбом быстрее. В конце концов, поглядеть на обнаженных красоток, что в движении, что нет, можно и менее дорогостоящими методами, чем сидя в *глубине*.

Негритянка в набедренной повязке, эскимоска в мехах, корейка на циновке, полинезийка с кольцом в носу. Виртуальности чужд расизм.

Листаю еще быстрее. Страница, другая, третья...

Вика.

Я замираю, глядя на девушку, которая улыбается мне каждое утро.

100

Мадам появляется неслышно, как привидение.

Садится рядом, спрашивает:

– Вам налить еще вина, Стрелок?

Киваю. Я, наверное, долго так просидел, разглядывая Вика. На фотографии вечерний полумрак, она сидит на перилах деревянной веранды, за ее спиной – темная кайма леса, тускло-желтый пузатый фонарь в высокой траве, черное зеркало бассейна.

– У нас бывают самые разные клиенты, – задумчиво говорит Мадам. – Некоторым нравятся кинозвезды, а некоторым – козочки... – Легкая усмешка.

– Кто эта девушка? – спрашиваю я. Мадам недоуменно смотрит на меня.

– У нее есть реальный прототип?

Хозяйка борделя прижимается к моему плечу, долго смотрит на фотографию.

– Стрелок, на такие вопросы я не имею право отвечать. Да и не знаю. Здесь тысячи лиц, Стрелок. Многие могут показаться вам знакомыми, – легкая улыбка, – но это случайность. Она вам кого-то напоминает?

– Да.

– Кого-то реального?

– Не совсем... – Я обрываю свою одностороннюю откровенность. – Мадам, я могу... встретиться с этой девушкой?

– Разумеется. – Наши взгляды встречаются, наши лица рядом, в ее глазах ирония и насмешка. – Десять долларов час. Сорок долларов ночь. У нас умеренные цены. Доступные любому хакеру.

– Вы жестоки, – говорю я.

– Да. Когда мне кажется, что симпатичный молодой человек начинает сходить с ума, я бываю жестока.

Достаю кредитную карточку.

– Сорок долларов?

– Да.

Она принимает деньги. Медлит, потом говорит:

– Стрелок, послушайте одну историю... Жила маленькая глупенькая девочка, училась в институте, прыгала на дискотеках, флиртовала с парнями. И любила певца. Того часто показывали по телевидению, у него брали интервью, его фотографии печатали на обложках журналов. Он был хороший певец, и он пел о любви. Девочка очень верила в любовь.

– Я знаю, как кончаются такие истории, – говорю я. Не

только Мадам умеет быть жестокой.

— Певец приехал на гастроли в ее родной город, — продолжает Мадам. — Девочка была на всех концертах. Выскакивала на сцену с букетами цветов, и певец целовал ее в щеку. Конечно, она добилась своего. На второй день она вошла в его гостиничный номер и вышла только утром. И больше не приходила на концерты. Нет, певец и вправду оказался хорошим человеком и красивым мужчиной. Он был нежен и ласков, остроумен и весел. Девочка ни о чем не жалела. Но она перестала верить в любовь. Знаете, почему?

— Она смешала иллюзию и реальность, — отвечаю я.

— Вы понимаете. Да, конечно. Лучше бы он оказался тупым и грязным хамом. Гораздо лучше. Девочка нашла бы другой идеал или попросту продолжила любить образ певца. А так... это было похоже на зеркало. Любовь к отражению. Правдивому и безупречно чистому. Но она и впрямь встретилась со своей мечтой. Нашла идеал. А его надо любить на расстоянии.

Я киваю.

Конечно, Мадам... Разумеется, мудрая хозяйка борделя. Бесспорно, познавшая жизнь повелительница любви и секса.

Я знаю.

— Мадам, напомните, я уже заплатил вам?

Женщина вздыхает:

— Идемте, Стрелок...

Мы поднимаемся по лестнице. Коридор, двери. Мадам

подводит меня к двери с номером «б», касается плеча:

– Всего вам хорошего, Стрелок... Да, кстати, та история, что я рассказала, – она случилась не со мной. Но я знаю много таких историй.

101

За дверью – не комната, а сад. Ночной сад, тихо стрекочут кузнечики, воздух прохладен и свеж, под ногами крепкая густая трава.

А чего я, собственно говоря, ожидал?

Гостиничного номера с расшатанной кроватью и мокрых от частых стирок простыней? Виртуальность тем и хороша, что внутреннее пространство своего дома можно делать сколь угодно большим.

Иду на свет фонаря в траве.

Движения медленные и вялые, сон почти отступил, смирившись, но нахлынула свинцовая усталость.

Домик маленький, это то ли хорошая дача, то ли скромный коттедж. Никого нет. фонарь светит одиноко и тоскливо. На мгновение мне кажется, что сердобольная Мадам решила оставить меня в одиночестве. Нет, вряд ли. Сочувствие сочувствием, а бизнес на первом месте.

Сажусь перед фонарем – это старинная керосиновая лампа в закрытом сеткой корпусе. С такими спускаются в подземелья. В *глубину*.

Вокруг лампы выются мошки, колотятся о стекло, бес- сильно пытаясь ворваться в свет. Люди куда глупее мошек. Они всегда находят огонь, чтобы обжечь свои крылья. На то они и люди.

Шагов я не слышу, просто на плечи мне ложатся руки. Неуверенно, робко. Словно привыкая.

– Здесь всегда так тихо? – спрашиваю я.

– Нет.

Я вздрагиваю. Даже голос ее мне знаком.

– Все зависит от гостей.

– Мне нравится тишина, – говорю я, по-прежнему не обо- рачиваясь.

– Мне тоже, – соглашается она. Может быть, из желания понравиться. Может быть, искренне.

И я решаюсь обернуться.

Она такая же, как на фотографии. В короткой юбке – не сексапильно-короткой, а просто в удобной летней одежде. В блузке дымчатого шелка. На ногах серые босоножки, темные волосы стянуты на лбу ленточкой.

Девушка смотрит на меня серьезно, изучающе. Словно я не клиент, которого ей придется обслуживать, а действитель- но гость, которого можно принять, а можно и выгнать в ночь.

– Меня сегодня весь день называли Стрелком, говорю я. – Но ты лучше зови меня Леонидом.

Она кивает, соглашаясь.

– И... если можно, – добавляю я, – если можно, я буду

звать тебя Викой.

Девушка очень долго молчит, и я решаю, что невольно обидел ее. Но она лишь спрашивает.

– Почему? Я кого-то тебе напоминаю?

– Да, – признаюсь я. – Все равно я забудусь и назову тебя так. Давай лучше избежим этого.

– Давай, – соглашается она, садясь рядом, протягивает руки, греет их над фонарем, как над костром. – Я легко при-
выкаю к именам.

– Я тоже.

Мы сидим и молчим. Я чувствую, как потихоньку проваливаюсь – все глубже и глубже...

– Вика.

– Что, Леонид?

– Я буду большим дураком, если усну сейчас?

– Не знаю, – говорит она. – Тяжелый был день?

– Тяжелые еще будут.

– В доме есть кровать... как ты понимаешь.

Я киваю. Не хочется вставать и уходить из живой тишины в мертвую.

– А если хочешь, я принесу тебе одеяло, – продолжает Вика.

– Спасибо. Это будет просто здорово.

Она встает, и я собираю остатки сил. *Глубина-глубина, я не твой... отпусти меня, глубина...*

Вначале я сходил в туалет. Слава богу, провода от костю-

ма и шлема достаточно длинные. Потом добрал до тахты, упал на постель, отшвыривая подушку. В виртуальном шлеме и так голова задрана. К утру занемет шея, но я не хочу сейчас уходить.

– Вика, включай дип... – прошептал я «Виндоус-Хоум». Цветная метель, и я вновь в *глубине*.

– Что ты сказал? – Вика стоит рядом. Та Вика, которая живая... почти.

– Нет, ничего.

Я беру одеяло, расстилаю на траве, ложусь. Девушка садится рядом.

Смотрю на звезды. Они так близко, они так заманчиво яркие. Мне не хватает лишь прозрачных тонких крыльев – чтобы взлететь и разбиться о невидимое стекло...

– Вика, тебе не одиноко здесь, в глуши?

– А почему ты решил, что это глушь?

– Звезды слишком яркие.

– Нет. Здесь хорошо...

Она ложится рядом, и я сдвигаюсь на одеяле, чтобы нам хватило места.

– Ты любишь небо? – спрашивает Вика.

– Да. Я люблю смотреть на звезды. Только совершенно не знаю, как они называются.

– А зачем им наши имена... – Вика касается моей руки. – Смотри, упала звезда. Прямо над нами.

– Мы можем пойти и поискать ее, – серьезно говорю я.

Вика отвечает не сразу, и я с ужасом понимаю, что сейчас придется вставать.

– Нет, – решает она. – Ты на ногах не держишься, Стрелок. Мы ее поищем утром. Звезда как раз остынет, и можно будет взять ее в руки.

– Утром слишком светло, – замечаю я. – Лучше завтра вечером.

– Ты странный, – тихо говорит девушка. – Хорошо. Поищем завтра.

– Ты находила когда-нибудь упавшую звезду?

Вика молчит, но я чувствую, что она качает головой.

– Виртуальность отняла у нас небо, – шепчу я.

– Ты тоже это понял?

– Конечно. Мир уходит в *глубину*. В отражение реальности. Зачем летать к Луне или Марсу, если *здесь* уже доступны любые планеты? Пропал азарт. Пропал интерес.

– Зато развиваются электронные технологии.

– Разве? «Восьмерка» – это просто очень крутой «686»... – Я намеренно называю «пентиум-про» неприкрытым именем. – Ничего нового не родилось за последние пять лет. Топчемся на месте.

Вика тихо смеется:

– Господи... спор о развитии технологий... Леонид, ты ведь в борделе.

– Знаю. Тебе неинтересно?

– Интересно. Я... я просто отвыкла от таких разговоров.

Она молчит, потом легонько касается моей щеки губами.
– Спи. У тебя язык заплетается, Леня.
Не спорю. Мне не хочется с ней спорить.
Тем более что она права.
Я закрываю глаза и засыпаю – мгновенно.

110

Я вижу сон. Я часто вижу сны – за день сознание выматывается так, что разгрузка просто необходима. А сны для того и приходят, чтобы спасти нас от обилия впечатлений, досказать несказанное.

Обычно я не запоминаю снов. Лишь сумбурные остатки вертятся в голове, так и не осознанные до конца. Но сейчас сон ярок и впечатывается в сознание. Может быть, потому, что я сплю в виртуальности.

Я стою на сцене, за тяжелыми полотнищами занавесей. На сцене – человек с гитарой, он неподвижен, словно скован невидимыми цепями. Он поет, но до меня не доносится слов. Между нами – *глубина*, ожившая, ставшая прозрачной стеной. И я напрягаюсь, пытаюсь шагнуть к нему, разбить стену и услышать слова. Но *глубина* тяжела и упруга, словно резиновая плита. Меня отшвыривает обратно, я падаю на колени, замираю, не в силах пошевелиться.

Певец поворачивает голову, смотрит на меня. Кажется, он начинает петь громче. Но я все равно не слышу. Я скован

глубиной, спеленут. Я беспомощен.

Певец кивает и отворачивается. Я вдруг понимаю, что это и есть Неудачник из «Лабиринта». Тот, кого я должен спасти... спасти, а не валяться на коленях, под незримой резиновой тяжестью.

Но сил все равно нет.

С противоположного конца сцены, из-за занавеса, появляется еще один человек. Он в маскировочном комбинезоне, с винчестером в руках. Усмехается, глядя на меня, поднимает оружие. Это Алекс.

«Нет!» – кричу я, но звук вязнет в *глубине*.

Алекс стреляет. Пуля пробивает гриф гитары, взвизгивают струны, сворачиваясь упругими кольцами, барьер тишины лопается. Я вскакиваю, тяжесть исчезла, и певец недоуменно смотрит на убитую гитару, Алекс передергивает затвор, а я уже бегу, прыгаю, сбиваю певца с ног, заслоняю собой.

– Я говорил, что сделаю тебя, – произносит Алекс.

Он стреляет, пуля входит мне в грудь, разрывает сердце, проходит насквозь и пронзает певца. Его тело вздрагивает и становится мертвым.

Это значит – все. Значит – я не успел.

Я поднимаюсь, иду на Алекса. Сердце уже не бьется в груди, но что мне до того. Я дайвер. Единственный враг *глубины*, страж между мирами, тот, кто должен был успеть Я привык жить без сердца. Меня так просто не убьешь.

Зал за спиной ревет, аплодирует, свистит, топает ногами.
– Я сделал тебя, – говорит Алекс, опуская винчестер.

Из-за его спины выходит Вика. Протягивает вперед руку – в ладони жирный серый пепел.

– Я нашла ту звезду, – шепчет она. Разжимает ладонь.

Пепел, кружась, стекает на пол.

И тогда я умираю.

Проснувшись, я жадно глотаю воздух. Уже рассвело. Воздух пьяняще свеж. Вика спит, прижавшись к моему плечу, зябко съежившись.

Хороший сон мне приснился.

Как там в анекдоте про Фрейда. «Знаешь, доченька, бывают и просто сны...»

А вообще-то говорят, что спать в виртуальности – плохая примета.

– Вика... – Я трогаю ее за плечо, она вздрагивает, но не просыпается.

Встаю, укрываю ее краем одеяла. Фонарь на траве потух, догорел. Иду в домик.

Он маленький, там всего одна комната – роскошная спальня, ванная, туалет и кухня. Достаю из холодильника сливки, сыр, паштет. Варю кофе на маленькой плите, делаю бутерброды, складываю все на маленький поднос, иду обратно к Вике.

Она еще спит.

Глубина-глубина, я не твой...

Что ж, неплохо отдохнул. Три часа дня.

Я сходил в ванную. Привел себя в порядок, даже зубы почистил, стянув шлем и зажав его под мышкой. Вернувшись в комнату, достал из холодильника банку лимонада, йогурт, кусок колбасы. Дурацкий набор, но какая разница, что я буду есть в реальности? Лишь бы набить желудок.

Та Вика, что на дисплее компьютера, тоже дремлет. Я почувствовал легкий стыд, стыд перед программой, которой изменяю с человеком.

deer

Ввод.

Глажу волосы Вики – почти настоящей Вики. Шепчу:

– Пора вставать...

Она просыпается. Недоуменно смотрит на меня, потом улыбается.

– Спасибо.

– За что?

– Ну... я так здорово отдохнула. Нечасто получается...

– Я принес завтрак, – говорю я.

Это моя обязанность, – с деланным недовольством вздыхает Вика. – Спасибо, Леонид.

Пьем кофе, едим бутерброды. Где-то далеко в лесу звенит птичий голос.

– Мне снился плохой сон, – сообщает Вика.

– Про сцену? – спрашиваю я, и сердце замирает, словно в

него вновь вонзается пуля.

– Нет. Словно я нашла упавшую звезду, а она уже догорела. Дотла.

Сердце снова дрожит, отдается в висках, гулко и тоскливо. Спать в виртуальности – дурная примета.

Какие связи протягивались между нами, уснувшими в *глубине*? *Беззвучный* шепот и сонные гримасы, напрягшиеся мускулы и качнувшиеся ресницы – все, все переплавлялось в электронные импульсы и уносилось сквозь *глубину*.

Чтобы коснуться той, что была рядом.

Такая же спящая.

Чтобы скользнуть в ее сон.

Плохая примета – спать в *глубине*.

– Мы поищем ее завтра, – говорю я. Вика иронически смотрит на меня. Спрашивает:

– Ты что, племянник миллионера?

Пожимаю плечами.

– Я хочу снова тебя увидеть. Просто увидеть.

Она колеблется, прежде чем спросить:

– Скажи... я не привлекаю тебя?

– Сексуально?

Вика кивает.

– Привлекаешь.

– Тогда... почему?

– Это не должно быть так легко... – Я тоже не сразу нахожу силы закончить: – И не должно быть товаром.

– Леня, ты сходишь с ума.

– Возможно.

– Ты же не знаешь, кто я. Это, – вскидывает она руки к лицу, – маска. Грим. Я могу быть кем угодно.

Молчу. Ты права, права. Я не спорю.

– Я ведь могу быть старухой на самом деле, – беспощадно говорит Вика. – Уродиной. Мужиком-извращенцем. Понимаешь?

Понимаю.

Про мужика, правда, сомнительно...

– Не глупи, Леня. Не влюбляйся в мираж.

– Я просто хочу снова тебя увидеть.

Она решается:

– Зайдешь в «Забавы» и попросишь позвать Вику. Без приказов. Хорошо?

– А Мадам не рассердится?

– Нет.

– Ладно. – Я касаюсь ее руки. – Договорились.

Мы допиваем остатки кофе, доедаем бутерброды. Вика поглядывает на меня, но молчит.

Пусть.

Внутри я ликую. Внутри я собран и деловит.

Я снова двадцатилетний юнец, ухаживающий за капризной ровесницей.

Только, в отличие от юнца, мне не кружит голову мысль о постели.

Мы вместе, обмениваясь ничего не значащими фразами, выходим из сада. Дверь стоит прямо в траве, напоминая сцену из какого-то старого детского фильма. Вика открывает ее, первая выходит в коридор борделя, я – следом.

Тихо и тоскливо.

Посетители не увидят друг друга. Приходи лечиться и зайчонок, и волчица.

– Мне пора, – говорит Вика. – Сейчас сработает мой таймер.

Киваю. Что ж тут не понять, таймер – это святое.

– Спасибо.

– За что?

– За упавшую звезду.

Кажется, она хочет что-то сказать. Но, видимо, ее время и впрямь было на исходе.

Вика тает в воздухе.

– До свидания, – шепчу я. Спускаюсь по лестнице. Охранник в холле уже другой, я подмигиваю ему, не дожидаясь ответа, иду к входной двери.

– Стрелок!

Оборачиваюсь.

Мадам стоит на верхней площадке, тяжело облокотившись на перила.

– Мне кажется, вы зря пришли к нам, юноша.

– Может быть, – соглашаюсь я. – Но так уж получилось.

Мадам вздыхает и отворачивается. Пусть.

Сегодня мне не нужен «Дип-проводник». Я еще помню маршрут вчерашнего бегства, а выход из «Лабиринта» и входной портал в пяти минутах ходьбы друг от друга. Иду по привычно вечерним улицам Диптауна, оглядываясь в ожидании засады.

Но со вчерашнего дня то ли угас пыл преследователей, то ли поистожились их кошельки.

– Я – Стрелок! – кричу я, входя в алый туман портала. На меня оглядываются, и я смеюсь, вскидывая руки к пронзенной молниями арке. – Я – Стрелок! Стрелок! Стрелок!

111

Сегодня я стал смертью, а смерть стала мной.

Так бывает.

Я иду по уровням «Лабиринта» почти не таясь, отстреливая монстров и обходя других игроков. Игроки тоже меня обходят.

Кроме тех, кто был обижен еще со вчерашнего дня, и тех, кто издавна считает себя героем.

Их я убиваю.

Дважды убивали меня самого. Вначале я теряю все оружие, и меня отбрасывает к началу девятнадцатого, водного уровня. Это сработала целая команда, человек двадцать, не представляю, как серверы «Лабиринта» ухитряются координировать действия такой толпы.

Я обижаюсь и убиваю их всех. Поочередно, отлавливая в болотистых зарослях, затянувших городское водохранилище, ныряя и затаскивая под воду – где мог продержаться куда дольше их, ибо выходил из виртуальности. Последнему – если не ошибаюсь, это был Толик – я перерезаю горло бритвенно-острым листом инопланетной осоки. Это что-то новенькое в программе «Лабиринта» – возможность использовать подручные предметы.

Потом я собираю их снаряжение и иду дальше.

На двадцать четвертом уровне – это мост, отделяющий промышленные районы Сумеречного Города от жилой зоны, меня догоняет Алекс.

Я заканчиваю проходить мост – процедура, требующая скорее чувства равновесия и крепких нервов, чем умения стрелять. К счастью, у меня есть опробованный еще на волосаном мосту «Аль-Кабара» способ.

Взрыв жахает передо мной, когда я спрыгиваю с последней балки, нависшей над пропастью. На мосту расцветает огненная воронка, ударной волной меня швыряет на бетонный парапет.

Алекс стоит у начала этапа. Когда я подношу к глазам бинокль, найденный в главном тайнике на двадцатом уровне, то могу разглядеть его подробно. Снаряжения у Алекса самый минимум – шуцер, гранатомет и пара аптек.

– Стрелок! – кричит он и машет рукой.

Зарядов у него еще полным-полно, но он не стреляет. И

я тоже.

– Я сделаю тебя, парень! – кричит Алекс. – Слышишь? Ты труп!

Он идет за мной с первого уровня – и почти ухитряется догнать. Может быть, он тоже дайвер? Еще один претендент на Медаль Вседозволенности? У меня начинают шалить нервы, я выхожу из *глубины*, ловлю Алекса в сетку прицела и пускаю подряд три ракеты.

Он ухитряется увернуться, и взрывы гремят за его спиной, разнося в клочья какого-то бедолагу, только выходящего на этап. Однако Алекса оглушает, он сидит на корточках, трясет головой, пытается подняться. Я навожу гранатомет, потом опускаю оружие.

Злость проходит.

– Остынь, ламер! – кричу я, закидываю гранатомет за плечи и покидаю уровень. Если он не дайвер, то застрянет на мосту надолго.

На тридцать первом уровне меня берут в оборот монстры. Здесь их сотни две, начиная от тупых и слабых мутантов и кончая летающей, прыгающей, зарывающейся в землю и асфальт нечистью.

Минут семь я стою у начала уровня – в вестибюле небоскреба – и расстреливаю радостно сбегających монстров. Кончаются патроны в винчестере, в штуцере, заряды для гранатомета. Я отбрасываю использованное оружие. Меня дважды ранят, приходится использовать несколько аптечек.

Стекло вестибюля трескается, в него всовывается полупрозрачная морда. Монстры продолжают сбегаться.

Я снимаю с плеча плазмоган и открываю огонь. Энергощек у меня много, я берег самое мощное из доступного пока оружия.

Уровень пылает.

Синие плети выстрелов рушат этажи вместе с монстрами и другими игроками. Я выжигаю целый квартал.

Монстры затихают.

Я иду сквозь руины.

Несколько атак, уже куда менее массированных.

С уровня я выхожу с пустыми руками. Очень, очень неприятный уровень. Монстрам все равно далеко до людей по сообразительности, как бы ни тужились программисты. Но они давят массой.

На тридцать втором уровне меня мгновенно убивают. У входа стоит паренек с винчестером и расстреливает меня в упор. Боеприпасов нет, я пытаюсь добежать к врагу и забить кастетом, но три пули подряд выбивают из меня остатки жизни.

Начинаю уровень заново. Без брони и с одним пистолетом, как водится.

От ярости у меня темнеет в глазах. Я расстреливаю гаденыша, зигзагом приближаясь к нему, он роняет винчестер и падает навзничь. Начинаю молотить его головой об асфальт, вытрясая при каждом ударе один процент жизни. Он даже

не сопротивляется, лишь радостно бормочет.

– Я убил Стрелка! Я убил Стрелка!

Отбираю у него все оружие – жаль, его немного – и ухожу, оставляя полуживого идиота на растерзание монстрам.

К счастью, этот уровень – «магазинная улица» – довольно-таки легкий. Передышка для тех, кто прошел предыдущую мясорубку. Длинные ряды супермаркетов и маленьких магазинчиков... если не забираться в них слишком далеко, то особой опасности нет.

Я добываю штуцер, гранатомет, бронежилет и немного боеприпасов. И, не ввязываясь в стычки, пробираюсь к выходу.

К Неудачнику... будь он проклят.

Когда я вхожу на территорию «Диснейленда» (у нарядных ворот лежит окровавленная детская кукла и горка маленьких костей), то невольно думаю, что Неудачника могли уже и спасти.

Вот это было бы весело.

Но Неудачник на месте.

Я долго осматриваюсь, запоминая обстановку. Когда я в последний раз проходил «Лабиринт», этого парка аттракционов просто не было. Тридцать третий этап был неприятным, но вполне стандартным.

Неудачник, скорчившись, сидит возле оплавленной ограды «Русских горок»... все-таки предпочитаю называть их

«Американскими». С одной стороны его прикрывает нарядная будочка с механизмами управления аттракционом, с другой – стена, опоясывающая весь «Диснейленд». Местечко удобное, подойти к нему незамеченным невозможно. Я бы тоже тут отсиживался.

Только не так долго. Не двое суток без малого.

Я иду к Неудачнику – открыто, подняв руки с пустыми ладонями. Неудачник не реагирует. Может быть, спит.

А может быть, умер.

Неприятная штука – смерть в виртуальности. Я видел один такой труп... самое страшное, что он был «живым» – продолжал идти по улице, натыкаясь на прохожих, подрагивая, повторяя последние конвульсии своего незадачливого хозяина. Его отключали вручную, после двухчасового отслеживания входного канала. Мерзкое это дело, идущий по улице мертвец.

Но Неудачник вздрагивает и приподнимает голову.

– Привет! – кричу я. – Hello! Не стреляй! Don't shoot!

Он не отвечает. Но и пистолет с колен не поднимает.

– Я пришел помочь тебе! – Слышу шум за спиной, оборачиваюсь. Какой-то мужик с плазмогоном ошалело смотрит на меня.

Грожу ему пальцем и киваю – проходи.

Уговаривать не приходится. Он узнал Стрелка и не горит желанием соревноваться в меткости.

– Давай поговорим! – подходя к Неудачнику, произношу

я. – Хорошо? Я твой друг! Go steady!

Похоже, что ему ничего не хочется. Ни дружить, ни стрелять.

Сажусь рядом с ним на корточки, протягиваю руку и осторожно отбираю пистолет. Неудачник не сопротивляется.

– Ты меня понимаешь? – почти кричу я. И Неудачник снисходит до ответа. Его губы шевелятся, и я скорее угадываю, чем слышу: «Да...»

Уже что-то. Земляк.

– Ты давно здесь? – осторожно спрашиваю я. Интересно, он еще не утратил счет времени?

Кивок. Хоть это он понимает.

– Твой таймер включен?

Ноль реакции.

Трясу его за плечо, повторяю.

– Ты включил таймер? Таймер включен?

Неудачник качает головой. Вот так. Худший вариант. Поворачиваюсь – наверняка Гильермо наблюдает за мной – и кричу.

– Видите? Он сам не выйдет! Отслеживайте канал!

В успех этого мероприятия я все же не очень верю. Значит, придется тащить Неудачника к концу этапа и там уговаривать, заставлять нажать на клавишу выхода.

Впрочем, ничего невозможного в этом нет.

– Сейчас мы встанем и пойдем, – мягко, словно ребенка, говорю я. Впрочем, Неудачник вполне может быть ребен-

ком, дорвавшимся в отсутствие родителей до возжеленной игрушки. Бывало такое. – Ты можешь идти?

Неуверенный кивок.

– Давай передохнем. – Я понимаю, что несу чушь, Неудачник отдыхает уже тридцать с лишним часов, но продолжаю: – Отдохнем, поедим, и двинемся вперед. Ничего страшного больше не будет. Я тебя поведу.

Стягиваю шлем-маску, на этом этапе воздух достаточно чист, достаю пакет с едой. Даю Неудачнику здоровенный сэндвич и банку лимонада. Виртуальная пища не поможет его телу, но придаст фальшивую бодрость в *глубине*.

Откусываю от своего бутерброда, жую, смотрю на Неудачника. Тот сидит с сэндвичем в руках. Да. Тяжко будет.

Пришел бы я на сутки раньше...

– Поешь, – уговариваю я. Протягиваю руку, стаскиваю с него маску. От резины респиратора на лице остается красный овал. А так ничего лицо, нормальное, нестандартное. Светловолосый молодой парень, вот только глаза усталые, потухшие. – Давай! – подбадриваю я.

Он подносит сэндвич ко рту, медленно начинает жевать. Вот так. Кусочек за маму, кусочек за папу, кусочек за дядю-дайвера. Может, и впрямь ребенок?

– Меня зовут Стрелок. А как тебя зовут? – спрашиваю я. Неудачник не отвечает, он слишком занят бутербродом. – Сколько тебе лет?

Последний вопрос – серьезное оскорбление. В виртуаль-

ности все равны. Если Неудачник имеет хоть небольшой опыт жизни в Диптауне, то непременно ответит... да еще как ответит.

Но он молчит.

Тяжелая мне предстоит работка.

Но ведь и приз меня ждет немалый. Я не променял бы его на заветные полмиллиона «Лабиринта». Медаль Вседозволенности купить невозможно – единственный такой случай немедленно разрушил бы ее ценность.

– Лучше? – спрашиваю я Неудачника. Тот кивает. – Вот и славно. Вставай.

Он послушно встает, я отдаю ему пистолет. На тридцать третьем уровне это оружие чисто символическое, тем более в его руках. Но зато Неудачник почувствует себя увереннее. Очень хочется в это верить.

– А теперь пойдем, – говорю я. – Спокойно, уверенно... Я идиот.

Я забываю про демона-хватателя, что сидит за углом. Забываю, как Гильермо демонстрировал мне его. Иду вдоль ограды «Американских горок», вышагиваю, как на параде.

И демон радостно хватает меня длиннющей рукой, сгребает, вскидывает вверх. Демон похож на обросший щупальцами пень... от баобаба пень, надо полагать. В центре пня – зубастый рот, из комля растет цепкая семипалая лапа, которая сейчас крутит меня в воздухе, уминает, превращает в аккуратный, на один глоток, мясной шарик.

Пистолет Неудачника шепчет «так-так-так», выпаливая обойму в монстра. Болтаясь в воздухе, я успеваю поразиться его странной стойке – корпус наклонен, плечи отведены назад, пистолет вытянут в левой руке.

Из этого оружия демона не убить.

Но лапа вдруг прекращает ломать мне ребра, ослабевает, и я падаю с трехметровой высоты прямо в жадно раскрытую пасть.

К счастью, монстр уже не умеет жевать и глотать. Выбираюсь из вонючей дыры, стараясь не смотреть на зубки длиной сантиметров в десять. На зубках клочки одежды. Не моей.

Я весь в слюне, и та шипит на бронежилете. Обтираюсь пучками желтой, высохшей травы. Подхожу к Неудачнику. Тот вновь расслаблен, вял и едва жив.

Внешне...

– Спасибо, – бормочу я. Прикладываю к руке аптечку, та щелкает, впрыскивая лекарства, и рассыпается. Крепко меня помяли.

– Не за что, – тихо, но отчетливо говорит Неудачник. Впрочем, это имя уже не слишком с ним вяжется. Уложить демона из пистолета!

Впрочем, теоретически это должно быть возможным. Создатели «Лабиринта» неоднократно заявляли, что любого из монстров можно убить из пистолета или даже кастетом. Теоретически. Если знать одну-единственную на все тело сверхуязвимую точку.

Но я про такие подвиги не слышал.

Скидываю с плеча винтовку, отдаю Неудачнику. Тот меланхолично берет оружие.

Сам я вооружаюсь гранатометом. Там всего четыре заряда, но мы сейчас попробуем раздобыть еще.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я.

Ответа нет.

Ну и черт с тобой. Будешь Неудачником.

«Диснейленд» сделан великолепно. Не знаю, копирует ли он какой-нибудь реальный парк или воплощает фантазию гейм-дизайнеров. Но уж монстры, катающиеся на колесе обозрения и перебрасывающиеся огненными шариками, словно снежками, явно родились в чем-то больном воображении. Зрелище столь занимательно, что я пару минут смотрю на него, прежде чем пустить ракету в ось колеса. Взрыв, и оно медленно заваливается набок. Обломки взлетают метров на двадцать.

Искося поглядываю на Неудачника – оценит ли тот зрелище?

Ни фигя подобного...

– Пошли, – бросаю я. Кажется, уже начинаю привыкать к своему молчаливому спутнику.

Мы проходим мимо водных аттракционов. Вместо воды в

бассейнах – кровь. Часть механических лодочек, скользящих по алой глади, заполнены сидящими скелетами, часть – пусты. При движении раздается противный тонкий скрип – механизмы не были приспособлены для работы в *такой* жидкости.

Отвратительно.

А вот целая семейка мутантов – двое взрослых и трое маленьких в цветастых платицах, расположившиеся на пикник. На маленькой газовой плитке они жарят кусок ноги в кожаном ботинке. Трачу еще одну ракету.

Они даже не пытаются разбежаться. Это не боевые чудовища, они созданы лишь для нагнетания кошмара.

Найти бы того, кто делал всю эту мерзость, и надавать по морде. Не в виртуальности.

– Нам немного осталось, – говорю я Неудачнику. – Ты хорошо держишься.

Он кивает, словно бы с легкой благодарностью. И чего дайверы «Лабиринта» так долго возились? Парень прекрасно идет.

Мы вдвоем отбиваем атаку целой стаи мелких летающих монстров. Неудачник стреляет скупой и метко, кожистые крылья подламываются, неуклюжие тела падают и лопаются.

– Пошли, – говорю я.

Лишь у огромного бетонного поля, по которому медленно скользят разноцветные машинки, возникает заминка.

В одной из машинок – ребенок. Маленький темнокожий

мальчик. Он рулит, уворачиваясь от трех мутантов, со скрежещущим смехом гоняющих его по всему полю. Один раз малыш проезжает рядом с оградой, окидывая нас безумным от страха взглядом.

Неудачник поднимает винтовку.

– Это не игрок, – устало объясняю я. – Это часть программы. Призовые очки. Спасаясь ребенка, отводишь в безопасное место, там находишь какое-нибудь оружие или броню. Пошли, нечего время тратить.

Но Неудачник, наверное, утратил связь с реальностью основательно. Он начинает палить. Три выстрела – три мутанта. Они пытаются отбиться, мечут в нас огненные шары, но Неудачник быстрее и точнее.

На звуки перестрелки откуда-то выползает исполинский паук и начинает поливать нас очередями из вросшего в морду пулемета. Мне приходится вмешаться. Две ракеты – ко-ту под хвост... точнее, пауку под жвалы. Наступает тишина, лишь выбравшийся из машинки ребенок плачет, сидя на корточках.

– Пошли, – решаю я. Теперь уж придется отвести ребенка в укрытие и получить честно заработанную амуницию.

Мы перебираемся через разорванную пулеметным огнем изгородь, идем к мальчику. Я чуть отстаю, ковыряю ногой остатки паука, прикидывая, не удастся ли приспособить его пулемет к огню с руки.

Слизь, хитин и осколки железа. Искать нечего.

Неудачник подходит ко мне, бережно держа малыша на руках. И я невольно проникаюсь к нему симпатией. Он дурак, он отключил таймер и заблудился в *глубине*, но он все-таки неплохой человек.

— Где твои родители? — спрашиваю я мальчика, в надежде, что программка не очень сложная и не потребуются тратить время на уговоры и заботу. Мальчик молча тычет рукой в здание поодаль. Ну слава богу...

Идем к зданию, я держу гранатомет на изготовку, ибо Неудачник небоеспособен.

Входная дверь меня настораживает. Она сорвана с петель и скрипит, хоть ветра и нет. За ней — темнота. Окна в здании поросли изнутри синим мхом.

— Там? — уточняю я. Мальчик кивает.

Заношу ногу над порогом.

— Простите... — отчетливо шепчет малыш, — они сказали, отпустят маму, если я...

В последнее мгновение я успеваю отпрыгнуть назад, и струя огня проходит мимо. Внутри здания что-то грузно шевелится и тяжело перекачивается по полу. Выпускаю в проем свою последнюю гранату.

Взрыв, но звуки только становятся громче. Малыш ревет, вырывается из рук Неудачника. Тот пытается удержать его, но ребенок царапает его по лицу, выскальзывает и бросается в дверь.

— Мамочка! — слышится его тонкий крик. Потом что-то

гулко чавкает и наступает тишина.

– Вот так сходили за пивом... – говорю я, хватая Неудачника за плечо и оттягивая от здания. Он, похоже, готов броситься вслед за мальчиком, прямо в гостеприимную пасть неведомого чудища.

– Почему? – шепчет Неудачник, поворачиваясь ко мне. – Почему он так поступил?

Объяснять ему логику создателей уровня бесполезно. Он явно принимает происходящее всерьез.

– Мальчика заставили заманивать проходящих в засаду, – говорю я. – Угрожали убить его маму. Вот он и подчинился.

Неудачник молчит, словно обдумывая мои слова. Потом спрашивает.

– А зачем он побежал в дверь?

По крайней мере мой подопечный немного разговорился.

– Испугался за свою мать.

– Надо им помочь, – беря винтовку поудобнее, говорит Неудачник. Он явно готов лезть к черту в пасть.

– Они уже мертвы! – кричу я. – Они погибли, поверь мне!

Он верит и опускает оружие. Слава богу, по крайней мере он не требует отомстить за несчастного ребенка.

Мы идем дальше.

У меня пустой гранатомет, у Неудачника винтовка с десятком патронов. Хорошо мы снаряжены. Чудесная прогулка. А когда я замечаю краем глаза, что метрах в ста стоит человек, наблюдая за нами, настроение у меня окончательно

портится.

– Сними его, – командую я. Неудачник недоуменно поворачивается ко мне.

– Зачем?

Правильно. Если он верит в происходящее, то стрелять по людям не станет. Славный он человек.

– Дай оружие! – требую я, вглядываясь в незнакомца. Алекс или нет? Эх, где мой бинокль...

– Не дам! – твердо говорит Неудачник и прячет оружие за спину.

Даже спорить не хочется. Стою, вглядываясь в чужака. А тот тоже изучает нас, потом делает шаг за угол здания и исчезает из виду.

Вроде бы не Алекс.

– Идем, горе ты мое, – говорю я.

Через полчаса наше положение немного улучшается. Багровые облака в небе расходятся, обнажая свирепое южное солнце. Мы почти у выхода из «Диснейленда», Неудачник ухитрился отбить нападение двух паукообразных монстров, я нахожу заряды к гранатомету и плазмоган с одной энергетической ячейкой. Жить становится веселее.

Мы делаем привал в тени разрушенной пиццерии.

На этот раз Неудачника не приходится уговаривать поесть. Он сосредоточенно жует последний сэндвич, я наблюдаю за ним. Мне еда не нужна, но мог бы и предложить, поделиться, ламер...

– Почему ты хотел убить того человека? – спрашивает Неудачник.

Говорить ему, что нам пригодилось бы чужое снаряжение, я не решаюсь.

– Он мог напасть на нас.

– Нет. Дик хороший.

– Дик?

– Да. Он пробовал мне помочь. Сегодня утром.

Мозги у меня скрипят от натуги.

Значит, за нами следит один из дайверов «Лабиринта»? Не вмешиваясь, не предлагая помощи, но и не мешая.

Странно все это.

– Анатолий тоже хороший? – кидаю я пробный шар.

Неудачник энергично мотает головой. Но объяснять причины своей неприязни ко второму дайверу не пытается.

– А я? – Мне становится интересно. Неудачник перестает жевать. Думает.

– Еще не знаю, – выносит он заключение. Потом извиняющимся тоном добавляет: – Скорее хороший.

Завязавшуюся беседу прерывать не стоит. Я осторожно беру Неудачника за руку и говорю:

– Ты понимаешь, что вокруг – виртуальная реальность?

– Да.

Прекрасно. Это уже половина дела!

– Парень... как тебя звать?

– Я не могу сказать, – с явным сожалением признается

Неудачник.

– Ты уверен?

– Не могу.

– Парень, ты находишься в виртуальности уже сутки с половиной. Это много, очень много. Твое тело устало, ему нужен отдых, пища, вода...

Надеюсь, что мой голос звучит вкрадчиво, как у гипнотизера...

– Мне надо выйти, – соглашается Неудачник.

– Я тебе помогу, – вновь обещаю я. – Мы уже рядом. Но если что-то сорвется, то проще будет помочь тебе другим способом.

Неудачник заглатывает остатки сэндвича и вопросительно смотрит на меня.

– Скажи свой сетевой адрес, – прошу я. – «Лабиринт» сообщит твоим провайдерам, они пошлют человека, и тот выведет тебя из *глубины* вручную. В этом нет ничего постыдного, клянусь. Такое со всеми случается.

– Нет, это невозможно.

– Послушай меня... если ты так стесняешься случившегося или боишься... я сам приеду к тебе. Где бы ты ни был. Я частное лицо. Мне плевать на «Лабиринт». Я просто хочу решить твою проблему! Веришь?

– Верю.

– Тогда говори адрес... – На мгновение мне кажется, что я победил. Я действительно готов выскочить из *глубины*, ку-

пить билет на самолет и отправиться домой к Неудачнику. Хоть на Сахалин, хоть в Магадан.

– Нет.

Я с досады бью рукой по стене и отшибаю костяшки пальцев. Командую:

– Тогда вставай!

Выход из «Диснейленда» устроен внутри зеркального лабиринта. Лабиринт в «Лабиринте»... у меня вдруг начинает кружиться голова, когда я представляю себе эту матрешку из виртуальных пространств.

– Значит, так... – говорю я, когда мы проходим мимо превратившегося в каменную статую усатого старичка со стопкой каких-то рекламных листов в гранитных пальцах. Старичок печально наблюдает за выходящими с уровня игроками. – Я пойду впереди. Держись вплотную за мной, хорошо? И старайся заметить врага первым. Глаз у тебя зоркий.

– Хорошо, – говорит Неудачник.

Мы входим в зеркальный лабиринт. Вначале это просто коридор, выложенный зеркалами. Потом он начинает ветвиться, перемежаться колоннами, и я напрочь теряю ориентировку. Вокруг меня – десять пар дайверов и Неудачников. Мир дробится, кружится, плывет.

Черт.

В настоящих зеркальных лабиринтах, которые так любят показывать в дешевых фантастических киносказках, все совсем не так. Реальность и иллюзию не спутаешь, как бы ни

старались режиссеры.

Здесь различия нет.

Я подумываю, не выйти ли мне из *глубины*. Впрочем, толку от этого не будет. Подробная иллюзия сменится схематичной, вот и все.

– Неудачник, осторожно! – предупреждаю я, машинально называя его придуманным Гильермо прозвищем. Неудачник не протестует.

Мы блуждаем по зеркальному лабиринту минут двадцать и наконец выходим в большой зал.

Тоже зеркальный. Тринадцатигранная призма.

Вдоль граней-стен стоят компьютеры. Выход!

А под потолком – балкончики, на которых парами стоят монстры. Таких я еще не видел – огромные выпуклые глаза, длинные руки, цепко сжимающие винтовки, чешуйчатое тело. В остальном – вполне человекообразные.

– Назад! – кричу я. И Неудачник вроде бы дергается, стремясь отпрыгнуть назад, в зеркальный проход. Но тут монстры начинают палить.

Пули буравят зеркальный пол, острые иглы вонзаются в мое тело. Я палю наугад – в один из балкончиков, понимая, что лишь один из них настоящий, а все остальные – отражения.

Огненный смерч, зеркальный зал заволакивает дымом.

Гремят выстрелы. Меня ранят в правую руку, я дергаюсь от боли, перебрасываю тяжеленную трубу гранатомета на ле-

вое плечо. Нет даже времени на выход из виртуальности.

И Неудачник бросается обратно.

Мы стоим плечо к плечу, стреляя в проклятые зеркала, и те разлетаются с насмешливым звоном. Меня ранят еще раз, я кричу, но продолжаю стрелять.

Последняя граната тоже не находит цели, я кидаю гранатомет вверх, в один из трех уцелевших балкончиков, попадаю – стекло!.. сдергиваю плазмоган и делаю непростой выбор между двумя последними целями.

Неправильный выбор.

Синяя огненная плеть хлещет в мутнеющее зеркало.

Энергоячейка пуста.

Один из монстров мертв, то ли его зацепило разрядом, то ли изрезало осколками зеркал. Но второй продолжает стрелять. Его винтовка нацелена в меня, он нажимает на спуск.

Неудачник заслоняет меня собой.

В него входит целая очередь, и он оседает. Монстр перезаряжает винтовку, ловко, сноровисто... а я стою, оцепенев, не в силах осознать случившееся.

Да и нечем мне ответить, нечем стрелять.

Выстрел бьет над самым плечом, оглушая. Огненный шар полыхает на балкончике, сжигая дотла монстра, выплескивая цепкие плети разрядов во все стороны – пытаюсь найти еще какую-нибудь цель.

«BFG-9000».

Оружие, которое я так и не смог раздобыть в своем тороп-

ливом беге по уровням.

Я даже не смотрю, кто стрелял. Наклоняюсь к Неудачнику.

Его лицо – кровавая маска, грудь разворочена пулями, но он еще жив – пять прощальных секунд, дарованных игрой...

– Отражение... – шепчет он.

Я стираю ладонью кровь с его лица, поднимаюсь.

За мной стоит рослый мужчина в полном броневом костюме, увешанный оружием, как новогодняя елка игрушками. Лицо сухо и спокойно, дыхательный фильтр втянут на подбородок.

– Трудно убивать эскорт-гвардейцев Принца Пришельцев, – говорит он. Голос тих, но под сдержанностью чувствуются кипящие эмоции.

– Ты дайвер... – шепчу я.

– Ты тоже.

На человека, который следил за нами, гигант в броне не похож.

– Анатоль?

Он кивает, и я вспоминаю о правилах вежливости из кодекса дайверов.

– Леонид, – представляюсь я.

Дайвер «Лабиринта» кивает, закидывает громоздкий «BFG-9000» на плечо. Наверное, мы встречались на какой-то сходке. Просто он был в другом теле – впрочем, как и я. Анатоль подходит к телу Неудачника, смотрит ему в лицо,

кивает:

– Как всегда.

Он легонько пинает его ногой, словно убеждаясь, что Неудачник и впрямь мертв.

И тогда я бью его по лицу. Бью так сильно, что Анатолий отлетает к стене.

1000

Нас разнимает Дик, второй дайвер «Лабиринта», тот, кого Неудачник назвал хорошим человеком.

Мы деремся минут пять, не стремясь убить друг друга, просто вымещая ярость и ненависть. Дик просовывает между нашими сплетенными телами ствол своего «BFG-9000» и негромко сообщает:

– Еще три удара – и я стреляю.

Анатолий скашивает на него глаза, отлипает и коротко бьет меня под ребра. Я перевожу дыхание и пинаю его в пах. Теперь очередь Анатолия корчиться от боли.

Дик невозмутимо ждет третьего удара. Но мы стоим по стойке смирно.

– Хорошо, – решает Дик, опуская оружие. Он говорит по-русски, очень чисто и почти без акцента. – Д-дайверы... вашу мать.

– Этот придурочный ламер... – шипит Анатолий. – Этот козел...

– Остынь, – советует Дик. – Он хорошо шел, я смотрел. Не всегда честно, но всегда хорошо.

Дик невысокий, худой, гибкий. Но в этой паре он главный. Анатолий замолкает, начинает стирать кровь с лица.

Я предаюсь тому же занятию.

– Ты хорошо играл, – говорит Дик. – Но все непросто.

– Это я понял, – отводя взгляд от тела Неудачника, соглашаюсь я. – Что происходит?

– Объясни, Ан, – бросает Дик и садится на закопченное, битое зеркало пола.

Анатолий морщится, словно ему велели съесть пригоршню пиявок. Но подчиняется.

– Ты что, чудик, думал, мы здесь дурака валяем? – спрашивает он.

– Тебе виднее, – огрызаюсь я.

– Мы его каждый час водим! – вопит Анатолий. – Я семь раз его вел! Дик – восемь! Понимаешь, дубина? Мы тут каждый угол знаем! Нюхом чуем, когда что меняется! Понимаешь?

Я начинаю понимать.

– Гильермо тебе сказал, что мы пытаемся вытащить парня? – скучным голосом спрашивает Дик.

– Да... – Я хлюпаю разбитым носом.

– Прекрасно! – оживляется Дик. – Так какого... – Он глотает ругательство и устало машет рукой.

– Кто он тебе? – набычившись спрашивает Анатолий.

– Кто?

– Неудачник! – вопит Анатолий. Явно собирается пнуть тело в иллюстрацию своих слов, но вовремя останавливается. – Сват, брат? Кто он? Ты что, без бабок сидишь, что нашу работу взялся делать?

– Видно, как вы ее делаете!

– Анатолий верно спросил, – замечает Дик. – Кто он тебе?

– Никто.

– Парень, если ты знаешь его адрес, то лучше вытаскивать Неудачника ручками.

– Я не знаю его адреса, – говорю я. – Можешь поверить? Это просто клиент. Мне поручили его спасти.

– Кто?

– Тоже не знаю. У заказчика не было лица.

Я слежу за их реакцией, но ее нет. Мою фразу о Человеке Без Лица они восприняли как красоту речи.

– Час от часу не лучше, – говорит Дик.

– Легче, – автоматически поправляет его Анатолий. – Час от часу не легче.

– Спасибо. – Дик косится на меня. – Парень, как тебя зовут?

– Леонид. Леня.

Дик кивает:

– Ты меня знаешь под именем Крейзи Тоссер.

Я хлопаю глазами. Крейзи Тоссер – один из старейших и уважаемых дайверов. Пожилой веселый толстяк... в таком облике он является на сходки.

Вот где Крейзи зарабатывает себе на пропитание...

– Ребята, я не собираюсь отбивать у вас хлеб, – говорю я. – У меня конкретный заказ – спасти Неудачника. Я не мог отказаться.

Оба дайвера разом смягчаются. Похоже, вчерашний шум и мое стремительное путешествие сквозь уровни «Лабиринта» нагнало на них какие-то конкретные опасения.

– Ты думер, верно? – спрашивает Анатоль. – Еще из старых...

– Да.

– Ну... ты нормально шел... – отворачиваясь, говорит Анатоль. – Я слышал рассказы. Даже если половина – гонимо, все равно...

– Спасибо, – бросаю я. Доброе слово, оно и чайнику приятно.

– Неудачника невозможно спасти, – говорит Дик.

– Что? – теряюсь я.

– Невозможно.

– Дик у нас фаталист, – усмехается Анатоль. – Ладно. Садись, я объясню.

Мы усаживаемся вокруг тела Неудачника, и Анатоль начинает рассказ. Я слушаю, отстраняясь от деталей и запоминая основные факты.

Неудачник не говорит своего имени и адреса.

Неудачник – великолепный стрелок... и будь он чуть удачливее, то прошел бы «Лабиринт» за сутки, сорвав все призы.

Неудачник никогда не стреляет в игроков.

– Что? – переспрашиваю я.

– То. Он не стреляет в игроков. Монстров бьет влет, – бурчит Анатоль. – Смотреть завидно. А в людей ни разу не выстрелил. Когда я его тащил во второй раз, то на этом и прокололся. Был уверен, что он поможет...

– Он «плывет»... – говорю я. – Считает происходящее реальностью... нет! Нет, он же сам мне сказал, что вокруг виртуальность!

– Ага, – соглашается Анатоль. – Ориентировку он не потерял. Но с человеколюбием у него заскок.

– Верующий? – предполагаю я. – Пацифист?

Анатоль лишь пожимает плечами.

– Значит – его каждый раз убивали игроки?

– Его убивала судьба, – вступает в разговор Дик. – Его убивали игроки, монстры, обвалившийся потолок, рикошет, он тонул в расплавленном асфальте и падал с высоты. Пятнадцать смертей, все разные.

– Так не бывает, – замечаю я. – Разве что он сам этого добивается.

– Если он самоубийца, то очень-очень хитрый, – не соглашается Дик. – Все выглядит случайностью. Только их слишком много, случайностей.

– Дик считает, что это его карма, – говорит Анатоль. – Чем-то он заслужил такую участь. И что бы мы ни делали, вытащить его невозможно.

– Крейзи, это чушь, – говорю я. Дик лишь улыбается. – Ребята, неужели нет способов отключить игрока принудительно? Не зная его адреса?

Дайверы «Лабиринта» переглядываются.

– Не темните, – прошу я. – Дело серьезное.

– Способ был, – признает Дик. – Анатолий его попробовал. Смотрю на Анатолия, ожидая разъяснений.

– Тринадцатикратная смерть, – неохотно говорит тот. – Если игрок гибнет тринадцать раз подряд с интервалом менее пяти минут, то программа его вышвыривает без объяснения причин. Это барьер для абсолютных бездарностей.

Я еще не понимаю.

– Сегодня утром я попробовал этот способ, – говорит Анатолий. – Не стал тащить Неудачника через уровень, а просто стал у начала и принялся его убивать. Тринадцать раз подряд. Потом еще два раза, решил, что в счете сбился. И – ничего!

– Стоп! – кричит Дик, вскакивая. – Леонид, еще шаг – и я убью тебя. Это игра! Понимаешь?

Отступаю от Анатолия. Дик прав, нельзя мерить происходящее в «Лабиринте» мерками реального мира или даже Диптауна. Это *глубина* в *глубине*.

– Как он себя вел? – спрашиваю я.

– Я ему все объяснил вначале! – Анатолий тоже на взводе. – Не думай, что мне это в кайф! Все объяснил, стрелял из винчестера в голову! Думал, может, хоть сопротивляться

начнет! А он вначале пытался убежать, потом просто сидел и ждал!

Теперь понятно, почему Неудачник такого мнения о нем.

– Леонид, это игра, – повторяет Дик. – На семнадцатом уровне, чтобы пройти, тебе нужно было расстрелять мальчика, привязанного к двери туннеля. Ты сделал это?

Конечно, сделал... Его невозможно было отвязать.

– Это была лишь программа, Дик. Рисунок и звуковой файл. Она мешала пройти к живому человеку.

– А сколько людей ты расстрелял в первый день, зарабатывая репутацию? – кричит Анатоль. – И не говори о честном поединке! Ты думер старой школы, ты дайвер! Все герои «Лабиринта» не имеют и половины твоих возможностей в поединке! Ты можешь выскочить из *глубины* и не чувствовать боли! Стрелять как в тире! Пройти по проволоке, как канатоходец!

Он замолкает, хмурится.

– «Аль-Кабар» – твоя работа?

Киваю.

– Красиво... – Анатоль остывает так же быстро, как и заводится. – В общем, так, Леонид. Мы тебе мешать не будем. Пробуй. Но на нас не отвязывайся! Мы свою работу делаем.

– И сейчас наша очередь, – добавляет Дик. – Приходи через шесть часов. Если за этот срок мы не вытащим парня, то снова будет твоя очередь.

Я не спорю. Они хозяева, я гость.

Поднимаюсь, иду к компьютеру у стены.

– Эй, Леонид! – кричит вслед Анатолий. – Знаешь, почему ты не мог убить эскорт-гвардейцев сразу?

Качаю головой.

– Программы тоже умеют жульничать. Куда бы ты ни стрелял, правильным выстрелом будет последний.

Что ж, спасибо за информацию... Касаюсь клавиатуры, записываюсь.

– Через шесть часов, – говорит вслед Дик. – Не раньше!

1001

На этот раз народу в колонном зале меньше. И все же человек десять стоит, потягивая пиво и явно дожидаясь меня.

Иду мимо.

– Стрелок!

Оборачиваюсь. Двое незнакомых ребят и длинноволосая девчонка идут ко мне.

– Я – Стрелок, – соглашаюсь я.

– Кто ты? – спрашивает сутулый очкарик. Многие берут такие невоинственные внешности, усыпляя бдительность соперников.

Разборка со стрельбой, похоже, не будет. Ну и хорошо. Вчера все кипели, но за сутки головы поостыли.

– Это неважно.

– Стрелок, чего ты добиваешься? – вступает в разговор

девушка. – Ты просто играешь?

– Нет.

– Тогда что тебе нужно? Тебя весь день видели на тридцать третьем уровне. Ты что, застрял?

– Нет.

Делегация топчется на месте, потом парень в очках поднимает руки:

– Мир, Стрелок?

– Мир, – недоуменно отвечаю я.

– Ребята боятся идти сквозь тридцать третий, – поясняет он. – На тридцать втором полсотни человек скопилось. Стрелок, если ты не будешь вести отстрел игроков, то тебя тоже не тронут. А иначе – объявляется большая охота. И не только в Сумеречном Городе.

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Только одно условие... на самом начале уровня сидит паренек с пистолетом. Его тоже не трогать.

Очкарик и девушка переглядываются.

– По рукам, Стрелок.

Мы жмем друг другу руки.

– Пошли в «BFG»? – предлагает девушка.

Договора положено скреплять пивом. А у меня шесть свободных часов. Я киваю. Остаток делегации подтягивается к нам, и мы тесной группой выползаем из колонного зала. Оглядываюсь – Алекса среди моих спутников нет, или он прячется в другом теле.

- Ребята, если кто-то нарушит уговор и нападет на меня...
- Это будут его и твои проблемы, – подтверждает очкарик.
- Прекрасно.
- Стрелок, ты думер? – спрашивает девчонка.
- Да.
- Небось еще на «тройках» играл?
- На «двойках».
- В «Doom»? – иронически спрашивает очкарик.
- Нет, конечно. В «Волчье логово».

Народ одобрительно шумит. Про самую примитивную из трехмерных игр большинство только слышало.

– Между прочим, – говорит девчонка, – я недавно с пареньком познакомилась, он на «тройке» в Диптаун влез.

– Что? – очкарик поражен.

– Что слышал. Без шлема и костюма, всухую. Говорил, что он сержант срочной службы. Сидит где-то в тундре на станции космической связи. У них там оборудование – хоть в музей сдавай. Но выход на «Интернет» есть, через какую-то военную локалку. Он на «386-DX40» загнал дип-программу, влез через какой-то гейт в Диптаун и пошел по городу шататься. Я его по походке заметила, дерганая такая, сразу видно – модем паршивый.

– Гонит, – качает головой очкарик. – На «тройке» в виртуальность не войдешь.

– Почему? Если с «сопром», то вполне! – возражает кто-то.

Начинается долгий спор, можно ли войти в виртуальность на «IBM-386» и поможет ли в этом процессе математический сопроцессор – «сопр». Я не вмешиваюсь, слушаю, хоть и знаю ответ.

Можно.

Я сам с «тройки» начинал. Тоже без шлема и костюма, как гипотетический солдатик, выбравшийся в самую необычную из всех самоволок в истории.

Но такой информацией не разбрасываются.

За разговором мы подходим к «BFG-9000». Это мрачное здание, выдержанное в стиле «Лабиринта», или, точнее, его предтечи – игры «Doom». У тяжелых железных дверей стоят два монстра в ливреях, и я машинально дергаю плечом, пытаясь сбросить в руки несуществующую уже винтовку. Самое смешное, что мой жест повторяют еще несколько человек.

Игры в «Лабиринте» даром не проходят.

Расталкивая монстров-швейцаров, вваливаемся в ресторанчик. Интерьер знаком до боли – это последний уровень игры «Doom-2». Огромный зал, половина залита мерцающей зеленой жидкостью, половина представляет собой каменную террасу, на которой и расставлены столики. На стене над зеленой – морда чудовищного демона, изо лба которого периодически вылетают вращающиеся кубики. Над террасой кубики лопаются, из них вылупляется какой-нибудь монстр и несколько секунд бродит между столиками, прежде чем ис-

чезнуть. На них внимания не обращают, в отличие от игры здесь они бесплотны и безопасны.

– Простые были уровни, – бросает какой-то парнишка из нашей группы. Я молчу. Его бы на этот уровень, даже без всякой виртуальности. Посмотрел бы я на подвиги юного поколения. Единицам удавалось пройти последний уровень честно, не вводя в игру код бессмертия.

Мы садимся рядом с зеленкой, сдвигая несколько столиков. Приближается официант – тоже монстр, летающий алый шар с выпученными глазами.

– Пива! – требует очкарик. – Фирменного, всем! Я плачу. Монстр раскрывает рот, и я машинально уклоняюсь. Но из пасти вылетают не огнедышащие черепа, как в игре, а запотевшие кружки с пивом.

Двое идиотов смеются надо мной. Остальные понимающе переглядываются.

Чем простой человек отличается от думера? Думер за угол не заходит, а вначале заглядывает.

Думер думера видит издалека. У старых игроков моя реакция удивления не вызывает.

Сдвигаем кружки.

– За перемирие! – провозглашает очкарик. – Между Стрелком – и всеми нами!

Пиво густое, темное, не «Гиннесс», но что-то похожее. И очень крепкое.

Интересно, каким чудом владельцы ресторана ухитрились

придать несуществующему пиву такой вид, что оно воспринимается как крепкое?

– Дамир, – представляется очкарик.

– Стрелок.

Дамир кивает, смиряясь с тем, что я не сниму маску. Почему-то мне кажется, что его внешность – прямая противоположность реальному облику. Он, наверное, высокий и крепкий.

Обычное дело – маскировка наоборот. Я читал пару психологических исследований *глубины*, где сообщалось, что данный метод используется в двух третях случаев.

– Почему ты раньше не появлялся в «Лабиринте»? – интересуется Дамир.

– Неинтересно, – признаюсь я.

Дамир воспринимает мою фразу спокойно, а молодняк начинает хмуриться.

– Ты не был на московском турнире думеров в девяносто седьмом? – интересуется Дамир.

– Нет.

– Все равно мне твоя манера знакома, – решает Дамир.

Сидим, пьем пиво. Честно говоря, я очень рад, что постоянные игроки «Лабиринта» пошли на перемирие. Если бы на меня навалилась настоящая толпа, все способности дайвера не спасли бы.

Между тем зал оживает. Откуда-то появляется парень с гитарой, смуглый, длинноволосый. Смущенно улыбается,

машет рукой, ступает на зеленку. Жидкость шипит под его ногами. Парень проходит в центр зеленой зоны, садится на стул, стоящий на маленьком бетонном пятчке, начинает неторопливо настраивать гитару. Я тоже машу ему рукой, хоть он никак не узнает меня в облике Стрелка. Это личность в *глубине* легендарная, один из хакеров старой школы, к тому же – бард. Давно мы не пересекались. Обычно он выступает в «Трех поросятах», где, по слухам, даже имеет маленький пай. К «Лабиринту» он вообще равнодушен, и то, что его занесло сюда, – редкая удача. Парень смахивает волосы со лба и начинает петь:

Промозгло, сыро, какая прелесть,
Какая слякоть, какой туман!
А я улыбаюсь, чему – бог невесть,
Я, как и город, туманом пьян.

Девчонка похлопывает рукой по столу, отбивая такт, пиво льется рекой. Я знакомлюсь со всей компанией, на всякий случай заставляя Вику запомнить лица и имена. Под шумок один из парней долго жмет мне руку и лепит на плечо простенький маркер. Делаю вид, что не замечаю. В порыве чувств обнимаю паренька в ответ и перекидываю маркер на него.

Пускай поотслеживает, ламер.
Бреду в тумане, как в океане,

Я, может, лодка, а может, кит
А может, просто нечто с глазами
В деревьях-водорослях скользит...

Веселье в полном разгаре. Все довольны, включая хитроумного ламера.

Я звуков не знаю, я их не помню,
Слова забыты, к чему слова.
Я этим туманом себя наполню,
Если вместит моя голова.

Я уже наполнен хмельным туманом. Встаю, улыбаюсь игрокам.

– Мне пора.

Никто не спрашивает почему, никто не уговаривает остаться. Пребывание в *глубине* – развлечение платное. Пробираюсь между столиками, над головой шипят иллюзорные кубики, раскрываясь, выплевывая монстров. Делаю усилие, чтобы не уворачиваться.

У меня есть еще часов пять. Сейчас дайверы «Лабиринта» возятся с Неудачником. Но почему-то я уверен, что у них ничего не выйдет.

Сворачиваю в переулок, останавливаюсь.

Глубина-глубина, я не твой...

Первым делом, сняв шлем, я открыл холодильник. Достал лимонад, колбасу, коробочку йогурта. Надо пообедать.

На экране все нормально. Стрелок стоит, привалившись к стене, редкие прохожие не обращают на него внимания. Вон какой-то типчик юркнул в двери «Всяких причуд».

– Только не к Вике! – сказал я ему вслед.

– Я не поняла, Леня, – отозвалась «Виндоус-Хоум».

– Ничего, – отводя глаза, ответил я. – Все в порядке.

Мне вдруг стало не по себе. Вдруг к Вике – той, виртуальной, кто-то пришел? Я представил себя, учиняющего разборки в несуществующем борделе, и улыбнулся.

Но все же стал есть куда торопливее.

– Леня, – сказала «Виндоус-Хоум». – Я должна сделать тебе ежемесячные напоминания.

– Валяй, – буркнул я.

– Позвонить родителям, – укоризненно произнесла Вика. – Я могу набрать номер, но это потребует освобождения телефонной линии...

– Нет.

Нехорошо, конечно, но лучше позвоню вечером.

– Оплатить коммунальные счета...

Да, с этим тянуть тоже не следует. Отключат телефон в самый неподходящий момент...

– Спасибо.

– Убрать в квартире.

Я быстро оглянулся. Да, пол вымыть следует. И пыль бы стереть. Батарею, с ржавым потеком, покрасить.

– Спасибо, Вика, принято.

– Кроме того, в очередной раз обращаю твое внимание, что уровень поставленных передо мной задач не всегда соответствует объему оперативной памяти...

– Утихни.

Я положил ладони на клавиатуру, локтем скинул пустую коробочку из-под йогурта, чтобы не мешала.

deer Ввод.

Отлепившись от стены, я вхожу в стеклянные двери борделя.

И Мадам выходит навстречу:

– Вы сегодня рано, Стрелок.

– Зато ненадолго.

Мадам улыбается, протягивает руку, касается моей щеки.

– Только не морочьте голову девочкам, Стрелок.

– Я постараюсь, – голосом послушного мальчика говорю я.

Мадам кивает, без особой уверенности. Поворачивается к охраннику:

– Проводи его в служебные помещения. К Вике.

– Спасибо! – от души говорю я. Мадам устало отмахивается и идет к лестнице на второй этаж. А охранник кивает на маленькую дверь, рядом с которой стоит.

С некоторым смущением я иду за ним.

Прямо в сердце борделя.

Чистенький коридор, за окнами – летний лес, река и яркое солнце. Ага, а ведь Мадам говорила, что у них всегда вечер.

Хочется солнышка, никуда не деться.

Вдоль коридора – двери, на них нет номеров или имен, зато наклеены картинки. Кошечки, щенки, мышата, зайчата. Это немножко напоминает детский садик. Но из одной двери вдруг высовывается полуодетая блондинка, ойкает, картинно прикрывает грудь руками и заскакивает обратно.

Стараюсь идти с каменной физиономией. За дверями шорохи, когда я прохожу мимо, слышится легкий шум. Знаю, что если обернусь, то увижу десяток любопытствующих лиц, выглядывающих в коридор.

Поэтому не оборачиваюсь.

Охранник останавливается у двери, на которой висит фотография задумчивого черного котенка. Стучит.

– Да? – слышится в ответ, и я вздрагиваю, потому что узнаю голос.

– Посетитель, – говорит охранник.

– Пусть войдет.

Охранник легонько хлопает меня по плечу и удаляется. Из полуоткрытых дверей его о чем-то спрашивают шепотом, но он хранит молчание.

Под насмешливым взглядом котенка вхожу.

Комната выглядит как горная хижина. Окно распахнуто, из него доносятся порывы холодного ветра. Шумит река. Вика сидит перед окном на простом деревянном стуле, разглядывая лицо в маленькое зеркальце. Рядом, на грубо сколоченном столе – вполне современная косметика.

– Привет, – бросает она. – Посиди тихонько, ладно?

Киваю, стою и оглядываюсь. На стенах акварели – незнанные, почти на всех горы, туман, сосны. На первый взгляд кажутся однообразными, словно творения халтурщика к еженедельной распродаже. Но всматриваюсь внимательнее и одобрительно киваю. Это не штамповка набитой рукой, а просто цикл.

– Как бы ты их назвал? – спрашивает Вика не оборачиваясь. Ей хорошо, у нее зеркало.

– Даже не знаю, – признаюсь я. – У меня всегда были проблемы с названиями. Ну, например...

Прохожу вдоль стены, осторожно касаясь рамок. Горы, или одна гора – но в разных ракурсах, густые плети тумана, впившиеся в склоны сосны. Утренний холод и сухой жидкий воздух. Звонящая струя ручейка, шорох ветра – словно картина способна передавать звук.

– Лабиринт, – говорю я. – Лабиринт отражений.

Вика красит губы. Задумчиво соглашается.

– Можно... главное, что непонятно. С такими названиями лучше покупают.

– Это твои картины?

Последние дни я потрясающий тугодум.

– Да. Не похоже на меня?

– Похоже. Но я думал, ты просто подобрала их со вкусом.

– Ну и мужики пошли. – Вика наконец встает. На ней белое льняное платье до колен, босоножки, серебряный кулон

на цепочке. – Это комплимент при первом свидании?

– При втором, – пытаюсь я отшутиться.

– Нет, при первом. Утром – это была работа.

– Тогда начинаю говорить комплименты, – бормочу я. –

Ты умная, красивая, талантливая...

– Добавь – пунктуальная. – Вика стягивает волосы белой ленточкой.

– Нет, лучше добавлю – щедрая. Продавать такие картины – подвиг.

– Ерунда, – легко отмахивается Вика. – Я продаю реальные оригиналы. А эти – остаются у меня. Они лучше.

Вика не замечает, какую промашку допустила. Я этому безумно рад. Торопливо говорю:

– Чем лучше?

– Они звучат.

Так вот в чем дело. Мне не послышался шум ветра и плеск воды из картин.

– Рождается новое искусство, – говорю я.

– Давным-давно родилось. И не одно. Просто нам пока непонятно, что это искусство. Когда пещерный человек рисовал на стенах оленей, это тоже не сразу признали творчеством.

– Если так, то весь Диптаун – произведение искусства.

– Конечно. Не весь, но местами – несомненно. Иди сюда.

Вика бесцеремонно хватает меня за руку, подтаскивает к окну.

– Смотри!

Вот оно что. Вика рисовала с натуры... только существуют ли в реальности такие горы?

Центральный пик – наверняка нет. В нем километров десять высоты, он вырывается из горной цепи, словно гордый бунтарь. Облака кружат вокруг вершины, бессильные накрыть пик своей шапкой. Гора, словно слоями нарезана – темная зелень лесов, салатная полоска альпийских лугов, снежное кольцо и серый, мертвый гранит вершины.

Между нашей хижинкой, а она тоже стоит на порядочной высоте, и пиком-гигантом раскинулось озеро. Не очень большое, но идеально круглое, я сказал бы – нарисованное, не будь оно таким живым. Вода темно-синяя, тяжелая, на грани льда.

Я молчу.

– Не боишься, что это фирменный антураж для привередливых клиентов? – спрашивает Вика.

– Еще чего. Обойдутся.

Мы смотрим на горы.

– Долго рисовала? – тихонько спрашиваю я.

– Два года, – беспечно говорит Вика.

Киваю. На это можно потратить и больше. Это не штампованные заоконные красоты, продающиеся на каждом углу. Мне кажется, что, если я возьму даже очень сильный бинокль, домысливать ничего не придется. Картина сделана полностью – во весь объем.

– Очень хочу туда спуститься, – говорит Вика, глядя на озеро.

Молча киваю, соглашаясь.

– Страшно. Дорога очень сложная, – вздыхает Вика. – Если привязать веревку к окну, то на вон ту тропинку можно выбраться запросто. Но по северному склону полгода как прошел оползень. Тропинку наверняка завалило.

Я поворачиваюсь к ней, смотрю в глаза.

Нет, она не врет и не смеется.

– Ты хочешь сказать, что это все – живое? – спрашиваю я. – Туда можно войти? Подняться на пик, искупаться в озере?

– Вода ледяная, простудишься.

– И все это живет? Падает снег, идут лавины, случаются бури?

Вика кивает.

– Чтобы держать такое пространство, нужен отдельный сервер!

– Два сервера. Один полностью занят, другой еще все заведение держит.

Глотаю холодный воздух. Спрашиваю:

– Так... зачем ты здесь работаешь? Тебя любая фирма возьмет пространственным дизайнером, только позволь заглянуть в это окошко!

– У меня свои причины, – говорит Вика, слегка повышая тон, и я понимаю – вопрос неуместен.

Свобода для всех и во всем.

Может быть, ей нравится быть виртуальной проституткой?

– Спасибо, – говорю я.

Вика недоуменно хмурится.

– Спасибо, что позволила это увидеть, – объясняю я. – Ты ведь не каждого сюда пускаешь?

– Не каждого. А ты покажешь мне свои картины? – с улыбкой спрашивает Вика. Я вздрагиваю. – Ты сказал, что не умеешь придумывать названия. Значит, приходилось этим заниматься.

Вот так. Я тоже сглупил. И, подобно Вике, не заметил своей оплошности.

– Я давно не рисую, – признаюсь я. – Так получилось. Может, и к лучшему, все равно мне такое не по силам.

Вика даже не пытается вежливо спорить. Она знает себе цену.

– Знаешь, я хотел пригласить тебя в ресторан, – говорю я. – Если ты согласишься...

– Нет.

Я чувствую себя оплеванным. Почему-то я был уверен, что Вика согласится, что ей понравятся «Три поросенка», что мы постоим над горной рекой – пусть не я создавал тот пейзаж, но я люблю его...

– Понимаю, – говорю я.

– Нет, не понимаешь. Дело не в клиентах, сейчас как раз

затишье, а девочки меня подменяют. Я сама тебя приглашаю. В наш ресторанчик.

Ничего не понимаю, но соглашаюсь. Вика придиричиво осматривает меня, поправляет воротник рубашки.

– Сойдет, – решает она. – Пошли.

– Далеко?

Вика только улыбается, подхватывает со стола маленькую замшевую сумочку. Мы выходим в коридор, и я отмечаю, что двери больше не поскрипывают в приступах любопытства.

– Пошли, пошли...

Мы идем, чинно взявшись за руки, словно воспитанные дети на прогулке. Коридор кончается винтовой лестницей, мы поднимаемся вверх. Насчитываю семь витков, прежде чем дорогу преграждают тяжелые бархатные шторы. На мгновение возникает мысль, что пространство здесь вывернуто, и мы сейчас выйдем в холл первого этажа.

– Ничему не удивляйся, – говорит Вика и ступает вперед.

Я иду следом в полной уверенности, что смогу выполнить ее просьбу.

Мы выходим на морской берег.

Закат красит небо оранжевым и золотым. Море устало дышит, лаская берег. Песок под ногами – черный. Весь пляж искристо-черный. Я знаю, что такие пляжи есть. Я никогда не думал, что это так красиво.

На берегу стоят белые столики под зонтами, за столиками люди. Все живые, не программные муляжи, я сразу это чув-

ствую. В основном девушки, лишь за тем столом, что ближе всех к берегу, двое мускулистых парней. Да еще рядом с длинной стойкой бара примостился тощий парень в шортах.

– Это наша рекреационная зона, – шепчет Вика. – Идем.

Мы садимся за свободный столик, Вика склоняется ко мне:

– Здесь самообслуживание. Иди к стойке, возьми мне шампанского.

Иду, увязая в песке. Трое мужчин и двадцать женщин наблюдают за мной. Все выглядит донельзя странно – словно чудовищный тайфун прошелся по побережью, снеся отели и дома, но пощадив часть открытого ресторанчика. Впечатление усиливает задернутая шторами дверь, через которую мы вошли, – она одиноко стоит в черном песке.

– Привет! – говорит мне парень у стойки и быстро сует руку.

Машинально пожимаю ладонь.

– Вика сухое шампанское любит, – говорит парень. – Только не бери французского, возьми «Абрау-Дюрсо», оно где-то слева под стойкой... Ты здесь первый раз? Я тебя не видел раньше. Сегодня день пустой, все девчонки тут собрались. Ну, сейчас тебе косточки перемоют!

Он тараторит с энергией Робинзона, встретившего Пятницу. У него чрезвычайно подвижное лицо, во рту не хватает пары зубов.

– А ты мне нравишься, – говорит парень, почесывая об-

лезаящий от загара живот. – Блин, точно нравишься! Ха-ха! Испугался? Не, я тут не работаю, то есть работаю, но не так. Ты тем двоим, у воды, не понравься случайно!

У меня уже голова идет кругом. Выдавливаю жалкую улыбку, захожу за стойку, достаю из ведерка со льдом бутылку брюта, беру пару высоких бокалов.

– Во, перезагорал я вчера! – восклицает тем временем парень, отрывая длинный пласт облезающей кожи. – С девчонками поспорил, что сгорю, они не поверили. Приходят утром – а я и впрямь сгорел!

Он сует мне под нос бренные части своей шкуры.

– Классно выглядит? Всю ночь пахал, делал симуляцию загара. Надо будет пристроить куда-нибудь, с руками оторвут! Только руки я не отдам!

Торопливо киваю и убегаю с добычей. Вика дожидается меня, давась от смеха.

– Это кто? – спрашиваю я, опускаясь на стул. Тихий шорох волн кажется неслышанным благодеянием.

Вика продолжает смеяться, потом делает серьезное лицо.

– Это наш программный гений, хакер и охранник, знаток железа и софта. Зови его Компьютерным Магом. Или просто Магом. Он это любит. Только не зови его Зукой.

– Зукой?

– Ага. Он любит растворимые напитки, «Зуко», «Сприм», прочую химию. Его так девчонки прозвали, он очень обижается.

– А чего он такой... странный? – осторожно спрашиваю я.

– Не знаю. Может, наших геев отпугивает, может, по жизни такой.

Я искоса поглядываю на парней у берега. Те тоже разглядывают меня, что-то обсуждая. Потом один легонько хлопает другого по губам, и тот обиженно отворачивается.

Мне становится совсем не по себе. Но Вика не прекращает улыбаться, и я с деланным любопытством спрашиваю:

– Зачем вам парни? Девчонки не всегда справляются?

– Конечно. Помнишь голубой альбом?

Помню. Бес тянет меня за язык, и я интересуюсь:

– А где козочки пасутся?

Мы вместе смеемся, напряжение спадает.

– Это программа, – признается Вика. – Мы пробовали надевать тела животных, но поведение неадекватное выходит. Клиенты нечасто бывают, но зато – у нас есть все. Любые причуды.

Я разливаю шампанское по бокалам, мы чокаемся.

– Нормально, – говорит Вика.

– Да, класс, – соглашаюсь я, ставя опустевший бокал.

– «Абрау-Дюрсо» плохим не бывает. Это ты – «нормально». Я сомневалась, как ты себя поведешь в такой компании.

– А что тут такого? – говорю я голосом человека, каждый день гуляющего в компании проституток и гомосексуалистов.

Вика размышляет.

– Нет, ты пока так не считаешь, – говорит она. – Но это ничего. Главное, что ты соглашаешься на словах. Значит, заставишь себя поверить на самом деле.

– Можно? – Компьютерный Маг стоит возле столика, как-то немыслимо выгнувшись и скорчив просительную гримасу. – Вы не обо мне говорите? Я не помешаю? Можно сесть?

– Садись... – обреченно вздыхает Вика. Маг плюхается на свободный стул, жестом фокусника достает из-за спины бокал и еще одну бутылку. Какой-то банановый ликер.

– Викочка, спасибо! – говорит он. – Я уж думал, буду пропадать в одиночестве! Будешь?

Вместо ответа Вика наливает себе еще шампанского. Я тоже отказываюсь от ликера. Маг плещет его в свой бокал.

– За знакомство! – говорит он. – Я – Компьютерный Маг!

– Я – Стрелок, – машинально отвечаю я.

– Ой! – Маг откидывается на стуле. – Не убивай меня! Это ведь ты два дня «Лабиринт» будоражишь? Вика, поздравляю, ты познакомилась с крутым думером! От него все плачут! Он убивает и убивает, налево-направо!

– Правда, что ли? – спрашивает Вика.

Киваю.

– Никогда бы не подумала, – говорит Вика.

– Должен же и я тебя удивить.

– Стрелок, ты смотри в «Лабиринте» не бедокурь! – восклицает Маг. – А то я у Мадам отпуск возьму, двину в «Лабиринт» да все разнесу! Я вообще-то мирный, но когда разо-

злюсь – кошмар! Держите меня трое, двое не удержат! Вот однажды...

– Маг, – говорит Вика. – Мы беседуем. У нас серьезный разговор. Поболтай с Тиной или с Леночкой.

Маг грустно кивает:

– Вот всегда так... Ухожу, ухожу. Никто меня не любит...

– Я тебя очень люблю, – говорит Вика. – Но Тина со вчерашнего дня в депрессии. Развлеки ее, ты же умеешь.

– Без проблем! – сияет Маг. Прихватывает бутылку и приплясывая движется к столику, за которым черноволосая пышная девушка сосредоточенно пьет водку.

Я только качаю головой.

– У нас здесь свой мирок, – говорит Вика. – Довольно тихий и мирный. Кстати, здесь все девочки появляются только в базовых телах. Не в тех, что мы надеваем для клиентов.

– Так это твое основное тело в виртуальности?

– Да.

Я делаю следующий шаг.

– Имя – тоже? Тебя зовут Викой?

– В *глубине* – да. Я потому и позволила тебе прийти, что ты угадал.

Она грустно улыбается.

– Вначале даже подумала, что ты какой-то шпион, хакер или дайвер, что ты выяснил мою личность...

У меня начинает бешено колотиться сердце.

– А сейчас так не думаешь?

Вика пожимает плечами:

– Кто знает? Но ты мне нравишься. Хочется, чтобы все само собой так совпало. Удивительно и красиво.

Я не успеваю ответить, шторы на двери раздвигаются, высовывается на секунду девичье личико:

– Наташа, Тина, на выход. Зеленый и желтый альбомы.

Пышная девица, к которой уже пристроился Маг, швыряет в дверь бутылку. Вика привстает.

– Элис! – негромко, но отчетливо говорит она. – Подмени Тинку!

Девушка за соседним столиком кивает, но Тина протестующе скидывает руки:

– Вика, я в порядке.

Она говорит через программу-переводчик, но даже та доносит отголоски усталости и злости.

– Поработаю малолеткой. Все в порядке. Меня Кепочка достал вчера.

Один из геев встает, быстро идет между столиками. Обнимает Тину за плечи, что-то шепчет, усаживает обратно. Вопросительно смотрит на Вику.

– Хорошо, Анджей, – соглашается она. – Спасибо.

Гей и одна из девушек выходят в дверь. Вика садится, залпом пьет шампанское. И неожиданно свистящим шепотом говорит:

– Козлы. Все вы, мужики, козлы.

– Кто такой Кепочка? – спрашиваю я.

- Клиент. Постоянный. Я обычно сама с ним работаю, а вчера... была занята.
- Со мной?
- Да, – жестко говорит Вика. – Девчонкам нельзя с ним работать, они после этого сами не свои.
- А что ему нужно?
- Красный альбом.
- Вспоминаю вчерашний вечер.
- Не помню такого.
- Это вкладка в черный альбом. Ее не показывают кому попало. – Вика встает. – Черт. Леня, извини...
- Я тоже поднимаюсь.
- Ты хотел меня куда-то пригласить?
- Да.
- Ну так приглашай!

- В холле я озираюсь, ожидая увидеть Мадам, но она так и не появляется. Ловлю машину, называю адрес – «Три порося»... Вика медленно остывает. Мне очень хочется спросить ее про красный альбом и про Кепочку, но я молчу.
- Нельзя. Пока – нельзя.
- Вот, я тебе показала, как мы живем, – говорит Вика. – Интересно?
- Ничего, – говорю я. – Нормально.

– Ничего... – Вика достает из сумочки сигареты, щелкает зажигалкой. – Нормально...

Мне не нравится, когда девушки курят. Даже в виртуальности.

– Вика, а чего ты ждала? Воплей – «какой ужас»? Я не ханжа. Восторгов? Тоже причин не нахожу.

Она мимолетно касается моей руки.

– Извини, Леня. Я немного переживаю за девчонок. Понимаешь, ты – случайный клиент. Сваливал от погони, забежал в бордель, съехал на моей фотке... Извини. Ты – ни при чем.

Мы подъезжаем к «Трем пороссятам». В виртуальности нет часов пик – поясное время стерло это понятие. Но какие-то случайные приливы-отливы случаются. Вот сейчас, например, зал набит до отказа.

Проталкиваемся к стойке, я кричу бармену:

– Привет, Андрей!

– Привет-привет, – протягивая какому-то клиенту бокал с коктейлем, говорит Андрей. – А ты кто такой?

Ух. Это и впрямь он, а не программа-бармен.

– Леонид, – говорю я.

Андрей морщит лоб. В этом теле он меня не видел и перестраховывается.

– Мужик! – страшным шепотом говорю я. – Ты чего? Опять налоги замучили? Рэкет файло спер? Так скажи, найдем...

Андрей перегибается через стойку, вопит:

– А! Не признал! Вырос-то как! Мужчина!

Вика терпеливо мнется рядом. Ей, кажется, не по себе.

Как и мне в зоне отдыха публичного дома.

– Тебе как обычно? – интересуется Андрей, тянет руку к бутылкам.

– Джин-тоник, один к одному, – усмехаюсь. – Я это, я. Только мы лучше над рекой посидим. В одиночестве.

Андрей слегка морщится и косится под стойку – там у него терминал.

– Все каналы забиты? – ужасаюсь я.

– Тебе один найдем, – решает Андрей. Протягивает руку, нажимает что-то. – Делов-то на копейку... Как удачно! Обрыв связи, один канал освободился! Валяйте, только быстро!

Хватаю Вику за руку, тяну к двери в каменной стене ресторана. В тамбуре приказываю:

– Индивидуальное пространство для нас обоих. Никакого допуска.

– Принято, – шепчет потолок. – Никакого допуска. Вы – гости ресторана. «Три поросенка» желают вам приятного отдыха.

– Как круто, – иронично говорит Вика. – А ты здесь постоянный клиент?

– Да.

Я не вдаюсь в мелкие детали, вроде той маленькой дайверской аферы с розыском и осаживанием рэкетиров, сперших

у хозяина ресторана подлинные финансовые файлы. Если бы я не переубедил ту шайку недоученных хакеров, то Андрею пришлось бы очень крупно раскошелиться. Либо рэкету, либо налоговой инспекции Диптауна. А так... все обошлось миром, даже рэкетеры в итоге остались довольны. Тем, что так дешево отделались.

Мы выходим в осень.

Вика на миг останавливается, осматриваясь. Подбирает с земли прелый лист, мнет в пальцах. Касается коры дерева.

Я жду. Я тоже так топчусь, входя в новые виртуальные пространства. Я при этом, правда, еще и из *глубины* выхожу, оцениваю подлинный облик местности. Вике это недоступно, но у пространственных дизайнеров свои методы.

– Здорово, – говорит она. – Может быть, сам Карл Сиггсгорд работал... Завидую.

– У тебя не хуже, – утешаю я, но Вика качает головой:

– Не во всем. У него потрясающее чувство меры. А я увлекаюсь...

Она по-детски пинает листья ногой, те вяло вспархивают и падают. Они уже свое отлетали.

– Пойдем. – Я беру ее за руку, веду к реке. Столик накрыт, словно бы для банкета. На большом блюде – фирменная жареная свинина «По-пороссячи». Есть и мой любимый глинтвейн, и приличный набор вин.

Вика на стол не глядит, она стоит над обрывом, вглядываясь в даль. Я становлюсь рядом. У противоположного бере-

га поток полощет ветви поваленного дерева. Наверное, была буря. Это пространство тоже живое, как и Викины горы.

– Спасибо, – говорит Вика, и мне становится хорошо. Я думаю, что надо еще показать ей морской берег и кусочек старой Москвы, которые примыкают к ресторанчику. Но это тоже – потом. У нас еще будет время, я уверен.

Иначе зачем все?

– Знаешь, я очень редко выхожу из своего пространства, – говорит Вика. – Не знаю почему. – Она колеблется, но продолжает: – Наверное, боюсь увидеть тех, кто приходит к нам... увидеть их такими, какими они могут быть. Веселыми, добрыми, славными людьми.

– Почему?

– Тогда получится, что все люди двулики. Мы ведь помойка, Леонид. Помойка, куда выкидывают всю дрянь, что скопилось в душе. Страх, агрессию, неудовлетворенные желания, презрение к самим себе. В твоём «Лабиринте», наверное, то же самое.

– Он не мой. Я там по делу.

– Тогда тебе легче. А к нам приходят сопляки, которым не терпится стать мужчинами, мужчины, которым надоело ими быть, затюканные подругами парни с желанием покуражиться... Порой приходят, пробуют все альбомы. Говорят: «Надо все в жизни испытать».

Я опять сдерживаюсь и не спрашиваю, зачем она работает в «Забавах».

– Почему мы тянем за собой в будущее самое худшее, что в нас есть? – говорит Вика.

– Потому, что оно есть. И никуда не деться. Представь, что вокруг – джентльмены в смокингах, дамы в вечерних туалетах, все говорят умные красивые слова, вежливы и культурны...

Вика тихо смеется:

– Не верю.

– Я тоже. Любое изменение общества – техническое, социальное, или комплексное – как *глубина*, никоим образом не меняло индивидуальной морали. Постулировалось все, что угодно – от презрения к холопам до равенства и братства, от аскетизма до вседозволенности. Но выбор всегда совершался индивидуально. Глупо считать, что виртуальность сделала людей хуже, чем они есть. Смешно надеяться, что она сделает их лучше. Нам дали инструмент, а будем мы им строить или разбивать черепа – зависит от нас.

– Инструмент не тот, Леня. Все понимают, что на самом деле сидят дома или на работе, таращась в экран или нацепив шлем. А потому – можно все. Игра. Мираж.

– Ты говоришь, как тюринцы.

– Нет, их подход мне тоже не нравится. Мне вовсе не хочется превращаться в поток электронных импульсов.

– Вика... – Я кладу руку на ее плечо. – Не стоит загадывать, не стоит переживать. *Глубине* – пять лет. Она еще ребенок. Хватает все, что попадает под руку, говорит глупости,

смеется и плачет невпопад. Мы не знаем, во что она вырастет. Не знаем, не появятся ли у нее братья и сестры, которые будут лучше. Надо просто дать ей срок.

– Надо дать ей цель, Леня. Мы нырнули в этот мир, не разобравшись с тем, что осталось за спиной. Не умея жить в одном мире – породили другой. И не знаем, куда идти. К чему стремиться.

– Цель появится, – без особой уверенности говорю я. – Опять-таки дай срок... дай *глубине* осознать себя.

– А может быть, она уже осознала? – говорит Вика насмешливо. – Ожила. Как в фантазиях людей, никогда в ней не бывавших? Может быть, среди нас ходят люди, которых нет в реальном мире? Отражения пустоты? Может быть, ты или я вовсе не существуем? И все наши представления о реальности – это фантазии ожившей сети?

Мне вдруг становится страшно.

Нет, я не склонен считать, что меня на самом деле нет.

И за Вику почти спокоен.

Но, кажется, я знаю кандидата на «отражение пустоты».

А Вика продолжает, словно задавшись целью свести меня с ума:

– Представь, как это может быть. Сотни тысяч, а может быть, уже миллион компьютеров включены в сеть постоянно. Потоки информации мчатся между континентами, оседают на хостах и роутерах, откладываются в памяти машин. Несуществующие пространства живут по своим законам, меня-

ются. Падает листва с деревьев, наши шаги оставляют следы, наши голоса заставляют срываться лавины. Информация дублируется, путается, смешивается. Программы послушны, они создают муляжи, личины, но кто знает, как скоро личина наполнится подлинным разумом?

– Любой хакер помрет от смеха, слушая тебя, – говорю я деревянным голосом.

– Я не хакер. Я просто смотрю на то, что происходит вокруг. И думаю, что увидел бы человек ниоткуда, появившись в Диптауне, твердо считая, что он настоящий и живой? Кривляющихся фигляров? Людей, которые бегают по «Лабиринту» и радостно убивают друг друга? Психопатов, оттягивающихся в борделях? Вокруг есть все, что существует в реальности. Небо и солнце, горы и моря, города и дворцы. Пространства в пространствах, смешение времени и народов, достоинства и пороки. Все! Все и ничего. Нам нужно лишь то, что ненавистно в реальной жизни. Смерть, кровь, фальшивая красота и заимствованная мудрость. Так что подумает *глубина* о людях, если она научится думать?

Я молчу. Я вспоминаю Неудачника, который убивает монстров из пистолета, но никогда не стреляет в игроков. Который не говорит своего имени и адреса. Который уже двое суток висит в виртуальности – но у него не заплетается от жажды язык и не подламываются ноги. Который не понимает, что убегаящий от мутантов ребенок – всего лишь сотня килобайт программы на сервере тридцать третьего уровня.

Я вспоминаю слова Человека Без Лица – «Теперь кое-что изменилось». Это же была прямая подсказка – вместе с воспоминаниями о Боссе-Невидимке и Заблудившемся Пойнте. Случилось то, что не имеет аналогов, кроме как в фольклоре.

И меня начинает бить дрожь.

Не может быть случайностей пятнадцать раз подряд – дайверы «Лабиринта» вытащили бы Неудачника... не препятствуй этому сама сеть. Неудачника некуда вытаскивать из *глубины* – он живет лишь в этом мире. Он прикован к «Лабиринту», к миру выстрелов и предательств, крови и руин. Он погибает и оживает, не понимая, что происходит с ним.

– Вика... – шепчу я. – Вика, не дай бог...

– Что? – Она смотрит на меня и отступает на шаг. – Что с тобой?

– Не дай бог, ты права... – шепчу я. – А мне кажется, что ты права....

Она хватает меня за руку, сжимает крепко, почти до боли, кричит:

– На сколько ты ставил таймер? Где ты живешь? Леня, опомнись! Ты живой, ты настоящий! Я несу чушь, чушь!

Мне делается смешно – Вика испугалась за меня.

– Я в порядке, – говорю я. – Я живой и настоящий. У меня не дип-психоз. Но я знаю человека, который не может быть живым.

Как ни странно, но Вика успокаивается. Я бы на ее месте наоборот – еще больше испугался.

– Я тоже с такими встречалась... – заявляет она.
Качаю головой.

– Вика, я знаю человека, который ведет себя, как в твоей фантазии. Не различает реальности и яви. Не ведает границы, живет, а не играет в *глубине*.

Она догадывается мгновенно:

– В «Лабиринте»?

– Да.

– Это называется потерей реальности. Нервный срыв, и ничего больше.

– Я видел нервные срывы, – говорю я. – Это... это другое.

– Ленка, – Вика улыбается, – я наговорила глупостей, а ты испугался... Знаешь, аналогии фальшивы.

Мне хочется рассказать ей все. Про Человека Без Лица и Неудачника. Про случайности, которые стали системой. Но я подписывал контракт, обещая конфиденциальность.

И еще – мне придется сказать, что я дайвер.

А у меня есть опыт таких признаний.

Я догадываюсь, о чем думают девушки, целуясь с дайвером. «Сейчас он выйдет из *глубины*, и мое лицо превратится в маску из крошечных квадратиков-пикселей. Он свободен здесь, а я пленница...»

Не хочу, чтобы Вика так думала. Не хочу, чтобы это стало стеной между нами.

– Ты права... – шепчу я. И Вика прижимается ко мне.

Мы стоим над обрывом, целуясь, и река ревет под нами,

а ветер треплет волосы. Одиноким птичий крик, секундный проблеск солнца в разрыве туч, ковер листьев под ногами. Он мягкий и пахнет пряным. Я снимаю с Вики платье, а она помогает раздеться мне. Я целую ее тело, мои губы касаются живого тепла, не я в *глубине*, это *глубина* во мне, это наш мир – вокруг, я не уйду отсюда никогда, мы затеряемся в этих лесах и найдем дорогу к горам, что видны из ее окна.

Вика что-то шепчет, но я не слышу слов – мы слишком глубоко, мы вышли за пределы всех пространств.

Потом наступает короткий миг, когда пространства сливаются воедино.

Мы вместе – сквозь расстояния и неизвестность.

– Не уходи от меня, Стрелок, – шепчет Вика. – Только посмей уйти...

– Я не уйду, – говорю я. Мы прижимаемся друг к другу, ветер скользит по коже, мокрая листва холодит спину. Я смотрю вверх, но тучи клубятся, кружат подо мной, еще миг – и я упаду в небо, потеряюсь в реальностях вслед за Неудачником...

– Кто ты, Леня?

Но я не могу ответить. Снова привлекаю Вика к себе, и наши губы соприкасаются, делая слова пустыми и ненужными.

– Мое время кончается, – шепчет Вика. – Мне надо выходить... вот-вот...

Я понимаю. Я обнимаю ее еще крепче, словно в моих си-

лах остановить бег таймера на том конце невидимой нити, удержать Вику в *глубине* еще минуту, еще миг...

– Приходи. – Вика вскидывает голову, приподнимается надо мной на локтях. – Приходи сегодня, я буду ждать.

Киваю, тянусь к ней – но уже поздно.

Ее тело бледнеет и меркнет, рассыпается облаком сиреневых искр, платье на земле тает, словно пригоршня снега. Миг – и я остаюсь в одиночестве, под небом, которое просит упасть в него, затеряться в облачном тумане, стать еще одним человеком, не знающим грани между мирами.

И Вика будет со мною всегда, мы станем равны, и мне никогда не придется отвечать поцелуем на вопрос...

Я мотаю головой, с силой тычусь в жухлую листву.

Это бывает. Всем дайверам знаком миг, когда хочется стать таким, как все.

Надо бежать...

Глубина-глубина, я не твой... отпусти меня, глубина!

Экранчики перед глазами, холодный ветер из кондиционера.

– Съела? – спросил я *глубину*. – Вкусно? Зубки не болят?

Глубина молчала. Ей нечем ответить. Она вновь проиграла.

Мир словно разломился на две половины. На ту, где была любовь, и на ту, где я катался по полу, обнимая пустоту. Будь проклято это раздвоение – после которого чувствуешь себя идиотом.

Я снял шлем. Тело было ватным, разбитым. Отоспаться бы. Потянувшись, я вырвал кабель костюма из порта.

– Сбой периферии! – испуганно сказала «Виндоус-Хом». – Леня, проверь разъемы виртуального костюма!

– Пауза, – приказал я. Распрямился, вставая.

Костюм надо постирать.

Я прошел в ванную, разделся, влез под душ. Постоял полминуты, ловя запрокинутым лицом тугие струи воды. Потом подхватил с пола костюм, взял кусок хозяйственного мыла и занялся стиркой.

Вот так обычно и портят дорогостоящие вещи – поленившись... или постыдившись... идти в химчистку.

Предельно аккуратно выстирав костюм, я повесил его на плечики и зацепил на крюк над ванной. Потекли струйки воды. Выжимать ткань, внутри которой идут сотни проводов, датчиков и имитаторов давления – еще большее безумие, чем стирка. Ладно, понадеемся на репутацию фирмы «Филипс». Может быть, они учли даже русскую безалаберность.

Мой старый виртуальный костюм – китайский, но довольно приличный, валялся в шкафу. Я все собирался его продать, но не находил времени дать в сеть объявление. Теперь это меня порадовало.

Натянув трикотаж веселенькой расцветки, я прошелся по комнате. Ничего. Немножко маловат стал, но пойдет. Помахивая шнуром, я даже стал что-то насвистывать.

Викины слова – чушь. Она и впрямь фантазировала, а я утратил критичность. Сеть – это просто сотни тысяч компьютеров, подвешенных к телефонным линиям. Виртуальность – домыслы сознания.

Невозможен электронный разум на базе «пентиумов» и «четверок».

Это любой компьютерщик объяснит... если не поленился спорить с очевидной глупостью.

Я воткнул разъем в порт, и «Виндоус-Хоум» радостно сообщила:

– Обнаружено новое периферийное оборудование. Провести подключение?

– Да.

Мой основной костюм будет сохнуть дня три. Пускай уж «Виндоус-Хоум» подключит старый костюм как следует.

– Датчики движения... тест прошел... имитаторы давления... тест прошел... энергопотребление... тест прошел... ограничение критических перегрузок... тест провален! Внимание, данная модель виртуального костюма не укладывается в предельно допустимые параметры безопасности! Возможен дискомфорт при виртуальных контактах! Не рекомендуется...

– Продолжить тест, – приказал я. Все китайские костюмы страдают этим грехом – непоправимым, с точки зрения западноевропейцев и американцев. Если в виртуальности меня расплющит бетонной плитой, то костюм может отреаги-

ровать очень уж энергично и оставить на теле пару синяков. Честно говоря, меня это не особо тревожит.

– Тестирование завершено. Рекомендуются прервать подключение оборудования.

– Принять оборудование, – надевая шлем, сказал я.

– Ты серьезно? – спросила «Виндоус-Хоум».

– Да.

– Оборудование подключено, – скорбно согласилась программа.

deer

Ввод.

Ветер усилился. Я ежусь, отступая от обрыва. У меня мокрая голова, и стоять тут не очень-то уютно.

Особенно одному.

Беру термос, наливаю себе глинтвейн. Пару глотков, просто чтобы согреться. Мы еще придем сюда, вместе с Викой.

Очень надеюсь, что ей здесь было хорошо. Не так уж много в виртуальности мест, которые мне безоговорочно нравятся.

– Пока, – говорю я реке, ветру, осеннему лесу. Иду к выходу.

Если прогуляться до «Лабиринта» пешком, то я как раз убью остаток времени.

А дайверы закончат свои попытки спасти Неудачника.

Почему-то я уверен, что у них ничего не выйдет.

Первое, что я вижу, выходя на тридцать третий уровень, – развалившийся на газоне Анатоль. Моя первая мысль – что и на старуху бывает проруха. Но Анатоль приподнимает голову и машет мне рукой.

Неудачник тоже на месте – в своем уголке.

– Эй, Стрелок! – Анатоль явно не собирается менять горизонтальное положение на вертикальное. – Ползи сюда!

Я присаживаюсь рядом, вопросительно киваю.

– Мы хотим отказаться от этого... – Анатоль кивает на Неудачника: – ...задания.

Молчу. Пусть выговорится.

– Я в карму не верю, – говорит Анатоль. – Если человека тащишь к выходу, бережно, как хрустальную вазу, а он дохнет – значит сам того хочет.

– То есть?

Анатоль снижает голос до шепота:

– Слушай, у тебя свои резоны его спасать... пробуй. Но вначале подумай – он двое суток в *глубине*. Видал таких орлов раньше?

– Да.

– Голос охрипший, ходит как автомат, понимает все с третьего раза... Так?

Смотрю на Неудачника и качаю головой.

– Значит, он ест и пьет. Посещает сортир. Ориентируется в происходящем. – Анатолий привстает, садится на корточки. – Стрелок, этот парень нас за идиотов держит. Либо он здесь по заданию дирекции – проверяет, как мы работаем. Либо – такой же дайвер, как и мы. Либо – и то, и другое разом.

Мне нечего ответить, Анатолий, конечно же, прав. С точки зрения нормальной логики иных вариантов быть не может. Но у меня в последнее время нелады с нормальностью.

– Крейзи пошел в дирекцию, – говорит Анатолий. – Или они признаются, что устроили проверку наших способностей, или пусть не требуют невозможного.

– Они решат, что Неудачник – дайвер, – соглашаюсь я.

– Вот!

– Это очень удобная версия, Анатолий. Шутник дайвер, решивший поиздеваться над индустрией развлечений и своими коллегами... Не останавливать же весь «Лабиринт» из-за такой мелочи.

– Стрелок, я пер его через весь уровень, – устало говорит Анатолий. – В зеркальном зале перестрелял гвардейцев.

Киваю. С его снаряжением и опытом – это возможно.

– Знаешь, что было потом? – В голосе дайвера прорывается злость. – Он уронил винтовку. И та шарахнула его прямо в лоб!

Я молчу. Что тут скажешь?

Неудачник не хочет выходить с уровня...

– Сил у меня нет... – Анатолий сплевывает на травку. – Видеть его, козла, не могу. Не то что спасать.

– Анатолий, бесцельно ничего не делается.

– Тогда чего он добивается? А? Я тебе скажу! Чтобы мы разорвали контракт! Чтобы самому устроиться на тепленькое место! Одному... или в паре с кем-нибудь. С дайвером, который его якобы спасет!

Он смотрит мне в глаза, и я принимаю вызов:

– Ты обвиняешь меня в двойной игре?

Дайверы не подставляют дайверов. Нас слишком мало. Для того и был создан Кодекс, для того мы и собираемся три раза в год, пренебрегая осторожностью и взаимным недоверием.

Если дайверы начнут в Диптауне разборки между собой – пострадает вся сеть. А жизнь сети – главное. И без того у нее достаточно врагов в реальном мире.

– Не знаю. – Анатолий отводит глаза. – Нет, наверное. Извини. Но тебя тоже подставляют. Кто заказал тебе спасение Неудачника?

– Анонимное лицо. У меня есть канал связи с ним, но боюсь, что он одноразовый и слишком хорошо защищенный.

– Этот аноним может быть дайвером?

Пожимаю плечами.

– Вот и делай выводы. Мы уже опростоволосились, ты нашумел на весь «Лабиринт», но тоже облажаешься. Тогда придет дяденька со стороны, вытащит Неудачника и получит

контракт.

Анатолий встает, расстегивает бронекостюм на груди, деловым тоном предлагает:

– Пали.

– Что?

– Убивай меня. Тогда ты сможешь забрать все снаряжение. Или собрался со штуцером воевать?

Я колеблюсь, и Анатолий качает головой:

– Ну Стрелок, ты сам как Неудачник...

Он приставляет к груди свой плазмоган, нажимает на спуск. Короткий взрыв, хлещет кровь, но он еще жив. Очень велик запас сил у дайверов «Лабиринта».

– Твою мать! – хрипит Анатолий и стреляет в себя повторно.

Бронекостюм весь в крови, но я стараюсь не обращать на это внимания. Снимаю доспехи, натягиваю на себя, подбираю оружие, амуницию, боеприпасы.

Неудачник то ли не смотрит на нас, то ли не реагирует на столь необычную процедуру обмена снаряжением.

Иду к нему и сажусь рядом. Все как в первый раз. Опущенная голова, вялый взгляд из-под маски. Неужели он и впрямь дайвер? И сидит сейчас за чашкой кофе с бутербродом, поглядывая на экран, готовый в любой момент нырнуть в *глубину* – и начать морочить мне голову...

– Тебе не скучно здесь? – спрашиваю я. Секунда – интересно, на что она ушла, на обдумывание ответа или на под-

ключение дип-программы? – И Неудачник хрипло произносит:

– У меня нет выбора.

– Почему же? Давай выйдем из «Лабиринта». Ты бывал в «Трех поросятах»? Или в «Старом Хакере»?

Неудачник качает головой.

– Там куда интереснее, – говорю я. Мы сидим рядом, я держу «BFG-9000» на коленях, готовый в любой момент сжечь любого противника. С таким снаряжением мы пройдем. Не можем не пройти. Но я пока не спешу. – Кстати, спасибо тебе.

– За что?

– Ты прикрыл меня в зеркальном зале.

Неудачник стягивает респиратор. Я вдруг замечаю, что у него очень странные движения. Какая-то редкая мягкость и пластика – словно каждый жест доставляет ему наслаждение. Так порой ведут себя самовлюбленные актеры. Но в отличие от них, Неудачник не вызывает раздражения.

– Разве это требует благодарности? – Говорит он с иронией.

– Да, – отвечаю я. – Разумеется.

– Ты поступил бы иначе?

– На твоём месте – да.

Пауза. Неудачник, кажется, удивлен.

– Почему?

– Ты в беде. Тебя надо вытаскивать из «Лабиринта».

– Это не я в беде. – Неудачник качает головой.

– Ты – дайвер? – в лоб спрашиваю я.

– Нет.

– Парень, не морочь мне голову. Ты двое с лишним суток в *глубине*. Ты должен погибаться от жажды и голода.

– Жажда – не самое страшное.

– А что страшнее?

– Тишина.

– Что?

– Тишина, Стрелок.

Он смотрит мне в глаза. Я не отвожу взгляд. Наши лица рядом.

Его глаза оживают, в них больше нет вялой беспомощности. Черная *глубина*... бесконечная темнота, словно я смотрю в ночное небо, где в один миг погасли все звезды. В водоворот тьмы, засасывающий и безмолвный, за грань миров.

– Тишина, – шепчет Неудачник.

Я чувствую ее, эту Великую Тишину, о которой он пытается сказать. И хорошо, что он теперь молчит. Слова беспомощны, они царапают покров Тишины, не в силах пробить его и лишь мешая понять.

Тишина.

Кто бы он ни был, Неудачник, – он знает о ней больше, чем кто-либо в мире.

Еще миг – и я упаду в Тишину. Пойму Неудачника.

Я не хочу его понимать!

– Вот чего я боюсь... – говорит Неудачник, и наваждение рассеивается. Я просто сижу рядом с ним. Два нарисованных человечка, обменивающихся туманными фразами.

Интересно, сходят ли с ума в *глубине*? Может быть, я буду первым?

– Почему ты покончил с собой? – спрашиваю я.

– Когда?

– Анатолий вывел тебя, ты уронил винтовку и пальнул себе в лоб. Хочешь сказать, это была случайность?

– Случайностей не бывает.

– Тогда – почему?

– Анатолий не сможет меня вывести.

– Почему? – кричу я. Разговор глухих, ничего не объясняющие ответы.

Неудачник не отвечает.

Ну и пусть.

Хватит с меня загадок. Я его просто выведу.

И не будет у него выхода – никакого, кроме как уйти с уровня.

– Вставай! – кричу я. Хватаю Неудачника за плечи, заставляя встать. Вытаскиваю из кобуры его пистолет, разряжаю и выкидываю.

– Пошли! Марш!

Он не спорит, да и попробовал бы поспорить... Если надо, я потащу его на плечах.

Не будет у него иного выхода.

Мы проходим «Диснейленд» насквозь, я расстреливаю монстров, не экономя зарядов. На этот уровень их хватит с лихвой.

Гранатомет раскаляется от непрерывной стрельбы, я обжигаю плечо даже сквозь броню. Ерунда.

На площадке с машинками вновь удирает от трех юрких демонов ребенок. Только на этот раз не черный, а латиноамериканец. Ох уж мне эти американские расовые комплексы... Неудачник останавливается как вкопанный, и приходится повторять короткую дуэль с демонами и пауком-пулеметчиком. Идем к зданию, на которое указал ребенок. Но на этот раз Неудачник держит малыша крепко, и тому не удастся вырваться. Вместо него в дверь вхожу я.

Почти весь холл занимает полупрозрачный колышущийся бурдюк с зубами. Ракеты проходят сквозь него насквозь, не взрываясь. Сжигаю тварь из плазмогана, затрачивая две энергетические ячейки.

В следующей комнате, опутанные слизистой паутиной, дергаются двое – мужчина и женщина. Их охраняет мелкий монстр, который даже не пытается меня атаковать, а бросается приканчивать пленников. Расстреливаю его из винтовки, вместе с Неудачником освобождаю родителей мальчика. Дальше все по стандартному сценарию – рассказ про ужасы инопланетного нашествия, советы по поводу прохождения зеркального лабиринта и торжественный дар – плазмоган. Программы примитивные, они не замечают, что у меня

уже есть это оружие. Зеваю, принимая подарок. Воссоединенная семья удаляется. Все картинно до отвращения – ребенок идет посередине, трогательно цепляется за руки родителей... Надо понимать так, что они выберутся из Сумеречного Города. Поглядываю на Неудачника – тот вполне серьезен. Словно и впрямь спас три человеческие жизни.

Идем к зеркальному лабиринту. Оружие Неудачнику я так и не даю. Мне вовсе не нужен фокус с падающими и стреляющими винчестерами.

– Значит, так, – командую я. – У входа в зал ты останавливаешься. Ждешь, пока я тебя позову. Потом спокойно подходим к компьютеру, и ты убираешься отсюда домой. Хорошо?

– Да.

– Ты понял меня? Никаких глупостей делать не будешь?

Неудачник смотрит мне в глаза:

– Глупость – это прикрывать тебя от выстрела?

– Да! Я разберусь сам, а ты выйдешь отсюда. Понял?

– Понял.

Ох, не верится мне в его искренность... Но делать нечего. Проходим зеркальными коридорами, у входа в зал я хлопаю Неудачника по плечу. Тот послушно останавливается.

– Жди. Жди меня, и я вернусь, – говорю я. Делаю шаг к проему, но не выдерживаю, оборачиваюсь.

– Слушай... кто бы ты ни был... Я очень устал.

Неудачник кивает.

– Мне надоели эти глупости, – говорю я. – Пообещай, что не выскочишь под выстрелы. Пообещай, что никуда не уйдешь. Я хочу тебя вытащить и вернуться домой.

– Я сделаю все, как ты говоришь, – произносит Неудачник. И я неожиданно ему верю.

– Спасибо, – шепчу я, прежде чем рвануться в зал.

И начинается огненная карусель.

Гвардия Принца Пришельцев палит в меня с тринадцати балкончиков, я тоже стреляю – наугад. «BFG-9000» выжигает три зеркала одним залпом. Помещение наполнено серебряным дымом. Пули колотят по броне, сбивая меня на пол. Стреляю в падении, вращаясь на спине, словно в забытом танце своей юности – «брейке», еще два раза стреляю. Три зеркала, три зеркала, три зеркала...

Последняя зеркальная грань, и уже настоящий балкончик с двумя монстрами. Они залиты зеленой кровью, «BFG» изрядно посек их чешуйчатые тела. А моя броня еще держится, помятая, раскаленная, но по-прежнему надежная.

Последний выстрел – огненный шар, треск вторичных разрядов... Монстры кричат, умирая, превращаясь в вихри черного пепла.

И наступает тишина.

Зеркальный зал выжжен и разрушен, лишь выходной компьютер торжественно мерцает экраном среди погрома.

– И пришла тишина... – шепчу я, поднимаясь на колени. Спасибо тебе за броню, Анатолий, спасибо... – Неудачник!

Слабый звук из коридора – неуверенный шаг. И два коротких хлопка – выстрелы из штуцера.

Мне не надо ничего объяснять.

И утешать меня не надо.

Я пры к проему, перешагиваю через окровавленное тело Неудачника, смотрю в зеркальную бесконечность коридора.

Алекс стоит в окружении своих бесплотных двойников, опустив штуцер. Он в остатках бронежилета, его лицо в крови. Дуло штуцера смотрит в пол, навстречу отражению.

– У меня нет больше патронов, – говорит он.

Откидываю «BFG-9000», снимаю с пояса пистолет. Тыкаю дулом в лоб Алекса, так, что тот отшатывается.

Даже злости нет.

Алекс молча ждет выстрела.

– Садись, – говорю я, опуская оружие. – Садись, гад...

Он садится, и я сажусь рядом с ним на полу, а тело Неудачника, которому опять не повезло, слепо смотрит в потолок.

– Зачем ты его убил?

– Я... хотел убить тебя, – говорит Алекс. – Я гнался за тобой. Боялся опоздать. Не заметил, что он без оружия.

– А меня – зачем?

Алекс кривится в улыбке:

– Ты меня шлепнул на первом уровне. Забыл, что ли?

– Нет. И эта вся причина?

– Мы же договорились идти совместно!

Боже, за что мне такое наказание?

– Ты хочешь сказать, что не собирался пристрелить меня сам? Из-за лишней обоймы?

– Подумывал, – спокойно признается Алекс. – Но я ведь тогда еще не решил. А ты меня убил.

И вот тут меня разбирает хохот. Я валюсь на пол, утыкаясь шлемом в ногу Неудачника. Колочу рукой по зеркальному стеклу.

– Урод! – кричу я. – Дубина!

Почему-то Алекс обижается.

– Я ведь в тебя не выстрелил! – кричит он. – А ты в меня – да!

– Парень, да ты с катушек съехал! – говорю я. – Мститель, мать твою... Зорро недоделанный... Я – дайвер! Пони-маешь? Парнишка, которого ты шлепнул, двое суток в *глу-бине!* У него таймер отключен! Он загнуться может, если я его не вытащу! А ты, со своими комплексами... идиот, иди-от...

– Дайвер? – тупо повторяет Алекс.

– Дайвер! – Мне сейчас плевать на вечную конспирацию. – Мне на этот «Лабиринт»... с сорокового этажа! Я пытаюсь спасти человека – а ты играешь в войну, щенок! Сколько тебе лет, мальчик?

Алекс отвечает не сразу. Но все-таки отвечает:

– Сорок два.

Меня охватывает новый приступ хохота.

Вот оно, царство Питера Пена, остров вечных детей.

Разменявший пятый десяток лет любитель военных игр.

В виртуальности нет возраста. И солидный пожилой бизнесмен, и безусый пацан, дорвавшийся на работе до компьютера с модемом, – все равны.

Все вправе бегать по нарисованным лабиринтам, вспоминая детские правила чести и крича «Не считово!».

Каждый может играть в благородных героев и отважных рыцарей, забывая о том, что жизнь куда сложнее десятка ветхозаветных заповедей.

– Мне очень жаль, – говорит Алекс. – Я не знал, что вы занимаетесь такой серьезной работой...

Боже, как смешно... Нет, ничего серьезного, я сюда пописать пришел...

– Если я могу оказать какую-то помощь... – сдавленно говорит Алекс. – Оплатить время, которое вы затратили...

– Время не купишь, – отвечаю я. Все-таки лучше бы Алекс продолжал вести себя как юный программист... – Сейчас где-то умирает от голода и жажды парень, в которого ты всадил свои сраные пули!

– Мне очень жаль... – Алекс встает, подходит ко мне. Я смотрю на него, не делая попыток подняться. – Просто вы вели себя неэтично. Выстрелили в меня без явной причины...

Бесполезно с ним разговаривать...

– Может быть, я и не прав. – Его голос слегка крепнет. – Но, понимаете, всему виной послужил ваш первоначальный поступок. Вы, очевидно, моложе меня...

Я смотрю в потолок, на отражение Неудачника. На окостеневшее, мертвое лицо.

– Однако вы должны не хуже меня понимать, что мы находимся в мире не-реальном, несуществующем, – вещает Алекс. – Это опасная иллюзия... люди способны легко утратить свои жизненные ориентиры, моральные нормы, поддаваться ощущению вседозволенности. Может быть, мой поступок был не совсем верным, но я всегда пытаюсь сохранить обычные человеческие императивы. «Лабиринт» – это игра, однако в ней воплощены вечные идеалы. Идеалы рыцарства, если хотите. Бой добра со злом.

Еще один борец с иллюзиями. Сколько их было на моей памяти – людей, пытающихся сделать *глубину* точной копией реального мира. Самое смешное, что наиболее шумным был писатель-фантаст...

– Вы изначально повели себя нечестно, – говорит Алекс. – И вот... печальный итог. Знаете, дайвер, ведь так всегда происходило. С сотворения мира. Вся история – живой пример!

– А в кипящих котлах прежних боен и смут... – шепчу я. – Столько пищи для маленьких наших мозгов!

Алекс замолкает.

– Ты свел со мной счеты? – спрашиваю я. – Ну говори, свел? Или хочешь еще меня лично пристрелить? Валяй!

Кидаю ему пистолет. Раскидываю руки.

– Я... вовсе не о том... – бормочет Алекс. – Если бы вы просто признали собственную неправоту, этого было бы

вполне достаточно...

– Признаю, – говорю я, обеими руками водружая на грудь трубу гранатомета. – Признаю. Надо было ждать, пока ты меня застрелишь. Доволен?

Алекс отступает на шаг, протестуяще взмахивает руками. Он вовсе не удовлетворен таким исходом, он не успел оправдаться в собственных глазах.

Глубина-глубина, я не твой...

А спусковая скоба тугая, я едва ухитрился нажать ее.

На экранчиках шлема – кровь.

А внутри меня – тишина.

Нет, я не вытягивал из *глубины* неудачливого игрока и не пытался перехитрить беспринципного коллегу. Это сеть.

Сама виртуальность восстала против меня.

Часть третья

Человек без лица

00

Я присутствовал при рождении виртуального пространства. Одним из первых опробовал дип-программу Дибенко. И мистического страха простого человека перед компьютером во мне нет.

Арифмометры разумными не бывают.

Вика может фантазировать по поводу самозародившегося электронного разума – я не могу в него поверить. Все, что происходит в *глубине*, – лишь пересечение различных программ. Если происходящее выходит за рамки возможного – значит за этим стоит человек.

Но кто, кто может стоять за бесконечными смертями Неудачника?

Хороший дайвер или просто опытный обитатель *глубины* способны подстраивать собственную смерть раз за разом. Все эти оброненные штуцеры – ерунда. Но почему Неудачнику подыгрывает сама сеть? Почему Алекс ухитрился догнать нас именно в тот момент, когда Неудачник остался вне моей охраны? Случайность?

И два профессионала, ведущих Неудачника к выходу, то-

же не смогли уберечь его от случайностей?

Не могу в это поверить.

Я сижу в раздевалке «Лабиринта», вновь войдя в *глубину*, униженный и посрамленный, дайвер-неудачник, посчитавший себя умнее других. *Глубина-глубина...* как легко и незаметно ты меня раздавила. Бой проигран, если враг не вышел навстречу.

Не зря Человек Без Лица предлагал мне такую награду за спасение Неудачника. Он знал куда больше, чем сказал. Меткая стрельба и хорошая реакция не помогут.

Значит, и мне пора перестать колотить в нарисованную дверь. Надо искать настоящий выход.

Я скидываю броню и снаряжение в шкафчик, лезу под душ, минуту тихо верчусь под ледяными струями. На место растерянности и бессилию приходит злость. Прекрасно. Здравствуй, злость. Ты – то, что мне нужно. Хватит игр по правилам.

Одевшись, я выхожу в колонный зал.

– Администрация «Лабиринта» просит Стрелка пройти к начальнику Службы Безопасности, – немедленно разносится в воздухе. – Администрация...

На меня поглядывают, когда я направляюсь к двери, через которую в прошлый раз прошел Гильермо. Толкаю ее – не заперто.

Особнячок администрации на этот раз оживлен. Меня пустили в общее рабочее пространство сисопов «Лабирин-

та» – я могу видеть их, а они – меня. Впрочем, вряд ли я кого-то здесь заинтересую. Иду по коридорам, заглядывая в стеклянные двери – за ними терминалы, парни и девушки за компьютерами. За несколькими дверями – целые залы, где на огромных столах водружены макеты. Макеты уровней «Лабиринта» – холмы и овраги, здания и руины, реки и полыхающие пожарища. Вокруг макетов лениво похаживают люди. Вот какой-то парень, склонившись над макетом, выливает в крошечную речушку колбу зеленой жижи. Речушка начинает бурлить. Парень толкает стоящего рядом товарища, тот смотрит на испоганенный пейзаж и пожимает плечами.

Вот как конструируются уровни. Точнее – их скелет, каркас, который дальше начнет жить своей собственной электронной жизнью, заселится монстрами и игроками. Несколько недель или месяцев уровень будет будоражить воображение завсегдатаев «Лабиринта». Потом его сменят.

– Вы – Стрелок?

Девушка подходит ко мне неслышно и незаметно. Красивая, белокурая.

– Да.

– Идемте, господин Агирре ждет вас.

Иду следом. В общем-то, я знаю, что мне сейчас скажут. Но почему бы не потратить десяток минут на формальности?

Гильермо стоит у окна в «Лабиринт», темный силуэт на фоне кровавого зарева. В треугольной комнате все продума-

но – хозяин кабинета на фоне окна кажется маленьким, потерянным... и приковывает взгляд. Входящий – в вершине пирамиды, невольно преисполняешься сознанием важности своей персоны... и чувствуешь себя неуютно.

– О, Стрелок! – Гильермо энергичным шагом двигается навстречу. – Садитесь, садитесь...

– Вы разрываете контракт? – прямо спрашиваю я.

Гильермо останавливается. Трет переносицу.

– Н-да... вы говорили с Анатолом, Стрелок?

– Говорил.

Как будто он не контролировал наш разговор...

– Стрелок, вы согласны с мнением наших дайверов, нет?

– Нет.

– Почему?

– Разве это что-то изменит? – вопросом отвечаю я. – Вы уже приняли решение отказаться от спасения Неудачника.

– Я решения не принимал, – говорит Гильермо. Слегка акцентируя «я».

– Но контракт расторгаете?

Гильермо вздыхает:

– Мы ценим ваши попытки помочь... значительно ценим.

Первый раз его речь становится неправильной, и я понимаю – Гильермо общается не через программу-переводчик, он знает русский. Знает чертовски хорошо. Приятно. Но неудивительно – русские составляют очень большой процент игроков. Видимо, потому, что наша знаменитая нацио-

нальная безалаберность жива до сих пор... и многие фирмы, не подозревая о том, платят за развлечение своих сотрудников, а не за работу в *глубине*.

– Но сложилось мнение, что сейчас мы столкнулись с акцией враждебно настроенного дайвера. Продолжать миссию спасения – это поддерживать его планы. Так?

Я киваю. В голосе Гильермо нет уверенности. Но и мне нечего противопоставить словам дайверов «Лабиринта».

Пока – нечего.

Спорить – бесполезно.

– Фирма выплатит вам вознаграждение, – говорит Гильермо. – Мы даже можем поспорить о сумме... немножко. – Он хитровато и доброжелательно улыбается.

– Я оставляю сумму на ваше усмотрение, – говорю я.

Гильермо испытующе смотрит на меня, потом садится за стол. Выписывает чек. У него в руках золоченый «Паркер», кредитная книжка выдана «Чейз Манхэттен». Сумма не потрясает меня так, как это случилось бы до операции в «Аль-Кабаре», но все же она внушает уважение.

– Спасибо, – торжественно говорит Гильермо, вручая мне чек. Это просто формальность, деньги уже переведены на мой секретный счет, указанный в контракте. Но держать в руках несуществующий чек приятно.

Я киваю, жму Гильермо руку. Все, можно уходить вон. Маленькому мальчику дали конфетку и выгнали из компании взрослых людей, играющих в серьезные игры.

– На посошок? – Господин Агирре с улыбкой достает из стола бутылку. Настоящий французский «Арманьяк». В виртуальности он стоит немногим дороже кока-колы, но сам жест приятен. Агирре как бы не сомневается, что мне знаком вкус этого напитка.

Мы чокаемся, отпиваем по чуть-чуть. Я не любитель коньяков и бренди, но всегда лестно на секунду почувствовать себя знатоком благородных напитков.

– Я догадываюсь, как вы потратите эту сумму, – неожиданно говорит Гильермо.

– И как же?

– Деньги вернутся на счет «Лабиринта». – Гильермо усмехается.

– Нет.

Он удивленно приподнимает брови.

– Вы отступитесь? Да?

– Я спасу Неудачника. Но на это у меня есть деньги. А чек... я верну его. Чтобы вы изменили сумму.

Гильермо кивает. Он ожидал моей настойчивости и вполне удовлетворен обещанием.

– Удачи вам, дайвер.

– Если в «Лабиринте» случится что-нибудь неожиданное, вы не сможете известить меня? – интересуюсь я. – Неофициально?

– Адрес, – по-деловому говорит Гильермо.

Я даю ему визитку, на которой указан сетевой адрес. Это

не мои координаты, это просто почтовый ящик, на котором, сообщив пароль, я смогу получить письмо на имя Стрелка.

– Вызвать вам такси? – интересуется господин Агирре на прощание.

– Спасибо, Вилли, в этом нет необходимости.

Машину «Дип-проводника» я торможу, отойдя на пару кварталов. Не то чтобы опасаясь слежки, но хорошим привычкам изменять не следует.

– Квартал «Аль-Кабар», – приказываю я. Водитель на этот раз – миловидная рыжеволосая женщина с крошечными морщинками у глаз. Великолепно выстроенное лицо...

– Данного адреса не существует, – огорчает она меня.

– «Аль-Кабар». Восемь-семь-семь-три-восемь.

– Заказ принят.

Машина трогается с места, улицы мелькают вокруг. Я прошу Вику сменить мужественный облик Стрелка на простодушную рожу Ивана-Царевича. Секунда – и в зеркальце отражается герой в белых одеждах.

Картинки, картинки, и более ничего. Сейчас программы «Дип-проводника» перекидывают мой канал связи с сервера на сервер, готовятся соединить меня с «Аль-Кабаром» – доставить к волосяному мосту и охраннику-ифриту. Картинки, и более ничего. *Глубина* не может иметь собственный разум!

И все-таки я не чувствую уверенности даже в собственных мыслях.

Пустыня встречает меня горячим дыханием, а ифрит – оглушительным ревом.

– Ты посмел вернуться, вор из воров?

Хорошая программа... с памятью...

Ифрит отрывает от песка каменные ноги, делает шаг-другой. Мост-волос натягивается и звенит, но пока не рвется. Что-то новенькое – за прошедшие дни программисты «Аль-Кабара» добавили сторожевой программе подвижность!

– Стой! – кричу я, поднимая руки. – Я пришел к Фридриху Урману! Я не в твоей власти!

Исполинский кулак дрожит над моей головой. Между пальцами потрескивают искры.

– *Обнаружен неизвестный вирус*, – тревожно шепчет «Виндоус-Хоум». – *Внимание! Включаю «веб»!*

Пространство заволакивает легкой пеленой. Противовирусная программа, «веб», начинает отсекают часть поступающей информации, пытаясь защитить компьютер от действия вируса. Защита не идеальная, хороший вирус все равно протиснется на мой канал. Но я не останавливаю Вику – она в панике если, конечно, это слово здесь уместно... Фигура ифрита плывет, делается нечеткой.

– Кто ты? – ревет монстр. Голос тоже искажен.

– Дайвер! – кричу я. Мне сейчас нечего скрывать.

– Жди! – велит ифрит. Искры на его ладонях гаснут, и Вика отключает «веб».

Делать нечего, жду. Монстр неподвижен, лишь глаза поблескивают, обшаривая меня цепким, почти физически осязаемым взглядом. В прошлый раз были цветочки – меня пропустили в мышеловку, будучи уверенными, что уйти я не смогу. Сейчас получившие головомойку программисты корпорации способны обрушить на меня все порождения своей фантазии. А среди них наверняка есть такие, что не только меня, не только Маньяка, самого старика Лозинского в ужас приведут. Очень некстати вспоминаются байки о вирусах, губящих «железо» – материальную часть компьютера...

– Иди! – оживает монстр.

Я ступаю на волосяной мост.

Глубина-глубина...

На этот раз меня встречают не двое карикатурных охранников. Целая толпа с оружием. Если бы меня так конвоировали в прошлый раз – черта с два я бы утащил мегабайтный файл.

В ледяном молчании охрана ведет меня по улицам. Я ожидаю, что меня отведут в прежнюю беседку, но наша процессия движется мимо.

К мрачному серому строению.

В тюрьму меня хотят посадить, что ли? Смешно. Дайверы неуязвимы. Можно помешать нам воровать файлы, но нельзя

запереть в виртуальном мире.

Часть стражи остается у ворот, четверо вводят меня внутрь каземата. Двое впереди, двое сзади. Мечи наголо. Ох, посадят мне на компьютер вирус, мало не покажется. Тот, кому случилось пережить гибель винчестера, меня поймут. Однажды, в мелкой и почти бесприбыльной операции, я поймал, на свою голову, очень милый вирус, перемешавший фэт-зону и партитушен тэйбл твердого диска в равномерный коктейль. Маньяк сутки выковыривал из мертвого винчестера остатки информации. Почти все спас. А я плел какую-то ерунду о пиратском игровом компакт-диске, с которого подцепил вирус.

Если уж те лохи ухитрились заразить мой компьютер такой пакостью, то и думать не хочется, что могут сделать ребята из «Аль-Кабара».

Дверь за спиной тяжело хлопает, закрываясь. Каземат погружен во тьму. Я иду на ощупь, меня подталкивают в спину. Все ясно. Предельно сжат канал связи, по которому информация идет ко мне. Чтобы еще чего не унес. Обрезаны зрительные образы.

– Стой! – командуют в спину. Послушно замираю.

Окружающим я наверняка виден как на ладони, и это не придает особой бодрости.

– Вы набрались наглости явиться снова, Иван?

Узнаю голос Урмана – точнее, интонацию его переводчика. Поворачиваюсь, стараясь не таращить слепые глаза.

– Такова была наша договоренность.

– Неужели?

– Вы добровольно отдали мне файл в обмен на обещание повторной встречи.

Пауза. Долгая. Я не вру, и Урман оказывается в дурацком положении. Как хорошо – не врать. Да и зачем? В мире так много правды, что ложь просто не нужна.

– Чего вы хотите?

– Я? Ничего. Вы просили меня о встрече – очевидно, у вас есть какие-то предложения?

Снова молчание. Разумеется, Урман не ожидал, что я приду после попытки меня выследить. На всякий случай добавляю:

– Кстати, не надо отслеживать канал связи. Иначе я уйду.

Молчание затягивается, и я мысленно вижу Урмана, кивающего охранникам – «а ну-ка, отделайте его как следует...».

– Восстановите его канал связи в полном объеме, – приказывает Урман. – И снимите наблюдение.

Яркий свет. Жмурюсь, разглядывая внутренности каземата сквозь полуприкрытые веки. Мрачные тяжелые стены, поверхность стен – решетки, крошечные оконца – из зеркального стекла. В центре помещения – стол, кресла.

– Это зал совещаний, – объясняет Урман. Он в строгом костюме, при галстуке. Вероятно – его одежда автоматически подстраивается под интерьер помещения. Слышал я про такие штуки. – Здесь проводятся совещания совета дирек-

торов и некоторые встречи...

Понятно. Наиболее защищенное место в виртуальном пространстве корпорации. Отсюда не убежишь, как из беседки.

Впрочем, мне не с чем бежать – я пришел абсолютно безоружным.

– Оставьте нас, – продолжает раздавать приказы Урман. Охрана повинуется беспрекословно.

– Спасибо, Фридрих, – говорю я.

Урман молча кивает, садится в одно из кресел. Я устраиваюсь рядом.

– Продали... яблочко? – интересуется Урман.

– Да, спасибо.

– Рад за вас.

Кажется, он не очень-то злится. И это меня настораживает.

– Надеюсь, это не очень осложнило финансовое положение корпорации?

– Нет. Не очень.

Вопросительно смотрю на Урмана.

– В прошлый раз я забыл сообщить вам, что у замечательного лекарства есть один недостаток, – замечает Урман. – Побочный эффект. Мы выявили его почти случайно... полагаю, что господин Шеллербах и «ТрансФармГрупп» на него не наткнулись.

Мне становится неуютно.

– Не переживайте, дайвер, в ваши обязанности не входило проверять лекарство на безвредность, – смеется Урман. – Кстати, ничего смертельного... не онкология и не терратогенный эффект. Но пациенты будут недовольны.

«Аль-Кабар» подстраховался... Интересно, что за побочный эффект у средства от простуды? Окраска кожи в зеленый цвет, импотенция, облысение? Урман не скажет.

Что ж, я до конца дней своих буду лечить простуду аспирином.

– Ладно, забудем взаимные обиды! – великодушно предлагает Урман.

Киваю.

– Как я уже говорил – у меня есть к вам интересное предложение... – говорит директор «Аль-Кабара». – Постоянная работа.

– Нет.

Смотрим друг другу в глаза. Говорят, они зеркало души. Вот только есть ли души у наших виртуальных тел?

– Некоторые дайверы имеют постоянные контракты, – замечает Урман. – Значит... не запрещено?

– Не запрещено. Но есть разница в работе на развлекательный центр или бюро виртуального сыска – и в работе на вас. Через месяц, два, три – вы меня вычислите.

– А вы так боитесь огласки, Иван?

– Конечно. Мы алхимики виртуального мира. Колдуны. А ни один нормальный царек не выпустит алхимика из ком-

фортабельной подземной темницы. Дабы не придумывал пороха врагам.

– Печально... – Урман не спорит. – Вы во многом правы, русский дайвер... Русский, уж извините, я это знаю. Ваш голос был проанализирован – это никак не программа-переводчик.

Я тоже с ним не спорю. Такая мирная и хорошая беседа. Мы так лояльно друг к другу относимся – загляденье.

– Тогда – предлагаю вам разовое сотрудничество! – весело говорит Урман. – Работа несложная, а платим мы хорошо.

– Полагаете, вытащить Неудачника из «Лабиринта» – так легко?

В яблочко! В наливное! Лицо Урмана дергается, потом он овладевает эмоциями, но тик под левым глазом остается. Один-ноль, нет!.. пять-ноль!

– Объясните, о чем вы? – неубедительно вопрошает господин директор.

– После вас.

Или меня сейчас убьют, или выложат карты на стол.

Урман все же умеет держать удар.

– Одной из областей деятельности корпорации является демографический контроль Диптауна.

Качаю головой – я не понял...

– Количество обитателей виртуальности – в каждый момент времени. С точностью до человека. По районам, зданиям, пространствам в пространстве, вроде нашего.

– Зачем? И по какому праву?

– Это было общее решение, принятое еще год назад, – пожимает плечами Урман. – Сравнение нагрузки на отдельные серверы, привязка к времени суток – все это позволяет скоординировать работу, удешевить пользование виртуальным пространством. «Америка Он Лайн» – один из основных заказчиков, мелкие компании тоже присоединились.

Опять меня подводит пренебрежение к открытой информации.

– Мы вели контроль по числу входящих-выходящих сигналов на серверах, – продолжает Урман. – Очень просто и надежно. Очень оперативно. Серверы отчитываются каждые две минуты. Ничьи права не нарушаются, а мы знаем общее количество людей, находящихся в виртуальности. Это не слежка, только статистика.

Киваю.

– Параллельно ведется контроль количества обрабатываемых компьютерами объектов в каждом районе, – продолжает Урман. – Таким образом мы знаем, сколько человек находятся в той или иной области пространства. Отчет также каждые две минуты. Легко понять, что если сложить активно действующие объекты всех районов, то получится уже известная цифра – количество людей, вошедших в *глубину*.

Я понимаю.

– Цифры не сошлись?

– Да. В виртуальности находится на одного человека боль-

ше, чем должно быть. Компьютеры его видят, он функционирует в киберпространстве, но он никогда не входил в сеть.

Урман встает, взмахивает рукой – и на стене, поверх бетона и стальной решетки – разворачивается огромный экран. Я привстаю. Это карта Диптауна и окрестностей, словно сшитая из крошечных лоскутков. Каждый лоскуток – сервер, обслуживающий данный участок пространства. Поверх лоскутков – мелкая красная сыпь, это входные серверы, телефонные линии, по которым можно войти в *глубину*.

Красиво. Все буржуи – показушники.

– Можно просмотреть данные по районам, – сообщает Урман. – Вот, например...

Он шагает к экрану, потянувшись тычет пальцем в квартал «Аль-Кабар». Над экраном вспыхивает табло. «1036/1035».

– Понятно?

– Ваши серверы держат в виртуальном пространстве тысячу тридцать шесть человек. Включая меня. И все, кроме меня, подключились через ваши собственные каналы?

– Конечно. Рискованно пропускать секретную информацию через чужие линии – даже самых надежных провайдеров. Мы имеем собственные каналы в двенадцати городах, где проживают наши сотрудники.

– Но тогда невозможно обнаружить Неудачника! Я подхожу к карте, отыскиваю ресторан «Три поросенка», вовремя спохватываюсь и тычу пальцем в другое заведение, непода-

леку. Там я был лишь пару раз, и мне не понравилось. Слишком шумно и помпезно.

«63/2».

– Вот это более распространенная картина, верно? В странстве ресторана гуляют шестьдесят три человека, но лишь двое вошли через его собственный телефонный канал!

Урман кивает.

– Мы вышли на «Лабиринт» иным образом.

Я уже не помню о том, что передо мной хитрый и не слишком доброжелательный собеседник. Мне интересно разгадать, каким путем они отыскивали человека, не входившего в *глубину*.

– Так... проследживать каждый отдельный сигнал – невыносимо. Дорого, долго, да и запрещено.

Урман смотрит на меня с таким самодовольством, словно это он сам решил проблему, а не отдал приказ специалистам.

Подумаем. Иногда полезно.

Вот – поток электронных импульсов. Сейчас не важно, откуда он взялся. Это информация – простенькое трехмерное изображение человека, Неудачника. Она входит в компьютер, создающий тридцать третий уровень «Лабиринта», возможно – через модем, а возможно – и непосредственно в процессор. Компьютер помещает изображение в начало уровня и готовится управлять перемещениями Неудачника, транслировать его голос остальным игрокам, рассчитывать эффект его выстрелов, перемещать камешки, задетые его но-

гой. Ну и, конечно, отсылать Неудачнику картинки, которые он видит левым и правым глазом, звуки, которые он слышит, те толчки, которые он чувствует посредством виртуального комбинезона.

Стоп – куда отсылать? Если он *не входил в глубину?*

Получается сбой. Компьютер обрабатывает действия Неудачника, но не знает, откуда они взялись и куда посылать результаты. Это может отразиться на показателях сервера? Должно. Но на очень специфических – на чем-то вроде соотношения между объемом обрабатываемых процессором данных и количеством посланной-принятой по модему информации. Надо заранее интересоваться этим показателем, чтобы за несколько часов выявить сервер, на котором появился незванный жилец...

– Вы ждали его, – говорю я. – Вы знали, что он появится!

– Допускали такую возможность, – уточняет Урман. – Ранно или поздно должен был появиться человек, способный входить в виртуальность самостоятельно.

– Без компьютера? – Я произношу этот бред, который – вот ведь смешно – даже не покажется бредом любому, далекому от компьютеров и сетей! Это так же смешно, как представить себе человека, умеющего подключаться к телефонной линии. Это просто глупо.

Но Урман может быть кем угодно, кроме дурака. Он простой миллионер, извлекающий для «Аль-Кабара» прибыли отовсюду – из земных недр, космических спутников-ре-

трансляторов и простуженных носов.

– Не только мы работаем над альтернативными вариантами общения с компьютером, – говорит Урман. – Клавиатура, мышь, шлем и комбинезон – все это остатки не виртуальной эпохи. На очереди – прямое подключение к зрительным и слуховым нервам. Разъемы... – Он крутит пальцами у виска, то ли сомневаясь в собственном здравомыслии, то ли пытаясь изобразить розетку, пристроенную за ухом. – Но этот путь требует очень серьезной работы над менталитетом общества. Труднее сломать психологию людей, чем просверлить черепную кость и воткнуть в мозг микросхему. Если этого не потребуется... если можно будет просто входить в виртуальность... мир перевернется.

– А вам так хочется его перевернуть?

Фридрих серьезен.

– Когда мир переворачивается, друг мой, самое важное – первым встать на голову.

Молчу – мне нечего сказать. Хотел бы я входить в *глубину* без компьютера? Без Вики за спиной? Без страха перед вирусным оружием? Без помех на телефонных линиях и вечной погони за скоростью модемов?

Смешной вопрос, конечно, хотел бы. Вот только не верю я в такие дела.

Но очень хочу поверить.

– Насколько мы знаем, Неудачника пытались вывести из *глубины* дайверы, работающие на «Лабиринт», – небрежно

говорит Урман.

Киваю. Разведка у них хорошо поставлена. Чего не делают доллары, примененные в нужное время и в нужном количестве.

– А также некто по прозвищу Стрелок, – добавляет Урман. – Вероятно, тоже дайвер?

– Да. Это был я.

Урман кивает:

– Тогда я жду обещанных объяснений.

Наверное, правильное всего – прошептать себе под нос «*глубина-глубина...*» и исчезнуть. Но не могу я это сделать после откровенности Урмана. Дырка в черепе – это и впрямь проще, чем дыра в жизненных правилах...

– Вскоре после нашей первой встречи меня вынудил к встрече...

Урман приподнимает брови.

– Именно *вынудил*, человек, чьего имени я не знаю. Он предложил разобраться с ситуацией, возникшей в «Лабиринте». Деталей он не объяснял. Я лишь потом понял, что речь шла о Неудачнике.

– Мы зовем его Пловец, – замечает Урман. – По аналогии с вами, господа дайверы.

– В принципе, это все, – говорю я. Не люблю, когда меня обрывают.

– Вам была обещана награда?

– Да.

– Большая?

– Очень... – Не могу удержаться и добавляю: – Боюсь, что вы не сможете предложить мне большего.

Урман очень серьезен – разговор принял деловой оборот. Но о возможностях пока не спорит и крутизну «Аль-Кабара» не доказывает.

– Как вышел на вас тот человек? И почему именно на вас?

– Он устроил облаву на дайверов. А я... немного подставился.

– У вас есть предположения о его личности?

– Никаких, – честно говорю я. Но, видимо, недостаточно честно – Урман молчит, вопросительно глядя мне в глаза. Возможно, мои слова контролируются детектором лжи и кто-то сообщает Урману результаты проверки...

– Только одна деталь. Он знал о моем визите... к вам. И был хорошо осведомлен о состоявшейся беседе. И что вы хотите предложить мне ту же работу – тоже знал.

Урман держит удар. Мало ли он их держал в жизни? Но на маске спокойствия – дергающееся веко. Неприятно узнавать, что под боком есть шпион.

– Благодарю вас, дайвер.

Снисходительно улыбаюсь. Какие мелочи... Пускай два паука подергаются в своей паутине...

– Вы можете что-то сообщить о Пловце?

Пожимаю плечами:

– Ничего особенного. Человек как человек. Иногда воз-

никает ощущение, что у него – дип-психоз, очень уж всерьез относится к происходящему. А так – вполне адекватен.

Урман кивает. Похоже, они ухитрились присосаться к компьютерам «Лабиринта» всерьез и контролируют происходящее. Это побуждает меня спросить:

– Вы все-таки пытались проследить сигнал Неу... Пловца?

– Нет никаких сигналов.

То ли Урман тоже страдает болезненной откровенностью, то ли в его интересах до конца убедить меня...

– Серверы «Лабиринта» не транслируют информацию Пловца. Ни в одну сторону. Он... болтается на уровне сам по себе.

Значит – правда. Человек, вошедший в виртуальность на прямую?

– Администрация «Лабиринта» все еще пытается проследить его канал связи, – бросает Урман. – Но через пять, максимум – восемь часов, по данным наших экспертов, они придут к тем же выводам, что и мы. Тогда начнется настоящая паника.

Представляю. Уровень будет изолирован, а возможно, и весь «Лабиринт Смерти» очистят от игроков. Будут спешно прорублены прямые проходы на тридцать третий уровень – то, что их пока нет, вовсе не означает, что создать их невозможно. Отключат всех монстров, погрузят в стазис здания – чтобы Неудачника ненароком не зашибло упавшим

кирпичом. Толпа психологов, хакеров, чиновников, Анатоль с Диком – все они хлынут на опустевший уровень. Окружат Неудачника заботой и лаской, на руках понесут к выходу...

Можно смело предположить, что мои услуги им не понадобятся.

– Вы согласны сотрудничать с нами?

Смотрю на Урмана – вроде бы он не шутит.

– Я уже работаю на человека, чьего имени не знаю.

– Возможно, он обещает вам очень многое, этот таинственный мистер Икс. Но оказал ли он хоть какую-то помощь?

Качаю головой.

– Если вы и впрямь – Стрелок, то могли убедиться, что обычные методы к Пловцу неприменимы. Еще пара попыток ничего не изменит. Затем «Лабиринт» изолируют, и проблемой займутся владельцы... аттракциона.

Последнее слово он произносит с некоторым презрением.

– Кто бы ни нанял вас, основанием ему служили вовсе не ваши дайверские таланты.

– А что?

Теперь он заставил меня растеряться.

– Куда проще было перекупить дайверов «Лабиринта». Или нанять группу. Да, узнать ваши подлинные имена – сложно. Но встретиться и предложить работу – вполне возможно. В конце концов вы живете этим. Вашего таинственного работодателя привлекло что-то более серьезное, чем

способность выходить из виртуального мира.

Казалось бы, у меня есть все основания раздуться от гордости. Но становится только тревожно.

– И мне кажется, – задумчиво говорит Урман, – что он был прав. Пловец – работа для вас. Главная работа вашей жизни. И я могу помочь с ней справиться.

Вряд ли он сможет предложить мне Медаль Вседозволенности. Такие вещи все-таки не покупаются. Но ставка велика, и награда может быть очень, очень большой.

Зачем мне Медаль, если до конца дней своих я могу не заниматься незаконными делами в виртуальности?

– Вы подписали контракт? – спрашивает Урман.

– Нет.

– Устная договоренность?

– Нет.

– Тогда о чем вы беспокоитесь?

Молчу. Я не знаю, почему держусь за предложение Человека Без Лица. Он силой принудил меня к встрече. Отправил в «Лабиринт», не объяснив абсолютно ничего. И обещание, данное им, вполне может быть блефом.

– Мне надо подумать.

– Хорошо, – соглашается Урман. – У нас почти гарантированно есть пять часов... вы, очевидно, нанесете новый визит в «Лабиринт»?

Неопределенно киваю.

– Я предприму собственные действия, – говорит Урман. –

Вы их обязательно заметите, дайвер. И сможете сделать выбор.

– Туманно, Фридрих.

Урман недоуменно хмурится, пока программа-переводчик пытается понять, что я говорю не о погоде.

– Чем, собственно, я для вас ценен?

– Вы поймете, дорогой Иван-Царевич. Да, кстати, кто Пловец по национальности? Как вы думаете?

– Русский... – машинально отвечаю я.

Урман насмешливо кивает.

– Возможно, возможно... До свидания, дайвер. Подумайте и примите решение.

Одновременно с этими словами двери распахиваются и появляются стражники. На этот раз они не держат мечи наголо.

– Вас проводят к мосту, – сообщает Урман.

10

То ли за мной не следят, то ли делают это слишком искусно, чтобы Вика забила тревогу. Я поднимаюсь на стену, провожаемый взглядами охранников, ступаю на мост из волоса.

Интересно, сколько метров я смогу пройти, не выходя из глубины?

Шаг-другой – нить дрожит под ногами, голова кружится. В сотнях метров внизу, в нагромождениях скал, выются голу-

бье ленточки рек и мерцают оранжевым жаром озера лавы.
– Эй, дайвер, шатаешься! – насмешливо кричат в спину.
А я уже не шатаюсь – падаю.

Наверное, так срываются грешники-мусульмане, пытаюсь пройти в свой рай, к ласковым гуриям и горам рахат-луку-ма...

Ноги соскальзывают, лечу, цепляюсь за нить – и та равнодушно срезает мне пальцы на руках. Воздух ударяет в лицо, холодно и хлестко, приглашая в короткий путь, скалы кружатся внизу, вырастая и оцетиниваясь иглами вершин. Когда я коснусь камней, сервер «Аль-Кабара» отрапортует, что я подвергся смертельным перегрузкам, – и сработает дип-программа выхода.

Но мне совсем не интересно, какой болью расцветит смерть мое воображение.

Глубина-глубина, я не твой...

На экранах – кровь. Привычная картина.

Я стянул шлем, навалился на стол, дернул из разъема телефонный провод.

– Обрыв связи! – сказала Вика. – Нет тонового сигнала в линии! Проверь разъем!

– Все в порядке, – втыкая провод на место, пробормотал я. – Перезагрузка.

– Seriously?

– Да.

На мониторе голубизна и падающий человечек. На душе

гадко.

Я ввязался в очень серьезную историю. Если «Аль-Кабар», «Лабиринт» и те, кто стоит за Человеком Без Лица, сцепятся из-за Неудачника... Ой-ей-ей... Лучше не попадать между таких жерновов. Лучше всего теперь на пару недель забыть про виртуальность. Резаться в обычные игры, пить с Маньяком пиво, апгрейдить компьютер, съездить куда-нибудь в Анталию, где еще тепло, покупаться в море.

Конечно, придется забыть о Вике. О настоящей Вике. Надолго.

Навсегда распрощаться с мечтой о Медали Вседозволенности.

И, конечно, вычеркнуть из памяти Неудачника.

А кто он, собственно говоря, такой, чтобы переживать за него? Хомо Компьютерис? Человек компьютерный, способный входить в виртуальное пространство без всяких модемов-телефонов? Ну и что? Не стоит надеяться, что его способность, если она действительно есть, можно легко перенять.

Специалисты всех мастей будут исследовать его, снимать энцефалограммы и замерять мыслимые и немыслимые параметры. Неудачника будут усаживать перед компьютерами разных типов, подключать и отключать модемы, привозить к телефонным линиям и прятать в подземные бункеры. И требовать – войди в *глубину*... расскажи, что ты чувствуешь... какое ощущение возникает в большом пальце левой

ноги при входе в виртуальность и как меняется стул после трех суток в виртуальном мире. Проведет он остаток своих дней где-нибудь на охраняемой швейцарской вилле или в пустынях Техаса, в каком-нибудь научном центре ЦРУ. Очень ценная и уважаемая морская свинка.

Впрочем, он русский, наверное – российский гражданин. Если кинуть информацию о Неудачнике в открытую сеть или соответствующим органам...

Я даже засмеялся от собственной наивности. Ну и что? Пошлет старушка Россия авианосцы и танковые бригады на охрану Неудачника? Мало ли талантливых программистов было вывезено из страны – четырнадцатилетнего парнишку из Воронежа Сашу Морозова, например, увезли спецрейсом. Никому у нас не нужны мозги. Разве что разведка соберет остатки былой смелости и перехватит Неудачника. Лишь для того, чтобы замуровать в собственном исследовательском центре, где-нибудь в Сибири или на Урале...

Когда возникала *глубина* – ее знаменем была свобода.

Мы независимы от продажных правительств, обветшалых религий и пуританской морали. Мы свободны во всем и навсегда. Информация не имеет права быть засекреченной – и мы вправе говорить обо всем. Свободу передвижений нельзя ограничить – и Диптаун не будет знать границ. Мы отстаиваем свое право иметь все права. Мы изгоним из наших рядов лишь тех, кто восстанет против свободы.

Как наивны и восторженны мы были!

Люди нового, кибернетического мира, свободного и безграничного пространства!

Упивающиеся свободой, играющие ею, словно ребенок, вставший с постели после долгой болезни, радостные и гордые собой. Интересы *глубины* – все для нее, все во имя ее, во веки веков... аминь.

Но почему я все-таки верю в эти смешные лозунги с той же радостью, как в детстве верил в коммунизм?

Почему мне так хочется верить – вопреки всему?

Преступая законы, громя чужие компьютеры, воруя чужую «интеллектуальную собственность», не платя нищей родине налоги, не доверяя никому, кроме десятка друзей, – и верить во что-то теплое, чистое и вечное? В свободу, добро и любовь?

Наверное, я просто из той породы, что иначе жить не умеет.

И, в общем, никто мне не мешает верить в свободу и дальше. Отсидевшись в реальности десяток дней, сменив каналы входа в *глубину* и сетевой адрес.

Верить – очень просто.

Я смотрел на трехмерную сетку нортоновской таблицы, на ровненькие строчки директорий и поддиректорий. Три гигабайта, и все заполнены под завязку. Служебные программы, вирусы-антивирусы, кусочки Викиного «сознания», музыкальные файлы и игры, ворованная информация и свежие книги, еще не успевшие выйти из стен типографии. Вон

«Сердца и моторы – снова в пути» Васильева, вон свеженький детектив плодовитого, как пиранья, Льва Курского, вон нашумевший роман Олди. Выйти сейчас, купить много-много пива, распечатать на стареньком «Лазер-джете» пару книжек, завалиться на тахту. Отоспаться – вволю! А господин Урман, которого я никогда не увижу воочию, и господин Без Лица, которого не увижу тем более, могут сражаться с Вилли-Гильермо за Неудачника...

Никогда мне не нравились дураки и камикадзе.

Я взял с корпуса своей «пятерки» телефонную трубку, набрал номер Маньяка. Мне опять повезло – он не болтался в виртуальности и не спал.

– Алло!

– Шура, это я.

– А... – Маньяк убавил тон.

– Ты не занят?

– Ну... немного.

– Программу пишешь?

– Нет, картошку чищу. Галя ужин готовит.

– Поздравляю.

– С чем? – насторожился Маньяк.

– С примирением!

– А... да, ерунда.

Злоупотреблять его временем да еще в условиях недавнего воссоединения с супругой, не стоит.

– Шура, скажи, возможно войти в «Лабиринт Смерти»

с оружием?

– С вирусом, что ли? Тебе «BFG» мало? – Маньяк начинает веселиться. – Шутишь. Это пространство в пространстве, созданное с жестко заданными целями. Проще в Пентагон вирус засунуть, чем через фильтр «Лабиринта» пронести.

– Уж не ты ли им фильтр делал?

– Нет, – с сожалением сознался Маньяк. – Не я. Но я знаю, кто и как его делал.

– И как?

– Во входном портале твой внешний образ копируется. Если при тебе есть программы, любые, то они отсекаются. Через сервер «Лабиринта» проходит твоя точная внешняя копия.

– Никак не обойти? – беспомощно поинтересовался я.

– Подумай.

– Что-то часто приходится... надоело уже, – буркнул я. – Шура! Ну скажи, можно пробить фильтр?

– Пробивают только стены лбом, – наставительно сказал Маньяк. – Что случилось?

– Очень скверная история. Очень.

– Для кого – скверная?

– Для всей *глубины*. И для одного хорошего человека.

– А для тебя? – в лоб спросил Маньяк, и я невольно вспомнил «Трех мушкетеров».

– Полный швах. Можешь поверить.

Маньяк ответил не сразу. Даже начал что-то насвисты-

вать.

– Шурка!

– «Warlock – девять тысяч» тебя устроит?

– А что это?

– Локальный вирус. Как обычно.

– И он пройдет через фильтр?

– Может быть.

– Шура, я тебя не очень отвлекаю? От картошки? – охваченный внезапным раскаянием, спросил я.

– Ничего, уже дочищаю...

Я радиотелефоны не люблю. Хватит мне излучений от родного компьютера. Маньяк, наоборот, жизни без них не мыслит. Вот и сейчас, наверное, стоит, прижимая плечом трубку, и сдирает с картошки кожуру.

– Залей мне его.

– Прямо так и залить?

– Да, – набравшись наглости, попросил я.

– Подожди, не все так просто. Ты какими программами пользуешься для создания облика?

– Разными... «Биоконструктор», «Морфолог», «Личина»...

– Ясно. В какой личности будешь пользоваться вирусом?

– Личность номер семь, «Стрелок». «Ганслингер»...

– Расширение какое у файла?

– А? Расширение? Кажется...

– Врубай терминал, – устало приказал Маньяк. – Ставь

полный доступ на пароль... ну, например, «12345».

– Один-два-три-четыре-пять, – как дурак, повторил я.

– Цифрами! – уточнил Маньяк. – Я сам все настрою.

– Спасибо!

– Не отделаешься... пиво с тебя.

Маньяк еще вздохнул и, перед тем как положить трубку, пригрозил:

– Звоню через пять минут. Твоя старуха уже работает, ждет меня и послушна, как гимназистка. Ясно?

Я бросился к компьютеру. Через три минуты Вика согласилась покориться тому, кто прозвонится с паролем «12345», и я отправился на кухню готовить ужин. Я не успел еще наполнить чайник, как в комнате затренькал телефон, а потом начал посвистывать соединяющийся модем.

Все-таки я дурак. И камикадзе.

Впрочем, любить самого себя глупо. Можно и дураком по-быть.

Я успел выпить чаю с вареньем, завалившимся в буфете, потом наполнил кружку заново и пошел в комнату. Маньяк как раз отсоединялся от компьютера, оставив посреди экрана пылающую красную строчку: «Взял кое-что из твоего барахла почитать и поиграться вирус вшит инструкция голо-сом через минуту».

Знаками препинания Маньяк беззаботно пренебрег.

Выйдя в «Нортон», я отыскал файл с внешностью Стрелка (расширение у программы оказалось самое заурядное –

clt) и начал сравнивать с другими, немодифицированными обликами. На мой взгляд ничего не изменилось.

Как и следовало ожидать.

Минут через пять позвонил Маньяк и быстро объяснил, что и как я должен сделать. Я лишь головой замотал, когда до меня дошло, что он сотворил с моей внешностью «номер семь».

«Варлок девять тысяч» явно был его давней заготовкой, приберегаемой для особых случаев. Если подобную штуку хоть раз использовать, то возникнут сотни плагиаторов.

– Пиво, пиво и еще раз пиво... – отключив телефон, сказал я. Впрочем, будет ли у меня возможность это пиво поставить – неизвестно.

Я собирался устроить в *глубине* такую бурю, которой она давно уже не знала.

Бурю, которую она заслужила.

11

– Терминал включен, – отрапортовала Вика. Я щелкнул курсором по иконке соединения, и через несколько секунд был на сервере «Россия Он Лайн».

Адрес, оставленный мне Человеком Без Лица, я помнил наизусть. Какой-то польский сервер, что абсолютно ничего не значит. Это просто ретранслятор, наверняка по пути к таинственному незнакомцу мой сигнал промчится сквозь па-

ру-другую стран.

Видеоподдержкой сервер не пользовался. Никаких рисованных мордочек или анимированных фотографий на экране. Строгое меню на польском, английском, возможность поддержки еще десятка языков – включая румынский и корейский... русского нет. Увы, не очень-то жалует нас братский народ. Я ответил на приветствие оператора и попросил установить связь с «Man without face». Через полминуты оператор переключился на русский драйвер клавиатуры и попросил назвать абонента на моем родном языке.

«Человек Без Лица», – набрал я.

Меня начали перекидывать с сервера на сервер. Первые два были открытыми, о трех следующих я не узнал ничего. Потом на экране появилась надпись «Ожидайте». На русском, между прочим.

Ожидал я четверть часа.

Первые пять минут тихо и скромно, потом – достав из холодильника пиво и засунув в сидишник старый альбом «Наутилуса».

Я просыпаюсь в холодном поту,
Я просыпаюсь в кошмарном бреду... –

пел Бутусов. Хороший певец. Пока сам тексты сочинять не пробует.

Как будто дом наш залило водой

И что в живых остались только мы с тобой...

Я вспомнил свой сон – в котором был певец на сцене и бе-
долага Алекс. Вещий сон в какой-то мере. Вот только почему
я представил Неудачника певцом? В жизни у меня не было
знакомых музыкантов, а уж сам я рискую напевать только в
полном одиночестве.

И что над нами – километры воды,
И что над нами – бьют хвостами киты,
И кислорода не хватит на двоих – я лежу в темноте,
Слушая наше дыханье...
Я слушаю наше дыханье...

Нравится мне эта песня. Она словно о моей *глубине*, о вир-
туальном мире, который еще не существовал пять лет назад,
когда писалась песня. Это я пытаюсь разучиться дышать, не
верить в красоту киберпространства.

«Кто?»

Дернувшись к экрану я, не раздумывая, набрал:

«Я».

«Как успехи, дайвер?»

«Полагаю, Вам это известно».

Многое отдал бы, чтобы узнать – кто он, Человек Без Ли-
ца.

«Да».

«Я не справляюсь».

«Это твоя беда».

«Не только».

Заминка – то ли Человек Без Лица думал, то ли где-то на линиях случился сбой.

«Чего ты хочешь?»

«Помощи».

«Мне нечем помочь. Все, что тебе нужно, – в тебе самом».

Будь он рядом – реальным человеком, из плоти и крови, я бы произнес то, что стоит говорить лишь устно, а лучше – вообще не говорить. Я и высказался вслух. Но у сетей свои нормы общения, и пальцы мои отбили на клавиатуре:

«Кто он?»

«Тебе уже сказали».

Пауки. Протянувшие тонкие ниточки в чужие логова. Урман следит за «Лабиринтом», а Человек Без Лица контролирует «Аль-Кабар».

«Это правда?»

«Возможно».

«Я НЕ СПРАВЛЯЮСЬ!» – прописными буквами написал я.

«Жаль».

И – почти мгновенно – в нижней части экрана возникла строчка: «Связь прервана по желанию абонента».

– Связь прервана! – подтвердила Вика. – Повторное соединение?

– Нет, – ответил я. Почему-то не было ни капли сомне-

ний – польский сервер больше не соединит меня с Человеком Без Лица.

Может быть, он обижен, что я рассказал о нем Урману. Может быть, разуверился в моих способностях.

Результат один.

– Вика, я умный? – спросил я.

В «Виндоус-Хоум» набито около тысячи ключевых слов. Порой с компьютером можно вести очень забавные беседы... почти разумные.

– А какой ответ ты хотел бы услышать? – уклонилась Вика. Как всегда, когда слова не имели формы приказа и были ей непонятны.

– Правдивый.

– Я не знаю, Леня. Очень хотела бы ответить, но не знаю.

– Дура ты, Вика.

– А ты хам.

Я засмеялся. Услышь меня кто-нибудь, не знакомый с современными операционными системами, – обязательно бы решил, что мой «пентиум» разумен.

– Извини, Вика.

– Ничего. Я не сержусь.

Разум – имитация разума... Где граница между ними? Мы уже разговариваем со своими компьютерами, они здороваются с нами и желают приятных снов. Многие – я, например – большую часть жизни проводят в виртуальном пространстве. Но это не победа человеческого разума, это лишь

имитация победы. Яркие флаги и фейерверки над пустотой. Больше частота процессора, больше память – и машина становится похожа на человека. Но не более того...

А Неудачник – он тоже может быть программой. Такой же хитрой, как вирус Маньяка. Пролетевшей сквозь фильтр под видом человека, пустившей корни в сервер тридцать третьего уровня. Способной поддерживать беседу и уничтожать чудовищ.

– Блин! – завопил я.

Это же так просто! Сотня фраз, произносимых когда удачно, а когда невпопад. Программа, обучающаяся на твоих собственных словах, возвращающая тебе твои собственные мысли. Послушно идущая вслед за наивными спасателями... Конечно, ей не нужны никакие каналы связи.

Что я говорил Неудачнику, как он мне отвечал? Я напряг память.

Не знаю. Может быть – и программа. Тогда «Аль-Кабар» и Человек Без Лица ткнули пальцем в небо.

Как хорошо, если я угадал. Как просто разрешается загадка!

Тишина, Стрелок...

Меня пробила дрожь. Я вспомнил ту пустоту, что накатила после его слов.

Программа?

Неудачник, бережно несущий нарисованного мальчишку...

Программа?

– Ничего я не понимаю, Вика, – сказал я. – Совсем ничего.

И ты мне помочь не можешь.

– Я могу помочь? – невпопад ответила Вика.

– Нет!

– А кто может?

Я помолчал, прежде чем ответить.

– Настоящая Вика. *Глубина!*

– Включение дип-программы?

Вместо ответа я нацепил шлем и положил руки на клавиатуру.

deer

Ввод.

Темноту экранов расчертили падающие звезды, радужная спираль закрутилась перед глазами. Стирая реальность, уводя меня к небоскребам Диптауна.

Первый миг – самый трудный. Комната та же самая, но я знаю – это морок, мираж.

– Все в порядке, Леня?

Кручу головой.

Комната в порядке. Я – не тот.

– Личность номер семь, «Стрелок».

– Выполняю...

В этот раз моя внешность меняется томительно долго. Что поделаешь, неизбежная плата за оружие.

– Все в порядке, Леня?

Встаю, смотрю на себя в зеркало.

– Да. Спасибо, Вика.

Подхожу к холодильнику, ищу в нем лимонад. «Спрайта» уже нет, осталась только кока-кола. Пойдет.

– Удачи, Леня.

– Спасибо.

Я жадно пью самый популярный в мире напиток, заду-манный – вот смех-то! – как средство от поноса. Урман считал, что у меня есть еще пять часов. Теперь осталось четыре. Почти чувствую, как где-то вдалеке, на других континентах, скрипят мозги чиновников всех мастей, начиная осмысливать феномен Неудачника. Скоро тридцать третий уровень «Лабиринта» прикроют. Скоро за Неудачником устроят охоту. Неважно, кто он – человек или программа. Я его вытащу.

– Вызови мне такси, – говорю я и выхожу из квартиры. Спускаюсь в чистеньком светлом лифте, открываю дверь подъезда.

Меня поджидает старый «форд». Водитель – прилизанный юноша в белой рубашке. Копия того, что я убил два дня назад, проникая в «Аль-Кабар». Мне даже стыдно становится при виде его доброжелательной улыбки.

– Публичный дом «Всякие забавы»! – рявкаю я.

Наверное, Вика уговорила Мадам сделать для меня особый статус. Во всяком случае, когда я вхожу в холл, там уже сидят трое мужчин. Все вскидывают головы – у всех в глазах смущение и испуг. Друг друга они не видят, а двое даже частично пересекаются в пространстве, напоминая уродливых сиамских близнецов.

Эти двое – статные голубоглазые брюнеты, стандартные тела из набора «Виндоус-Хоум». Видимо, надеты в целях маскировки. Третий – смуглый здоровяк, выбритый наголо. Сближает их всех лишь взгляд. Словно у человека, пойманного за выдавливанием прыщей.

Видимо, я теперь на правах сотрудника борделя? Вижу сразу всех посетителей, могу проходить в служебные помещения?

– Привет! – говорю я, вяло вскидывая руку. Все трое быстро кивают. Один с деланно-небрежным видом откладывает зеленый альбом, другой отшвыривает фиолетовый.

Лишь бритый здоровяк упрямо продолжает листать черный альбом, с любопытством разглядывая фотографии.

Я подхожу к охраннику. Он послушно распахивает передо мной дверь, и я выхожу из холла, избавляя посетителей от душевных мук.

Провожать меня не собираются, дорогу я помню. Коридор

пуст, часть дверей открыта, часть – нет. Из одной доносятся взрывы хохота. За дверью – беседка, окруженная цветущей сакурой. В небе – нежаркое весеннее солнце, вдали – конус Фудзи. В беседке пьют чай две девушки, при виде меня они беззаботно машут руками:

– Стрелок, привет! Чаю хочешь?

– Н-нет, – бормочу я, быстро удаляясь. Еще из одной двери высовывается абсолютно голая девчонка. Но стеснения у нее нет и в помине.

– А Вика занята! – говорит она. – Может, посидишь у меня? А то ску-у-учно!

Никакого намека в словах девчонки нет. И мысль о сексе возбуждает ее не больше, чем процесс вдоха-выдоха. Но что-то такое страшное есть в самой ситуации... в этих веселых, дружелюбных молодых девушках...

Я вдруг понимаю, что напоминают мне эти девочки.

Какую-то старую фантастическую книжку, про веселых молодых людей, занимающихся любимым делом, днюющих и ночующих на работе, дружелюбных, всегда готовых помочь товарищу, неспособных сказать друг о друге плохое слово...

Это как кривое зеркало. Фальшивое отражение. Зло наде-ло одеяния добра – и, странное дело, они оказались впору!

– Спасибо, я все-таки у нее подожду! – отчаянно улыбаясь, отвечаю я. – Спасибо!

Девушка корчит жалобную гримаску и исчезает в своей

комнате. А я иду дальше.

Пока не встречаюсь взглядом с черным котенком на фотографии.

– Мяу! – тихонько шепчу я, толкая дверь. Котенок открывает рот, тихо мяукает в ответ и вновь замирает.

Горная хижина пуста, лишь ветер из открытого окна треплет короткие занавески. Облокотившись на подоконник, долго смотрю на горы.

Нет, это невероятно. Создать целый мир, в полном одиночестве! И не ради денег и славы, не на заказ – просто для себя. Не для того, чтобы войти в этот мир.

Лишь знать, что он есть. Рядом, за окном. Искрящийся снег вершин, бескрайняя синь неба, камни на склонах, черный мох под соснами, парящие в небе птицы и снующие по деревьям белки. Мир тишины, чистоты и покоя. Мир, в котором не придумано слово «грязь».

Мне кажется, что Неудачнику он мог бы понравиться.

Очень надеюсь, что понравится...

– Леня?

Вика входит неслышно и застает меня врасплох.

– Извини... тебя не предупредили?

Она качает головой.

– Мне захотелось с тобой посидеть. Чуть-чуть. – Я невольно начинаю оправдываться. – У тебя... все в порядке?

Вика кивает.

– Не стоит так часто нырять в *глубину*, – говорю я, подхо-

дя. – Ты хоть перекусила?

– Немножко. Клиентов сегодня – море.

Она не отводит взгляд. Она привыкла считать это работой.

А со мной что-то не так. В груди – холодный ком, сыпучий и колкий, как снег на морозе. Я глотаю воздух и говорю:

– Неужели тебе необходимо так много работать... Мадам?

Вика отходит к окну. Спрашивает, не оборачиваясь:

– Как ты узнал?

– Почувствовал.

– Уходи, Леонид. Уходи навсегда, ладно?

– Нет.

– Какого дьявола ты ко мне привязался? – кричит Вика, поворачиваясь. – Зачем тебе подруга-проститутка? Проваливай! Мне это все нравится, ясно? Трахаться по сто раз в день, менять тела, командовать девчонками и делать вид, что я одна из них! Ясно? Ясно тебе?

Я просто стою и жду, когда она выкричится. Потом подхожу и становлюсь рядом у окна.

Говорить сейчас нельзя, и касаться Вики тоже не стоит, а молчать опасно, но выхода нет, и я жду. Сам не зная чего.

Горы вздрагивают, и пол под ногами начинает трястись. Вика вскрикивает, хватаясь за подоконник, я хватаю ее за плечо и упираюсь свободной рукой в стену. Земля трясется. Снежные шапки оплывают белым дымком, вытягивают вниз шупальца лавин. Мимо окна с грохотом проносится огром-

ный валун.

– Мамочка... – шепчет Вика, садясь на пол. Она скорее возбуждена, чем напугана. – Пригнись, Леня!

Я падаю рядом с ней, и вовремя – в окно бьет хороший заряд каменной шрапнели.

– Баллов пять! – кричит Вика. – Семь!

– Восемь! – поддерживаю я. Вряд ли она видела настоящие землетрясения, иначе бы не веселилась.

Пол хижины еще трясется, но уже слабее, мелкой конвульсивной дрожью.

– Круто, – шепчет Вика, вытягиваясь на полу. Ловлю ее взгляд, касаюсь рукой щеки. – Не сердись на меня, Леня.

– Я не сержусь.

– Клиенты порой... заводят.

– Кепочка? – вспоминаю я.

– Он самый.

– Кто он такой?

Вика дергает плечами:

– Не знаю. Он в разных телах ходит и ничего про себя не говорит. Только... – Она усмехается: – Всегда появляется в кепочке. Отсюда и прозвище.

– Он – садист?

– Да, наверное. Только особого плана.

Ее губы беззвучно шепчут короткое ругательство.

– Вы что, принимаете любых клиентов? Даже таких, от которых на стенку лезете?

Вика молчит.

– Я думал, что самых больших идиотов вы отсеиваете. Если Кепочку можно заранее опознать...

– Мы – не отсеиваем никого.

– Это что, честь фирмы? «Любая причуда»?

– Можешь считать и так.

Землетрясение вроде бы кончилось. Поднимаюсь, выглядываю в окно. По склонам еще сходят лавины, речушка внизу перегорожена оползнем и медленно разливается, отыскивая новое русло.

– Стихло... – шепчу я, невольно понижая голос. Будто мои слова могут вновь пробудить стихию. – Вика, зачем ты сделала землетрясение?

– При чем тут я? Этот мир живет сам по себе. У меня больше нет возможности им управлять.

– Совсем?

Вика бросает на меня короткий взгляд, встает, разглядывает изменившийся пейзаж.

– Абсолютно. Мир становится настоящим, только когда обретает свободу.

– Как человек.

– Конечно.

– Ты так веришь в свободу?

– А в свободу не надо верить. Когда она есть, ты сам это чувствуешь.

Наверное, я знал, что она скажет эти слова.

– Вика, если человеку, хорошему человеку, грозит беда. Если он навсегда может потерять свободу... ты согласилась бы ему помочь?

– Согласилась бы, – отвечает она спокойно. – Даже если он не очень хороший человек. Это такая позиция, если хочешь.

– Мне надо спрятать человека.

Вика смешно машет головой, так что волосы рассыпаются по плечам.

– Леня, ты о чем? Где спрятать?

– В виртуальности.

– Зачем?

– Он не может выйти.

– Ты об этом, который в «Лабиринте»?

– Да.

– Леня... – Вика берет меня за руку. – Ты давно был в реальном мире?

– Полчаса назад.

– Точно? Тебе самому помощь не нужна? У меня... – она закусывает губу, – есть знакомый дайвер. Это не выдумки, они и впрямь существуют!

Забавно...

– Хочешь, я попрошу его встретиться с тобой?

– Вика...

Она замолкает.

Не привык я к такой заботе, честно говоря. Это моя специальность – беспокоиться о людях, потерявшихся в вирту-

альности.

– Я помогу, – говорит Вика. – Но ты не прав... мне кажется.

Сейчас мне не до споров.

– Спасибо. У вас надежные системы безопасности?

– Вполне. Ты что-нибудь понимаешь в этом деле?

Киваю. Конечно, написать защитную программу я не смогу. Но вот ломать их приходилось столько раз, что впору считать себя экспертом.

– Можешь порасспрашивать Мага.

– А он мне скажет?

– Тебе – нет. И мне тоже, а вот Мадам...

Вика мешкает, бросает на меня такой взгляд, словно просит выйти. Я иду к двери, но она окликает:

– Леня... Не надо. Хочу, чтобы ты видел.

Она подходит к стене, проводит по ней рукой. И доски расходятся, открывая узкую дверь.

Там, за дверью, свет. Холодный синеватый свет, неживой. Силуэт Вики секунду стоит в проеме, потом исчезает внутри. И я иду вслед, хоть мне этого и не хочется. Как загипнотизированный.

Сарай. Или морг. Или музей Синей Бороды.

Из стен – блестящие никелированные крюки, на них висят, чуть-чуть не доставая ногами до пола, человеческие тела. В основном – девушки, блондинки и брюнетки, несколько рыженьких, одна абсолютно лысая. Но попадают и женщи-

ны средних лет, и пара старушек, несколько девочек и мальчиков.

Глаза у всех открыты, и в них – пустота.

– Это моя костюмерная, – говорит Вика.

Я молчу. Я и так это понимаю.

Вика идет вдоль покачивающихся тел, заглядывая в мертвые лица, что-то нашептывая – словно здороваясь с ними. Мадам висит в конце первого десятка. Вика оглядывается на меня, убеждаясь, что я смотрю, – и прижимается к пышному телу владелицы заведения, обнимает его – словно в пароксизме извращенной страсти.

Мгновение ничего не происходит. Потом – я не успеваю заметить миг перехода – Вика и Мадам меняются местами. Уже не Вика – Мадам отступает от бессильно повисшего тела.

– Вот и все, – говорит Мадам своим низким, грудным голосом.

– Зачем... так гнусно? – спрашиваю я. – Эти крюки... этот морг... зачем? Вика?

Мадам смотрит на Вику, грустно кивает:

– Вика, девочка, зачем? Объясним Лене?

Вика, нанизанная затылком на крюк, молчит.

– Чтобы не забывать, Леонид. Чтобы ни на секунду не забывать – они не живые.

Я смотрю на Мадам, куда более спокойную и мудрую, чем Вика. И если подходить непредвзято – гораздо более краси-

вую.

– Ты должен был увидеть, – говорит Мадам.

– Я увидел.

Мы выходим из склада человечины через другую дверь – ведущую в комнату Мадам. Это совсем иной мир. Шумный и переполненный пляж за окном, раскаленное солнце в небе, сама комната набита пышной старой мебелью, повсюду разбросаны книжки, открытые коробочки со сладостями, одежда, дешевая бижутерия и браслеты дутого золота, полупустые флакончики духов, игральные карты. Огромная кровать под бархатным балдахином не заправлена, под ней валяется тапочка. В буфете – галерея початых бутылок, на стене – пыльная гитара, персидский ковер на полу проеден молю и заляпан винными пятнами.

– Теперь можешь гадать, какая я – настоящая, – говорит Мадам.

Не собираюсь гадать. В мире все равно нет иной правды, кроме той, в которую нам хочется верить.

Мы не задерживаемся в комнате Мадам, чему я безмерно рад. Здесь слишком душно.

– Леня, мне порой кажется, что ты еще совсем мальчик, – говорит Мадам. – Нельзя же быть таким наивным.

– Почему?

– Жить трудно.

– А мне никто не обещал, что будет легко.

Я иду рядом с Мадам, гадая, как мы смотримся со сторо-

ны. Бледный и высокий Стрелок годится Мадам в сыновья по возрасту, но сходства в них нет. Наверное, это выглядит как визит переодетого аристократа в дешевый бордель.

– Ступеньки крутые, – предупреждает Мадам.

– Помню.

Мы выходим в рекреационную зону, и девочки под зонтиками приветствуют Мадам одобрительным визгом. Гей, бултыхающийся в воде у самого берега, торопливо встает и машет рукой. Из-под стойки бара высовывается всклокоченная голова Компьютерного Мага и торопливо ныряет обратно.

– Видишь, Вики нет, – громко говорит мне Мадам. Покровительственно кладет руку на плечо: – Девочки, Стрелок подождет свою подружку! Не обижайте его!

Общий смысл ответов сводится к тому, что меня непременно обидят, но мне это понравится. Мадам грозит девушкам пальцем, потом идет к стойке бара. Маг, словно почувствовав ее приближение, появляется на свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.